Переводъ съ нѣмецкаго.

ВЪ СИБИРЬ
СО СТА ТЫСЯЧАМИ НѢМЦЕВЪ.

Четыре мѣсяца въ плѣну у русскихъ.

Куртъ Арамъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

В Ъ   С И Б И Р Ь

С О   С Т А   Т Ы С Я Ч А М И   Н Ѣ М Ц Е В Ъ.

Четыре мѣсяца въ плѣну у русскихъ.

К У Р Т Ъ   А Р А М Ъ.

+

ПОѢЗДКА ВЪ ТИФЛИСЪ.

Въ субботу днемъ, 25 - іюля, моя жена и я сѣли въ Константинополѣ на небольшой нарядный пароходъ Австрійскаго Лойда „Каринтія", который долженъ былъ насъ доставить черезъ Черное море въ Батумъ.x/ Лѣтомъ 1914 года Турція, какъ извѣстно, уступая настояніямъ Германіи и Россіи, согласилась на введеніе основныхъ реформъ въ восточной Анатоліи, населенной главнымъ образомъ армянами христіанами и курдами. Я въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изучалъ этотъ интересующій меня вопросъ въ Константинополѣ. Высокой Портой въ это время были назначены два европейскихъ генеральныхъ инспектора для восточной Анатоліи, одинъ норвежецъ, а другой голландецъ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ жить въ Трапезундѣ, а другой въ Ванѣ. Въ серединѣ іюля они уѣхали со своей свитой въ Анатолію. 25 іюля я хотѣлъ поѣхать вслѣдъ за ними и понаблюдать за ихъ работой. Въ виду того, что это путешествіе должно было быть очень интереснымъ и поучительнымъ, то моя жена пріѣхала ко мнѣ 20 іюля изъ Нью-Іорка въ Константинополь.

Мы хотѣли прежде всего отправиться въ Ванъ, находящійся у озера того же названія. Существуетъ два пути, чтобы доѣхать туда. Нужно было ѣхать или пароходомъ до Трапезунда, а затѣмъ въ экипажѣ или верхомъ черезъ Эрзерумъ до Вана. Изъ Трапезунда приходилось ѣхать приблизительно 23 дня, что было очень тяжело и утомительно. Кромѣ того, можно было ѣхать на пароходѣ до Батума, а затѣмъ по русской желѣзной дорогѣ черезъ Тифлисъ до Эривани, а оттуда было лишь три съ половиной дня пути до Вана. Такимъ образомъ второй путь былъ значительно короче и гораздо удобнѣе, такъ какъ до послѣдняго дня можно было ѣхать по русской желѣзной дорогѣ. Мы, конечно, избрали второй путь. Въ то время уже разразился австро-сербскій конфликтъ и австрійскій ультиматумъ былъ тяжелой грозовой тучей на политическомъ горизонтѣ, но въ тѣ чудные лѣтніе дни никто не думалъ о томъ, что такъ скоро

---

x/ Смотри карту Кавказа, прилагаемую въ концѣ книги.

эта грозовая туча послужитъ причиной мірового пожара.

„Каринтія" снялась съ якоря вскорѣ послѣ 3 часовъ 25 іюля. Вокругъ насъ было яркое солнце, голубое море и голубое небо. Мы прошли мимо зимняго дворца султана, мимо дворца принцевъ, гдѣ сидѣлъ арестованный Абдулъ Гамидъ, мимо Арнаутикоя, лѣтней резиденціи австрійскаго и американскаго посольствъ, гдѣ въ этотъ день на водѣ мирно покачивались бѣлые стаціонеры австрійскаго, итальянскаго и англійскаго посольствъ, бѣлые и невинные, какъ три овечки на лугу. Мы миновали Терапію, лѣтнюю резиденцію германскаго посольства, гдѣ въ гавани медленно качалась „Лорелей", германскій стаціонеръ, такая же бѣлая овечка, какъ и другія. Мы сняли шляпы и раскланялись, такъ какъ „Лора" со своимъ капитаномъ была очень близка нашему сердцу. Германскій флагъ привольно развѣвался, раздуваемый легкимъ вѣтромъ съ Чернаго моря. Намъ суждено было его снова увидѣть только черезъ пять мѣсяцевъ.

На пароходѣ „Каринтія" находились почти исключительно магометане. Моя жена и я были единственными германцами. Изъ европейцевъ, за исключеніемъ экипажа, на пароходѣ находилась только польская чета изъ Львова, совершавшая свадебное путешествіе; они хотѣли черезъ Батумъ - Тифлисъ добраться до Тавриза въ Персіи, чтобы увидѣть нѣчто иное, чѣмъ всѣ остальные. Онъ былъ маленькимъ застѣнчивымъ приватъ-доцентомъ въ большихъ золотыхъ очкахъ. Она была красивой особой въ толстомъ шерстяномъ костюмѣ, который, вѣроятно, былъ въ два раза тяжелѣе ея самой. Съ перваго же момента мы не почувствовали особой симпатіи другъ къ другу. Нашимъ спасеніемъ былъ капитанъ, человѣкъ огромнаго роста, родомъ черногорецъ, но страстный австрійскій патріотъ; онъ былъ нашимъ утѣшеніемъ среди инородцевъ, окружавшихъ насъ, съ которыми не о чемъ было говорить.

Когда мы вошли въ Черное море, погода, бывшая до сихъ поръ такой мягкой, измѣнилась. Рѣзкій вѣтеръ дулъ изъ Анатоліи черезъ голыя скалы и безлюдныя равнины.

Капитанъ и мы становились все болѣе и болѣе безпокойными. Каковъ былъ точный текстъ австрійскаго ультиматума, какъ

онъ будетъ принятъ. На пароходѣ, къ сожалѣнію, не было аппарата Маркони, а телеграммы можно было получить только въ Самсунѣ. Нашъ желчный капитанъ сталъ теперь совсѣмъ свирѣпымъ при мысли, что и въ Самсунѣ можетъ не быть новыхъ телеграммъ, какъ это было уже годъ тому назадъ во время балканской войны. Въ то время онъ совершалъ эти же рейсы.

Само собою разумѣется, въ Самсунѣ мы ничего не узнали и должны были ожидать Трапезунда. Въ Трапезундъ мы прибыли въ среду 29 іюля очень рано утромъ. Агента Лойда мы не могли найти. Я поѣхалъ въ городъ, чтобы повидать германскаго консула. Германскаго консула не было въ городѣ, онъ находился гдѣ-то далеко на дачѣ и его возвращенія не ожидали въ этотъ день. Секретарь консульства, смуглый брюнетъ, всѣми силами старался объяснить мнѣ по французски, что нѣтъ ни малѣйшей опасности къ возникновенію міровой войны. Онъ сказалъ, что знаетъ это навѣрно и дѣлалъ всевозможные темные намеки относительно полученныхъ за это время депешъ.

Когда я вернулся на пароходъ, капитанъ отвелъ меня въ сторону. Онъ былъ очень взволнованъ и сказалъ мнѣ, что ходятъ слухи объ обстрѣлѣ австрійцами Бѣлграда.

Въ полночь мы прибыли и простояли нѣсколько часовъ въ ожиданіи у Ризы, послѣднемъ турецкомъ портовомъ городѣ близъ русской границы. Извѣстія, которыя надѣялся получить капитанъ, не приходили и ему пришлось отправиться въ Батумъ, въ гавань котораго мы вошли утромъ 30-го іюля.

Гавань казалась вымершей. Рабочіе бастовали, виднѣлись лишь полиція, жандармы и русскіе таможенные чиновники.

Наконецъ то мы могли сойти на землю. Мы сдѣлали это медленно и неохотно. Я зналъ уже Батумъ по прежнимъ поѣздкамъ, а также хорошо и всю Россію. Такимъ образомъ я совсѣмъ не страдалъ отъ чувства тоски, которое нѣкоторые испытываютъ, попадая впервые въ совершенно незнакомую страну, а въ особенности въ Россію. Мы медлили уходить съ парохода, видя жуткую подозрительную тишину гавани, волненіе капитана, его скрытыя надежды, что наконецъ положеніе выяснится. Мы, вѣроятно, остались бы на пароходѣ и на слѣдующій день вер-

нулись бы, по крайней мѣрѣ, въ Трапезундъ, чтобы попытаться проѣхать черезъ Эрзерумъ, относительно чего мы уже сговорились съ капитаномъ, если бы послѣдній, пожимая намъ руки, не пошутилъ: „Будьте осторожны, чтобы не попасть еще въ Сибирь". Мы засмѣялись, думая что до этой крайности мы не дойдемъ.

Недалеко отъ „Каринтіи" въ это же утро въ Батумской гавани находился еще большой пассажирскій пароходъ, совершающій рейсы по линіи Гамбургъ - Америка. Я не помню его названія, я знаю только, что это былъ первый Гамбургскій пароходъ, совершавшій рейсъ Гамбургъ - Нью-Іоркъ - Константинополь - Батумъ.

Мы поѣхали въ первую попавшуюся гостиницу, чтобы немного освѣжиться и ѣхать дальше со слѣдующимъ поѣздомъ въ Тифлисъ. Слѣдующій поѣздъ отходилъ только вечеромъ. Намъ сказали, что мы едва ли найдемъ мѣсто, такъ какъ онъ будетъ занятъ войсками.

Мы уже днемъ отправились на вокзалъ и намъ какъ разъ удалось достать свободное маленькое купе. Польской четѣ, появившейся незадолго до отхода поѣзда, пришлось стоять въ проходѣ.

Поѣздъ былъ очень длинный и весь занятъ русскими пѣхотными солдатами. Я зналъ русскіе порядки, а потому меня особенно поразило то обстоятельство, что для просмотра требовали не только билеты, но и паспорта, чего никогда не бываетъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Бумаги просматривали не только кондукторъ и оберъ-кондукторъ, но и пѣхотный подполковникъ, занимавшій маленькое купе рядомъ съ нами...... Все это было очень странно и необыкновенно..... Вскорѣ представился случай попытаться начать разговоръ съ нашимъ сосѣдомъ въ формѣ. Къ сожалѣнію онъ не говорилъ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ такой видъ. Мое знаніе русскаго языка было очень неудовлетворительнымъ, а потому нельзя было отъ него ничего узнать. Я только понялъ одно, онъ пытался мнѣ объяснить, что перевозка войскъ вызвана забастовкой и

что офицеры всюду контролируютъ билеты въ поѣздахъ со времени революцiи 1904 - 1905 года. Гм.....

Офицеръ былъ въ высшей степени вѣжливъ и любезенъ. Когда мы рано утромъ 31 iюля прибыли въ Тифлисъ и вслѣдствiе забастовки извозчиковъ и трамвайныхъ служащихъ не могли найти экипажа, чтобы отправиться въ гостиницу, до которой было добрыхъ полчаса ѣзды, подполковникъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не нашелъ экипажа для насъ. Мы взяли съ собой польскую чету и поѣхали въ гостиницу „Лондонъ", которую содержала уроженка города Майнца - госпожа Рихтеръ. Всякiй, кто когда нибудь былъ на Кавказѣ знаетъ эту гостиницу и ея владѣлицу, очень энергичную, въ высшей степени любящую чистоту, старую даму. Она рано овдовѣла, въ теченiе тридцати лѣтъ содержала лучшую гостиницу главнаго кавказскаго города и относилась по матерински къ каждому нѣмцу, который къ ней прiѣзжалъ. Мои слова звучатъ надгробной рѣчью, да такъ и случилось, такъ какъ русскiе сослали за это время ея обоихъ сыновей въ Сибирь, ее разорили, а когда она осталась безъ всего, то просто выгнали ее въ Германiю.

Въ послѣднюю пятницу iюля мѣсяца 1914 года объ этомъ еще никто не думалъ. Въ гостиницѣ было очень много высшихъ офицерскихъ чиновъ русской армiи, такъ что мы едва нашли себѣ мѣсто.

Я сразу же отдалъ наши паспорта швейцару и приказалъ ему сдѣлать все возможное, чтобы я завтра же утромъ получилъ ихъ обратно. Онъ сразу сказалъ мнѣ, что я не получу ихъ, вѣроятно, раньше понедѣльника. Я хотѣлъ въ понедѣльникъ снова покинуть русскую территорiю, а потому долженъ былъ визировать паспорта, чтобы безпрепятственно выѣхать изъ города. Я могъ бы это сдѣлать еще въ Эривани, но здѣсь, въ главномъ городѣ, всѣ эти формальности будутъ сдѣланы, конечно, скорѣе, чѣмъ въ маленькомъ городѣ.

Изъ германцевъ въ это время въ гостиницѣ находились сыновья госпожи Рихтеръ со своими женами, сама содержательница гостиницы и одинъ баварскiй инженеръ со своей молодой

женой, уроженкой Вѣны. Онъ только нѣсколько недѣль тому назадъ пріѣхалъ на Кавказъ, чтобы работать на заводѣ близъ Батума, принадлежащемъ фирмѣ Сименсъ. Къ этимъ нѣмцамъ присоединились моя жена и я.

Изъ европейцевъ въ гостиницѣ еще были два англичанина и американскій миссіонеръ, только что пріѣхавшій со своей дочерью прямо изъ Персіи. Два дня спустя къ намъ присоединилась еще молодая чета голландцевъ, хотѣвшихъ сдѣлать прогулки по горамъ.

Всѣ остальные жильцы гостиницы были русскіе офицеры, среди которыхъ было много уроженцевъ Прибалтійскаго края, служившихъ въ Тифлисскомъ драгунскомъ полку.

Здѣсь также, конечно, австро-сербскій конфликтъ былъ злобой дня, говорили о немъ и германцы и русскіе, и англичане. Но и самый мрачный пессимистъ не предчувствовалъ того, что уже въ понедѣльникъ должно было стать дѣйствительностью.

Въ субботу, I-го августа, я пошелъ въ германское консульство. Къ сожалѣнію, германскаго консула вообще не было въ Тифлисѣ, онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль находился въ отпуску въ Германіи. Вмѣсто него дѣла консульства велъ нѣкій господинъ ЛОРЦЪ, секретарь консульства, при дѣятельной поддержкѣ австрійскаго консула доктора КОРОССАЧА, родомъ изъ Венгріи. Германскій секретарь оказался такимъ переутомленнымъ и взволнованнымъ, что я не захотѣлъ его безпокоить и пошелъ къ австрійскому консулу. Австрійскій консулъ былъ очень любезенъ и очень сдержанъ, однимъ словомъ былъ тѣмъ, кого обычно принято называть дипломатомъ.

Когда я снова вышелъ на улицу, то встрѣтилъ случайно знакомаго мнѣ по Константинополю сирійца, который съ ужасомъ на меня посмотрѣлъ и прошепталъ: „Постарайтесь уѣхать отсюда; началась война." Я недовѣрчиво улыбнулся, онъ же поспѣшно удалился.

На слѣдующій день около полудня, это было въ воскресеніе, мы какъ разъ сидѣли за завтракомъ, въ ресторанѣ

появился уроженецъ Балтійскаго края баронъ ДРАХЕНФЕЛЬСЪ и началъ шептаться направо и налѣво со знакомыми ему нѣмцами изъ города, которые по воскресеньямъ тоже здѣсь завтракали. Онъ казался очень взволнованнымъ, пригласилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ нѣмцевъ, среди нихъ также баварскаго инженера и его молодую жену, уроженку Вѣны, къ себѣ за столъ и приказалъ подать шампанскаго, якобы, желая опохмѣлиться.

Моя жена и я не сидѣли за этимъ столомъ, такъ какъ мы въ то время еще никого лично не знали изъ этой компаніи. Шампанское развязало языки и такъ какъ за столомъ сидѣла молодая женщина, за которой усиленно ухаживали, то общество скоро очень оживилось.

Мы находили, что эти нѣмцы вели себя все-таки слишкомъ шумно въ это критическое время. Мы видѣли также, что русскіе офицеры, сидѣвшіе за однимъ столомъ, становились все безпокойнѣе, видя довольныя лица нѣмцевъ. По всему, что последніе дѣлали и говорили, я видѣлъ, что ихъ пребываніе вмѣстѣ было чисто случайнымъ и совершенно невиннымъ. Въ то же время я былъ знакомъ съ русскими нравами и зналъ, какъ легко здѣсь изъ-за пустяка поднимали исторію, когда этого хотѣли и находили предлогъ.

Мы вышли изъ ресторана, при чемъ я замѣтилъ, что младшій сынъ хозяйки становился все безпокойнѣе, глядя на веселую компанію, пившую шампанское. Я не имѣлъ права предостеречь этихъ людей, такъ что я счелъ за лучшее удалиться. Въ то воскресенье я не считалъ возможнымъ, чтобы этотъ въ высшей степени невинный завтракъ съ шампанскимъ могъ имѣть такія тяжелыя послѣдствія.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е   В О Й Н Ы.

Въ понедѣльникъ утромъ, 3-го августа, когда я узналъ, что мои паспорта не получены и полиція на запросъ по телефону отвѣтила, что ихъ нельзя будетъ получить, вѣроятно, до завтрашняго дня, я пошелъ съ младшимъ сыномъ содержательницы гостиницы немного погулять и снова посмотрѣть на кра-

сивый городъ Тифлисъ. Мы бродили по тѣнистому Александровскому саду, такъ какъ было очень жарко, и дошли до Головинскаго проспекта, до широкой главной улицы, на которой находится громадная гарнизонная церковь, дворецъ намѣстника, комендантское управленіе, публичная библіотека и Кавказскій музей.

Около половины двѣнадцатаго мы встрѣтили знакомаго намъ русскаго штабного офицера. Мы раскланялись съ нимъ. Онъ быстро прошелъ мимо насъ, остановился, вернулся къ намъ, поздоровался съ нами и сказалъ съ нѣсколько злорадной улыбкой: „Вы уже слышали. Германія намъ объявила войну."

Мы стояли одно мгновеніе, какъ пораженные громомъ. Послѣ же мой спутникъ разсмѣялся офицеру въ лицо. Какіе пустяки. Офицеръ поспѣшилъ удалиться.

Мы молча шли дальше, каждый былъ занятъ своими мыслями. .... Глупости.... Почему именно Германія объявила войну Россіи.

Мы дошли до Эриванской площади, гдѣ всегда было много народу. Что то случилось.

Мы увидѣли, что изъ Городской Думы на площадь былъ вынесенъ столъ. Столъ этотъ покрыли бѣлой скатертью и на него поставили большой золотой крестъ. Надъ столомъ былъ сооруженъ пышный балдахинъ. Нѣсколько священниковъ вышли въ золотомъ расшитыхъ одеждахъ.

„Вѣроятно, будутъ служить панихиду, это здѣсь часто бываетъ", сказалъ мой спутникъ и мы поспѣшили уйти. Совершенно машинально мы пошли по направленію къ Сергіевской улицѣ, на которой находилось австрійское консульство.

Какъ только мы свернули на эту улицу, то увидѣли мчавшагося намъ навстрѣчу газетчика съ цѣлымъ ворохомъ экстренныхъ телеграммъ. Мы вырвали у него одну телеграмму, въ которой лишь была помѣщена лаконическая телеграмма Петроградскаго телеграфнаго агентства о томъ, что Германія объявила войну Россіи. Тѣмъ не менѣе, все это казалось намъ обоимъ такимъ невѣроятнымъ и ужаснымъ, что мы не отнеслись достаточно серьезно къ телеграммѣ.

Австрійскій консулъ зналъ не больше насъ. Мы даже, принеся ему экстренный выпускъ, первые сообщили объ объявленіи войны. Онъ, повидимому, также мало вѣрилъ въ это, какъ и мы. Онъ дѣйствительно не зналъ ничего болѣе опредѣленнаго, такъ какъ заявилъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ не имѣетъ больше извѣстій отъ своего правительства, несмотря на крайне нужныя телеграммы, которыя онъ послалъ.

„Въ Петроградской телеграммѣ сказано лишь о войнѣ между Германіей и Россіей. Нѣтъ ни одного слова о войнѣ между Австріей и Россіей. Почему же Вамъ въ такомъ случаѣ не вручаютъ телеграммъ," - спросили мы.

Докторъ КОРОССАЧЪ многозначительно пожалъ плечами.

Секретарь германскаго консульства вызвалъ его по телефону и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли въ германское консульство.

Секретарь былъ въ крайне возбужденномъ состояніи, онъ сразу же повѣрилъ объявленію войны и приготовлялъ все къ тому, чтобы закрыть консульство.

Мы поспѣшили домой. На Эриванской площади подъ открытымъ небомъ служили первый молебенъ по поводу объявленія войны. Въ первый разъ русскіе священники молились здѣсь о дарованіи побѣды русскому оружію и о пораженіи и разрушеніи Германіи. Впервые раздались позади насъ на Эриванской площади звуки русскаго національнаго гимна съ его возвышеннымъ, похожимъ на церковный, напѣвомъ.

Въ дверяхъ германскихъ магазиновъ на Головинскомъ проспектѣ стояли владѣльцы и служащіе съ блѣдными лицами. Никто, однако, не вѣрилъ въ серьезность положенія. Они всѣ придерживались нашего мнѣнія и принимали все происходившее за возбужденіе общественнаго настроенія противъ германцевъ.

Былъ полдень и на Головинскомъ проспектѣ находилось масса народу, нѣкоторые держали въ рукахъ телеграммы, другіе бросали ихъ, презрительно улыбаясь. Здѣсь тоже не считали извѣстіе о войнѣ серьезнымъ.

То же настроеніе царило въ гостиницѣ, ни русскіе офицеры, ни иностранцы не придавали телеграммѣ серьезнаго значенія.

Офицеры разговаривали съ нами, мы съ обоими англичанами.

Въ лучшей гостиницѣ Тифлиса первое извѣстіе о надвигающейся бѣдѣ объединило въ этотъ день гостей различныхъ національностей, а не оттолкнуло ихъ другъ отъ друга.

Оба англичанина смотрѣли иногда очень серьезно въ даль, будто бы на огромное торговое дѣло, которое стояло у нихъ передъ глазами въ неясныхъ очертаніяхъ, и взвѣшивали, какъ хладнокровные купцы, выгоды этого предпріятія.

У насъ, германцевъ, горячія головы и мы думали только объ одномъ: какъ мы попадемъ обратно въ Германію.

Совершенно незамѣтно всѣ мы германцы сѣли за одинъ столъ: Госпожа РИХТЕРЪ со своими сыновьями, баварскій инженеръ со своей женой, я и моя жена. Вскорѣ къ намъ присоединились германцы изъ города. Что дѣлать. Только одинъ изъ насъ былъ еще военнообязаннымъ, но мы всѣ хотѣли вернуться въ Германію и предложить свои услуги. Каждый изъ насъ можетъ быть чѣмъ нибудь полезенъ въ предстоящей колоссальной войнѣ. Намъ предстояло теперь уложиться и позаботиться о паспортахъ. Когда мы пришли къ этому рѣшенію, то всѣ облегченно вздохнули, мускулы у насъ напряглись, глаза заблестѣли. Теперь лишь бы удалось уѣхать домой въ Германію.

Мы снова сѣли вмѣстѣ на верандѣ гостиницы; было темно, лишь звѣзды мерцали надъ тихо журчащей Курой.

Сосѣдній столъ занимали оба англичанина; недалеко отъ нихъ сидѣлъ американскій миссіонеръ со своей дочерью, котораго вся эта исторія, казалось, не интересовала; еще дальше расположились русскіе офицеры, они шумѣли и смѣялись.

Въ первый разъ мы почувствовали, что окружены врагами и должны быть осторожны. Мы лишь тихо разговаривали между собой и старались сохранять съ внѣшней стороны спокойный видъ, но все въ насъ кипѣло и мы были полны дикаго желанія дѣйствовать.

Вдругъ всѣ замолкли и стали прислушиваться. Что это такое. Издалека надъ Курой доносилось пѣніе, вотъ оно все приближается и приближается - это русскій національный гимнъ, торжественный и пламенный. Манифестанты поютъ его и проходятъ по городу. Я пробрался къ выходу изъ гостиницы, мимо

которой проходили манифестанты. Толпа состояла изъ пятидесяти подростковъ, впереди которыхъ шелъ городовой съ портретомъ Царя.

Я поспѣшно вернулся на веранду, пѣніе стало доноситься съ моста черезъ Куру. Какъ будто по уговору мы подняли стаканы съ бѣлымъ виномъ и выпили ихъ. Мы не смѣли сказать того, о чемъ думали, у всѣхъ же у насъ была одна мысль: Германія, Германія превыше всего.

На другой день рано утромъ я отправился къ австрійскому консулу, я все еще не получилъ моего паспорта и надѣялся на его помощь и совѣтъ.

Въ пріемной я увидѣлъ сіяющую женщину, нѣмку, со своими двумя сыновьями. Старшій, которому едва было 19 лѣтъ, тоже ликовалъ, младшій же, шестнадцатилѣтній, горько плакалъ. Мать привела старшаго сына, чтобы отправить его для несенія военной службы въ Германію, чему оба они и радовались. Младшему же консулъ только что сказалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ поступить на военную службу, это и заставило его такъ горько плакать. Я вздрогнулъ при видѣ слезъ мальчика, консула это тоже замѣтно тронуло, хотя онъ и хорошо умѣетъ владѣть своимъ гладко выбритымъ лицомъ.

Вскорѣ появились другіе германцы, всѣ они хотятъ лишь одного - получить паспортъ для отъѣзда въ Германію, чтобы поступить тамъ на военную службу.

Бѣдный консулъ, онъ находится въ затруднительномъ положеніи, онъ вѣдь офиціально не знаетъ, что объявлена война. Онъ не могъ узнать ничего опредѣленнаго и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ утѣшать всѣхъ, просить зайти потомъ и направлять въ германское консульство.

Мнѣ онъ, конечно, тоже обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы я получилъ обратно мои паспорта, но онъ, вѣроятно, предвидѣлъ, что изъ этого ничего не выйдетъ.

Изъ консульства я отправился въ банкъ. Я перевелъ большую часть моихъ денегъ въ Ванъ, такъ какъ въ такое путешествіе приходится брать лишь самую необходимую сумму. Въ виду того, что я хотѣлъ теперь ѣхать въ Германію, а не въ Ванъ, то

рѣшилъ попытаться получить мои деньги изъ Вана черезъ Тифлисскій банкъ. Въ банкѣ мнѣ посовѣтовали сразу же телеграфировать въ Ванъ о переводѣ денегъ въ Тифлисъ и даже предложили сдѣлать это за меня, прося для этой цѣли предъявить депозитную расписку. Я ее показалъ, но не выпустилъ изъ рукъ. Служащіе въ банкѣ были, даже для русскихъ, слишкомъ любезными, я началъ сомнѣваться и рѣшилъ сначала узнать обо всемъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Мое сомнѣніе было основательнымъ, если бы я послѣдовалъ совѣту банковскихъ служащихъ, то лишился бы денегъ, такъ какъ нѣсколько дней спустя послѣ объявленія войны банкъ уже не выдавалъ денегъ нѣмцамъ, даже австрійскій консулъ не получилъ переведенныхъ ему денегъ.

Событія самыхъ ближайшихъ дней такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что я не увѣренъ въ правильности ихъ хронологическаго порядка. Я немедленно же сдѣлалъ замѣтки, чтобы на основаніи ихъ разсказывать все въ хронологическомъ порядкѣ, но эти замѣтки мнѣ пришлось позднѣе уничтожить. Я могу теперь передать лишь главныя впечатлѣнія.

Около полудня я вошелъ въ ресторанъ нашей гостиницы и невольно остановился въ дверяхъ: посреди зала стоялъ господинъ съ непокрытой головой, его окружали русскіе офицеры съ серьезными лицами. Господинъ читалъ только что полученный манифестъ Царя, судя по которому Германія предательски начала войну противъ невинной овечки - Россіи. Послѣ чтенія наступило сначала глубокое молчаніе, а затѣмъ раздалось пѣніе національнаго гимна........

Я увидѣлъ, что наступилъ крайній срокъ для отъѣзда домой, въ Германію. Всѣ германцы, жившіе на Кавказѣ, почувствовали это и устремились въ Тифлисъ. Здѣсь находилось единственное германское консульство на Кавказѣ, оно же существовало для оказанія помощи германцамъ........

Молодой интеллигентный германскій рабочій тоже пришелъ въ гостиницу, онъ былъ делегатомъ отъ двѣнадцати своихъ товарищей, которые работали недалеко отъ Батума. Онъ долженъ былъ получить для нихъ изъ консульства заграничные паспорта. По

его молодому лицу видно было, какъ онъ радъ, что, наконецъ, вспыхнула война. Его двѣнадцать товарищей, какъ и онъ, готовы были въ путь и желали поскорѣе уѣхать. Онъ пошелъ къ консулу, но скоро вернулся въ полномъ отчаяніи, такъ какъ послѣдній не могъ ему помочь. Онъ поспѣшилъ на вокзалъ, чтобы вернуться въ Батумъ и переговорить съ товарищами. Какъ только онъ покинулъ гостиницу, въ ресторанъ вошла полиція, которая искала молодого рабочаго. Мы, конечно, сказали, что ничего не знаемъ. Часъ спустя молодой человѣкъ снова появился, на этотъ разъ въ сопровожденіи русскаго офицера; его задержали на вокзалѣ. Изъ Тифлиса больше не выпускали вообще ни одного германца.

Въ гостиницу все время приходили нѣмцы, это вѣдь германское предпріятіе, здѣсь же бывали и консула. Гдѣ же еще можно получить совѣтъ, если не здѣсь. Вскорѣ пришла полиція и увела германцевъ; куда, мы не знали..... Вечеръ. Австрійскій консулъ приходитъ къ намъ въ гостиницу. Его итальянскій коллега увѣдомилъ его, наконецъ, о войнѣ между Россіей и Германіей. Послѣ этого онъ направился къ германскому консулу. Еще разъ былъ поднятъ черно-бѣло-красный флагъ, только два германца были при этомъ на улицѣ и сняли шляпы. Флагъ убрали, гербъ консульства сняли - въ Тифлисѣ нѣтъ больше германскаго консульства......

Я : „Какъ же мы теперь попадемъ въ Германію."

Консулъ: „Америка приняла на себя покровительство германцевъ въ Россіи."

Я : „Ближайшій американскій консулъ находится въ Батумѣ."

Консулъ кивнулъ утвердительно головой. Онъ составилъ американскому консулу г-ну СМИДУ телеграмму приблизительно такого содержанія, чтобы онъ возможно скорѣе пріѣзжалъ въ Тифлисъ и взялъ бы на себя покровительство здѣшнихъ германцевъ.

Къ консулу пришли еще другіе германцы, онъ старался насъ успокоить, объясняя намъ, что американскій консулъ перевезетъ насъ на нейтральномъ суднѣ въ Батумъ, а оттуда дастъ намъ возможность уѣхать черезъ Константинополь домой.

Намъ, германцамъ стало немного легче на сердцѣ. Германія

насъ не забыла, она указала намъ защиту въ лицѣ американцевъ.

Я обратился къ австрійскому консулу съ вопросомъ: „Скажите пожалуйста, этотъ господинъ СМИДЪ консулъ по должности."

„Онъ купецъ - выборный консулъ," отвѣтилъ онъ мнѣ.

У меня снова на сердце легла тяжесть, но я не показалъ моего настроенія передъ другими, которые были такъ полны надеждъ. Такимъ образомъ я узналъ, что господинъ СМИДЪ купецъ, дѣловой человѣкъ или что либо подобное. Онъ, вѣроятно, имѣетъ доходы отъ торговли съ русскими. Откуда же у него возьмется энергія, если это понадобится, чтобы рѣшительно выступить противъ русскихъ. Я поговорилъ по этому поводу съ моей женой, американкой по рожденію, она еще болѣе скептически отнеслась къ этому, чѣмъ я............

Въ тотъ день, когда австрійскій консулъ офиціально узналъ объ объяленіи Австріей Россіи войны, онъ, замѣтно успокоенный, снова пришелъ къ намъ въ гостиницу. Согласно дипломатическимъ обычаямъ онъ долженъ покинуть свой постъ въ теченіе 24 часовъ, это, конечно, только радуетъ его. Онъ принесъ намъ отвѣтную телеграмму господина СМИДА изъ Батума, которая шла довольно долго. Господинъ СМИДЪ сообщилъ, что не можетъ пріѣхать изъ Батума въ Тифлисъ и вообще не имѣетъ возможности сдѣлать что-либо для германцевъ.

Лица у насъ у всѣхъ вытянулись, когда мы услышали это. Изъ американскаго покровительства ничего не вышло, приходилось положиться на собственныя силы..... Но не поздно ли уже это было........ Если бы мы знали о положеніи вещей въ день объявленія войны, то нѣкоторымъ удалось бы бѣжать, пользуясь общимъ безпорядкомъ. Мы, нѣмцы, привыкли слушать совѣта нашихъ властей, въ данномъ случаѣ нашихъ консуловъ, они намъ совѣтовали ничего не предпринимать, а пока подождать........ Мы ждали до тѣхъ поръ, пока война не вылечила насъ отъ вѣры въ консуловъ...........

Австрійскій консулъ собирался ѣхать черезъ Петроградъ - Финляндію. Я дѣлалъ все возможное, чтобы уѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Мнѣ обѣщали выдать къ вечеру паспорта. Мы заново

укладывались, такъ какъ въ далекое путешествіе черезъ Финляндію приходится брать лишь самое необходимое...... Наступаетъ вечеръ, а паспортовъ все нѣтъ. Мы поужинали вмѣстѣ съ консуломъ, въ девять часовъ вечера онъ уѣхалъ на вокзалъ въ сопровожденіи офицера...... Около половины одиннадцатаго онъ снова вернулся въ гостиницу, мы не разсчитывали такъ скоро встрѣтиться. Онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ и поѣздъ долженъ былъ отойти, когда ему сообщили, что путь черезъ Финляндію запрещенъ, и онъ долженъ проѣхать только черезъ Владивостокъ - Пекинъ - Санъ-Франциско - Нью-Іоркъ. Ему предстояло довольно длинное и дорого стоющее путешествіе. У кого есть для этого необходимыя деньги въ карманѣ......... Онъ снова долженъ былъ ѣхать въ городъ, чтобы взять въ долгъ необходимую сумму денегъ для этого насильственнаго путешествія. Его собственныхъ денегъ ему больше не выдали........

Онъ уѣхалъ на слѣдующій день вечеромъ и уже больше не возвращался въ гостиницу. Мы не знаемъ, что съ нимъ сталось.

Съ его отъѣздомъ была рѣшена судьба нѣмцевъ; мы были совершенно беззащитны отъ произвола русскихъ властей.

ВЪ РУССКОЙ ЛОВУШКѢ.

5-го августа, около полудня, швейцаръ гостиницы пришелъ въ ресторанъ, гдѣ мы сидѣли, обсуждая наше положеніе, чтобы пригласить двухъ сыновей хозяйки, меня и баварскаго инженера въ контору, гдѣ насъ ждалъ помощникъ пристава для составленія протокола.

Мы вчетверомъ отправились въ контору. Помощникъ пристава былъ веселый шарообразный господинъ, ему, вѣроятно, было пріятнѣе пить и ѣсть, чѣмъ заниматься составленіемъ протоколовъ.

Моя очередь была послѣдней и у меня было время обдумать что сказать. Мое положеніе было нѣсколько щекотливымъ. Незадолго до начала войны въ Берлинѣ вышла моя книга подъ названіемъ: „Царь и его евреи", въ котфрой проводился мало доброжелательный взглядъ по отношенію къ русскому правитель-

ству. Кромѣ того, изъ моего паспорта было видно, что я пріѣхалъ прямо изъ Константинополя, тамъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и снова хотѣлъ вернуться въ Турцію. На основаніи всего этого я могъ показаться русскимъ подозрительнымъ.

При составленіи протокола я показалъ то, что отчасти было правдой, а именно, что я занимаюсь археологическими изслѣдованіями, спеціально хетитическими, и съ этой цѣлью ѣду въ Ванъ и его окрестности.

Шарообразный помощникъ пристава не выяснилъ изъ моихъ показаній ничего опредѣленнаго, но пока удовлетворился этимъ.

Намъ всѣмъ, за исключеніемъ младшаго сына хозяйки, разрѣшили вернуться завтракать. Младшаго сына хозяйки околодочный увелъ съ собой. Лишь на слѣдующій день его жена, германская колонистка, родившаяся на Кавказѣ, разузнала, что ея мужъ сидитъ на гауптвахтѣ.

На слѣдующій день мы получили извѣстіе отъ арестованнаго, что онъ пока останется на гауптвахтѣ вмѣстѣ съ германскимъ консуломъ изъ Эрзерума. Докторъ АНДЕРСЪ, германскій консулъ въ Эрзерумѣ, пріѣхалъ изъ Вана, куда я хотѣлъ сначала ѣхать. Онъ тоже выбралъ болѣе удобный путь черезъ Россію въ Эрзерумъ, не имѣя никакого представленія о началѣ войны. Онъ былъ арестованъ на русской территоріи и посаженъ на гауптвахту.

Въ Тифлисѣ стало извѣстно объ объявленіи Англіей войны Германіи. Въ городской думѣ прыгали отъ радости. Въ городѣ всѣ ходили съ поднятыми головами и думали, что Германія уже почти уничтожена.

Нѣкоторые русскіе стали относиться теперь еще снисходительнѣе къ бѣднымъ „нѣмцамъ", германцамъ. Большинству уже объявленіе войны Англіей придало столько мужества, что они стали наглыми по отношенію ко всему германскому.

Только оба англичанина, жившіе у насъ въ гостиницѣ, не радовались объявленію Англіей войны, напротивъ, они были какъ громомъ поражены этимъ извѣстіемъ. Они такъ принялись бранить лорда Грея, какъ мнѣ никогда не приходилось слышать отъ англичанъ. Активнымъ участіемъ въ войнѣ, по ихъ

мнѣнію, онъ лишилъ Англію наилучшаго и наибольшаго кото-рое было всегда въ рукахъ англичанъ. Англія, наконецъ, откровенно высказалась, вмѣсто того, чтобы продолжать ловить рыбу въ мутной водѣ. Это было наибольшей ошибкой, которую Англія когда-либо сдѣлала. Англичане уѣхали злыми и разстроенными. Они имѣли на это основаніе.........

Молодая голландская чета, нейтральная чета, чувствовала себя неловко, такъ какъ не хотѣла совсѣмъ портить отношеній съ германцами, а русскіе начинали ставить молодымъ людямъ на видъ, когда они съ нами разговаривали. Они сдѣлали самое умное, что можетъ сдѣлать нейтральный человѣкъ, они уѣхали въ горы. Въ то время, какъ міръ находится въ огнѣ, они взбирались на Казбекъ.

Наша австро-польская чета почти цѣлый день пряталась въ своей комнатѣ. Только по вечерамъ они выходили и потихоньку гуляли, нѣжно прижавшись другъ къ другу, въ маленькомъ саду при гостиницѣ. Днемъ они боялись выходить и съ каждымъ днемъ выглядѣли все несчастнѣе. Они только тогда воспрянули духомъ, когда было обнародовано воззваніе Великаго Князя Николая Николаевича къ полякамъ. Мужъ мнѣ заявилъ, что рѣшилъ принять русское подданство. Если бы онъ не былъ такимъ нахаломъ, то я далъ бы ему пощечину, принимая же это во вниманіе, я лишь молча повернулъ ему спину.

Черезъ восемь дней послѣ составленія перваго протокола, старшаго сына хозяйки, баварскаго инженера и меня снова вызвали изъ ресторана. У входа въ гостиницу стояло шесть русскихъ пѣхотныхъ солдатъ и околоточный съ двумя городовыми. Когда околоточный насъ увидѣлъ, то грубо скомандовалъ: „Одѣть шляпы. Идти за мной." Мы хотѣли увѣдомить нашихъ женъ, но намъ не разрѣшили этого. Мы одѣли шляпы, насъ троихъ окружили девять человѣкъ и повели, какъ тяжкихъ преступниковъ. Такимъ образомъ мы отправились въ соотвѣтствующій полицейскій участокъ. Солнце сильно пекло.

Въ участкѣ мы встрѣтили еще полдюжины германцевъ, которые также какъ и мы безъ всякаго объясненія были приведены сюда. Полиція намъ ничего не объяснила, мы стояли и ждали.

Не было еще десяти часовъ, когда насъ отвели въ участокъ.

Въ половинѣ второго, насъ, около двѣнадцати человѣкъ нѣмцевъ, повели подъ сильнымъ конвоемъ въ полицейское управленіе. Къ большой радости русскихъ дорога шла черезъ весь городъ, для насъ же это было весьма непріятно. Когда мы проходили мимо гауптвахты, то случилось такъ, что младшій РИХТЕРЪ видѣлъ черезъ свое рѣшетчатое окно, какъ вмѣстѣ съ нами проводили его старшаго брата.

Въ полицейскомъ управленіи намъ снова пришлось прежде всего ждать. Постепенно туда прибывали нѣмцы изъ другихъ полицейскихъ участковъ. Казалось, какъ будто Тифлисская полиція устроила сегодня утромъ по всему городу охоту на нѣмцевъ.

Наконецъ открылась дверь и нѣмцевъ стали по одному вызывать. Меня позвали однимъ изъ послѣднихъ. Въ комнатѣ снова сидѣлъ приставъ и составлялъ протоколы. Я повторилъ то, что уже говорилъ восемь дней тому назадъ. Допросъ окончился и я хотѣлъ пойти къ остальнымъ нѣмцамъ, которые, какъ я видѣлъ черезъ открытую дверь, находились въ сосѣдней комнатѣ. Приставъ закричалъ на меня и указалъ мнѣ на другую дверь, въ которую я и вошелъ. Въ комнатѣ, въ которую я вошелъ, находился еще одинъ нѣмецъ. Мы посмотрѣли другъ на друга и разговорились. Не совершили ли мы чего-нибудь особеннаго, что насъ отдѣлили отъ другихъ, или не случилось ли вообще чего-нибудь.

Вскорѣ къ намъ присоединился еще одинъ нѣмецъ. Мы стояли и ждали. Наконецъ появился полицейскій и закричалъ намъ: "пошелъ".

Мы вышли и, такъ какъ намъ никто не препятствовалъ и никто о насъ не заботился, покинули полицейское управленіе. У воротъ полиція насъ тоже не задержала и мы направились домой.

Гдѣ же были остальные нѣмцы, баварскій инженеръ и РИХТЕРЪ, старшій сынъ хозяйки гостиницы. Никто не зналъ этого, они какъ будто провалились сквозь землю.

Какъ только я пришелъ въ гостиницу, ко мнѣ бросились жены съ вопросами о томъ, гдѣ находятся ихъ мужья и что

съ ними сдѣлаютъ. Я не могъ отвѣтить на эти вопросы. Мы принялись телефонировать въ участокъ, въ полицейское управленіе, но безрезультатно. Старая госпожа РИХТЕРЪ начала говорить съ вліятельными лицами, они всѣ бывали у нея въ гостиницѣ. Она уже въ теченіе тридцати лѣтъ жила въ Тифлисѣ, всѣхъ знала и всѣ уважали ее. Никто не далъ ей опредѣленнаго отвѣта, она слышала лишь извиненія, отговорки и утѣшительныя слова, которыя не говорились серьезно. Прежде она пользовалась такимъ вліяніемъ, теперь же все рѣзко измѣнилось какъ будто этого никогда и не было.

По городу ходили самые нелѣпые слухи о сыновьяхъ госпожи РИХТЕРЪ. Они также хорошо были извѣстны въ городѣ, какъ и ихъ мать. Говорили, будто одного изъ нихъ задержали, когда онъ отправлялъ въ Германію русскіе планы, а другой собралъ фотографіи русскихъ укрѣпленій и послалъ ихъ въ Берлинъ и еще многое другое въ этомъ же родѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не было, конечно, ни одного слова правды. Женѣ младшаго сына удалось, наконецъ, попасть къ коменданту города, а старой госпожѣ РИХТЕРЪ добиться пріема у намѣстника, всемогущаго графа ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА, любимца Царя. Но и здѣсь онѣ услышали ничего не значащія слова и отговорки.......

Кромѣ офицеровъ, русскіе стали избѣгать посѣщеній гостиницы. Если же кто-нибудь заходилъ, кто былъ постояннымъ посѣтителемъ и задолжалъ здѣсь порядочную сумму, то только для того, чтобы помучить старую госпожу РИХТЕРЪ. Ее начинали спрашивать, знаетъ ли она, что одинъ изъ ея сыновей будетъ завтра повѣшенъ. Нѣкоторые ее утѣшали, дѣлая при этомъ участливыя лица, потому что одинъ изъ ея сыновей былъ вчера казненъ. Добившись своей цѣли и доведя старую госпожу РИХТЕРЪ до отчаянія, посѣтитель поспѣшно удалялся изъ комнаты.

Всякій безъ стѣсненія выражалъ свою ненависть, вѣдь теперь считалось патріотичнымъ нагло обращаться съ нѣмцами. Что же касается этой старой невинной женщины, то для подобнаго отношенія былъ прекрасный предлогъ. Въ русскомъ клубѣ всѣмъ разсказывали, что въ гостиницѣ „Лондонъ" находится цѣлое гнѣздо германскихъ шпіоновъ. Говорили также, что наканунѣ объявле-

нія войны германцы въ гостиницѣ „Лондонъ" уже знали о войнѣ и устроили по этому поводу завтракъ съ шампанскимъ, во время котораго пили за здоровье императора Вильгельма и уничтоженіе Россіи.

Такъ описывали теперь тотъ невинный завтракъ съ шампанскимъ, бывшій 2-го августа, о которомъ я разсказывалъ. Настоящій же зачинщикъ этого завтрака, настоящій виновникъ и устроитель этого дѣла, аристократъ, господинъ баронъ ДРАХЕНФЕЛЬСЪ, членъ русскаго клуба, онъ, конечно, какъ честный человѣкъ, выступилъ противъ такихъ слуховъ и изложилъ истинную суть дѣла, такъ какъ онъ вѣдь ближе всѣхъ стоялъ къ нему. Онъ и не подумалъ объ этомъ, онъ оказался слишкомъ трусливымъ, чтобы разъяснить это дѣло и спокойно допустилъ, чтобы отъ этого страдали невинныя женщины и беззащитные мужчины. У него даже хватило наглости разсказывать директору завода, на которомъ служилъ баварскій инженеръ, будто бы послѣдній устроилъ завтракъ и его едва удержали отъ произнесенія тоста за здоровье германскаго императора. Инженеръ все-таки настоялъ на томъ, чтобы подали шампанское и только благодаря его, ДРАХЕНФЕЛЬСА, увѣщаніямъ, пили, по крайней мѣрѣ, русское шампанское........

Теперь я остался одинъ изъ нѣмцевъ въ гостиницѣ Лондонъ, меня окружали лишь плачущія, доходившія до отчаянія, женщины, мужья и сыновья которыхъ были арестованы. Никто не зналъ тогда, какая ихъ ожидала участь.

Одинъ разъ поздно вечеромъ пришелъ тюремный надзиратель и за сто рублей разсказалъ намъ о судьбѣ арестованныхъ. Мы узнали, что около двадцати человѣкъ, среди нихъ и младшій сынъ хозяйки, находятся въ смирительномъ домѣ. Вмѣстѣ съ ними находится и германскій консулъ докторъ АНДЕРСЪ. Онъ намъ сообщилъ также, что 250 другихъ германцевъ, въ виду непомѣстительности смирительныхъ домовъ, помѣщены въ казарму, пока ихъ не „вышлютъ". Затѣмъ отъ него же мы узнали, что всѣ германцы въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ арестованы и будутъ „высланы", при чемъ въ разсчетъ не принимается, военнообязанные ли они, годные для военной

службы или ни то, ни другое, такъ какъ по его словамъ, если императоръ Вильгельмъ прикажетъ, то всѣ будутъ сражаться противъ русскихъ. Благодаря приказу, отданному Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ русской армiи, по всей обширной святой Россiи началась настоящая охота на всѣхъ нѣмцевъ въ возрастѣ между 18 и 45 годами, чтобы ихъ арестовать и „выслать". Изъ этого я понялъ, почему меня выпустили. Мнѣ уже исполнилось 45 лѣтъ и я не могъ быть принятъ во вниманiе. Меня постигла жалкая участь, даже самая жалкая.

Арестованнымъ, находившимся въ казармѣ, было разрѣшено въ опредѣленные часы видѣться со своими родственниками. Они могли имъ приносить пищу и теплыя вещи, такъ какъ ночи были холодными. Родственники приносили имъ также деньги.

Тѣмъ же плѣннымъ, которые содержались въ смирительномъ домѣ, можно было приносить пищу только одинъ разъ въ недѣлю. Пищу эту передавали надзирателямъ смирительнаго дома, получали ли ее плѣнные - неизвѣстно. Никому не разрѣшалось съ ними видѣться и разговаривать.

Жившiе въ казармѣ могли, по крайней мѣрѣ, проститься со своими родственниками, когда ихъ будутъ „высылать". Находившiеся же въ смирительномъ домѣ и до сего дня не видѣли своихъ родственниковъ. Имъ запрещено было также писать, хотя ихъ преступленiе было не больше и не меньше того, которое совершили сидѣвшiе въ казармѣ. Ихъ единственной виной было ихъ германское подданство. Мы этоъ знаемъ совершенно достовѣрно, такъ какъ были вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ сидѣвшихъ въ смирительномъ домѣ въ Сибири и изъ ихъ бумагъ было видно, что за ними не числилось никакой другой вины. Съ начала войны каждый нѣмецъ, находившiйся въ предѣлахъ русскаго государства, считался преступникомъ и съ нимъ обращались какъ съ таковымъ. Пришлось ли этому преступнику до „высылки" отсидѣть въ смирительномъ домѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ - является простой случайностью. Если до начала войны онъ былъ особенно уважаемымъ нѣмцемъ или опаснымъ конкурентомъ русскихъ купцовъ, то онъ могъ надѣяться попасть сначала въ смирительный домъ.

Если же его никто не зналъ и на него не обращали вниманія, какъ на конкурента, то онъ могъ разсчитывать попасть въ казарму. Кромѣ простой случайности это была единственная болѣе или менѣе понятная причина........

Два дня спустя послѣ начала войны русская мышеловка закрылась. Ни одинъ нѣмецъ не могъ ея избѣжать. Сначала были схвачены, арестованы и затѣмъ „высланы" всѣ нѣмцы въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ. Позднѣе такимъ же образомъ поступили съ нѣмцами въ возрастѣ отъ 17 до 50 лѣтъ. Были ли они здоровы или больны, военнообязанные, годные для военной службы, или нѣтъ, хромые или слѣпые, все равно, разъ они были нѣмцами, то считались преступниками и ссылались въ Сибирь. И во всемъ обширномъ русскомъ государствѣ не слышно было ни одного голоса, который запротестовалъ бы противъ этого и назвалъ бы мѣропріятіе правительства настоящимъ именемъ: а именно вѣроломной, низкой подлостью, а ничѣмъ другимъ. Въ русскомъ государствѣ не оказалось также ни одного представителя нейтральныхъ государствъ, посланника, консула или кого-либо другого, кто бы поднялъ голосъ противъ этого. Мы не почувствовали также ничего, чтобы указывало на энергичное выступленіе въ Германіи противъ этой подлости. Неужели германцы, находившіеся на родинѣ, не знали что происходитъ съ ихъ братьями въ Россіи. Развѣ они забыли, что нѣсколько тысячъ германскихъ собратьевъ должны подвергаться въ Россіи участи низкихъ преступниковъ, только потому что они германцы и хотятъ ими остаться. Неужели насъ совсѣмъ забыли. Развѣ мы не имѣемъ больше никакого значенія для нашего народа. Неужели насъ бросили и предоставили беззащитныхъ русской подлости, пока мы не замерзнемъ, не умремъ съ голоду или насъ не убьютъ въ Сибири.

Такъ и не иначе думали въ Сибири многія тысячи нѣмцевъ, молодыхъ и старыхъ.

НА МАДАТОВСКОМЪ ОСТРОВѢ.

Гостиница „Лондонъ" въ Тифлисѣ расположена на одномъ изъ притоковъ Куры. Кура образуетъ здѣсь Мадатовскій островъ, на который ведетъ Николаевскій мостъ. Изъ нашего номера гостиницы за островомъ виднѣется старый городъ до вокзала и лежащія за нимъ горы, послѣдніе отроги высокаго Кавказа. Вдали виднѣются домики магометанскаго стиля, небольшія полянки, на которыхъ вся трава выжжена солнцемъ. За ними лежатъ голые желтые холмы, подымающіеся среди выжженныхъ полей и луговъ, на которыхъ солнце убило всякую жизнь. По острову бѣгаютъ бездомныя собаки, которыя съ утра до вечера дерутся и питаются всякой вонючей падалью. Такъ было прежде въ Константинополѣ. Въ обмельчавшемъ притокѣ Куры, который течетъ передъ гостиницей, купаются дѣти, принадлежащія къ беднѣйшему классу населенія, вмѣстѣ съ супоросными свиньями, которыя тоже ищутъ прохлады въ водѣ.

Таковъ былъ видъ изъ окна нашей гостиницы, которымъ мы должны были любоваться въ теченіе полуторыхъ мѣсяцевъ, такъ какъ за это время мнѣ не разрѣшали выходить изъ гостиницы, только моя жена могла показываться на улицу.

Мы какъ-то смотрѣли изъ окна на Николаевскій мостъ. Черезъ мостъ проѣзжала небольшая повозка, на ней лежалъ ящикъ, по обѣ стороны отъ него сидѣли по два солдата, съ обнаженными саблями. Передъ повозкой ѣхалъ конный казакъ, за ней - еще три казака. Мы знали, что приближается полдень, такъ какъ незадолго до полудня всегда появлялась эта повозка, на которой перевозились казенныя деньги съ вокзала въ государственный банкъ. Надъ горой подымалось голубовато-бѣлое облако, затѣмъ слышался пушечный выстрѣлъ. Полдень.

Мы завтракали у себя въ комнатѣ, такъ какъ въ ресторанѣ намъ не разрѣшали больше появляться.

Въ полдень обыкновенно здѣсь бываетъ въ среднемъ 35 - 40 градусовъ жары, ничто не шелохнется.

Мы снова смотримъ въ окно. Черезъ Николаевскій мостъ проходятъ представители половины востока: персы на маленькихъ ослахъ

доставляющіе древесный уголь, муллы съ зелеными или бѣлыми тюрбанами, тощія лошади съ провалившимися спинами и толстыми животами, которыхъ понукаютъ сильно загорѣлые люди, набросившіе себѣ на голову и на плечи бѣлые платки для защиты отъ солнечнаго зноя. Они похожи на древнихъ египтянъ. Тутъ же виднѣются оборванные татары въ мѣховыхъ шапкахъ, казачій патруль, но совсѣмъ не видно солдатъ. Солдатъ перевозятъ ночью и большею частью не черезъ городъ, а по его окраинамъ.

Вся эта картина носитъ пестрый, яркій, необыкновенный и чисто восточный характеръ. Такой ее воспѣлъ уже Боденштедтъ. Но смотрѣть на эту картину въ теченіе шести недѣль, да при нашемъ настроеніи, становилось все болѣе и болѣе надоѣдливымъ. Тоска по родинѣ — Германіи - все возрастала.

Мы садились спиной къ окну и брались за газету. Мы получали газету „Т а н ъ". Всѣ ея страницы и столбцы были заполнены бранью противъ варваровъ нѣмцевъ и описаніемъ нѣмецкихъ звѣрствъ и подлости. Такое чтеніе тоже не способствовало хорошему настроенію.

Для перемѣны мы принимались за нѣмецкую газету „Петроградскій Герольдъ". Съ такимъ же успѣхомъ можно было читать „Новое Время."

Моя жена читала мнѣ вслухъ Лондонскую газету „Таймсъ". Не было никакой возможности слушать это чтеніе спокойно. Какъ только берешь въ руки одну изъ этихъ газетъ, то кажется, что безостановочно вдыхаешь ядъ. Мы чувствовали, что вовременемъ сойдемъ съ ума отъ этого чтенія. Мнѣ больше не разрѣшали читать никакихъ газетъ, кромѣ телеграммъ русскаго Генеральнаго Штаба.

Четыре недѣли прошло съ начала войны, а германцы все еще не взяли Льежа. Что же это сталось съ германскими солдатами. Вездѣ ихъ принуждаютъ отступать. Въ Восточной Пруссіи уже назначено русское управленіе. Во главѣ этого управленія стоитъ господинъ съ чисто русской фамиліей - МЮЛЛЕРЪ- и во время одного изъ интервью онъ заявилъ, что говоритъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но въ Восточной Пруссіи бу-

детъ говорить лишь по русски, чтобы германцы сразу привыкли къ новой родинѣ и убѣдились бы, что изъ Германіи больше ничего не выйдетъ.

РЕНЕНКАМПФЪ уже стоитъ у Берлина. Французы заняли весь Эльзасъ. Англія уничтожила германскій торговый флотъ и нанесла германскому военному флоту серьезное пораженіе при Гельголандѣ, отъ котораго онъ больше не оправится. Съ часу на часъ ожидаютъ, что англійскій военный флотъ поднимется по Эльбѣ и будетъ бомбардировать Гамбургъ.

Это уже слишкомъ много для истаго германца. Все это никоимъ образомъ не можетъ быть правдой. Снова мы хватаемся за газету и стараемся найти правду между строкъ, такъ какъ написана полными буквами она быть не можетъ. Въ „Петроградскомъ Герольдѣ" крупно напечатано: германскій императоръ приказалъ разстрѣлять сто соціалъ-демократовъ. Затѣмъ слѣдуетъ крупно напечатанное примѣчаніе: революція и голодъ въ Германіи. „Подъ Липами дѣло доходило до дикихъ улйчныхъ столкновеній. Войска стрѣляли по бунтовщикамъ, которые устраивали демонстраціи противъ войны. На мѣстѣ безпорядковъ остались сотни мертвыхъ.... Населеніе Берлина уже страдаетъ отъ голода. Фунтъ мяса стоитъ въ столицѣ уже теперь марку.

Я обратился къ моей женѣ: „Скажи пожалуйста, не помнишь ли ты, сколько мы весной платили въ Берлинѣ за фунтъ мяса".

Моя жена отвѣтила мнѣ на это: „Конечно я это помню еще довольно хорошо, въ среднемъ мы платили марку 20 пфенниговъ".

Моя жена вообразила, что я сошелъ съ ума, такъ я принялся смѣяться до слезъ.

И я еще ревностнѣе сталъ читать газеты. Форты Льежа все еще оказываютъ мужественное сопротивленіе, но германцы уже въ Брюсселѣ. Впрочемъ, это не имѣетъ никакого значенія и не должно вызывать безпокойства, такъ какъ это входитъ въ планъ войны „союзниковъ"...... Гм., хорошо, я ничего не имѣю противъ этого.

Сообщеніе изъ Парижа: Французское правительство покидаетъ Парижъ, согласно желанію коменданта города, и отправляется въ Бордо. Затѣмъ слѣдуетъ длинное сообщеніе о томъ, какъ умно

поступаютъ французы и какъ честно со стороны правительства извѣщать объ этомъ всѣхъ. Изъ этого видно, какая моральная эволюція произошла съ великой націей. Въ 1870 году были, къ сожалѣнію, ложныя сообщенія, а теперь такая честность. Произошло полное перерожденіе французской націи. Французы снова идутъ въ церкви, которыя переполнены молящимися..... Какъ это должно быть пріятно русскому сердцу.......

Объ Восточной Пруссіи совсѣмъ больше ничего не слышно. Истый русскій, господинъ МЮЛЛЕРЪ, повидимому, отложилъ свою поѣздку въ Кенигсбергъ. Тутъ, вѣроятно, что-нибудь произошло. Если бы можно было узнать что именно произошло.

Вечеромъ ко мнѣ снова зашелъ помощникъ пристава, чтобы еще разъ составить протоколъ. Было бы проще списать прежніе протоколы, такъ какъ новаго онъ отъ меня ничего не узнаетъ, но на это онъ не соглашается. На него возложили еще особое порученіе, онъ долженъ выяснить, не являюсь ли я подозрительнымъ въ политическомъ отношеніи, не сидѣлъ ли я уже въ тюрьмѣ и намѣреваюсь ли я остаться въ Тифлисѣ на все время войны.

Бѣдный помощникъ пристава, какъ онъ добьется правды обо мнѣ, когда никто меня хорошенько не знаетъ. Онъ прямо пришелъ ко мнѣ, чтобы я ему сказалъ всю правду. Жена младшаго сына содержательницы гостиницы пришли вмѣстѣ съ нимъ, чтобы служить переводчицей. Помощникъ пристава попросилъ ее, въ виду того, что онъ плохо владѣетъ перомъ, написать протоколъ за него. Переводчица исполняетъ его просьбу и заноситъ въ протоколъ, что я совершенно благонадеженъ въ политическомъ отношеніи, никогда не сидѣлъ въ тюрьмѣ и потому прошу, какъ не военно-обязанный и имѣющій уже 45 лѣтъ отъ роду, разрѣшить мнѣ уѣхать заграницу. Кромѣ того, въ протоколъ еще заносится все то, что писалось уже раньше о моихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ. Работа эта заняла полтора часа времени. Помощникъ пристава сидѣлъ довольный на стулѣ и курилъ, моя жена и я сидѣли съ нимъ рядомъ и предлагали ему все новыя папиросы. Невѣстка хозяйки дома писала. Пртоколъ былъ готовъ. Нужно было позвать трехъ свидѣтелей для удостовѣренія

справедливости всего изложеннаго. Гдѣ ихъ взять. Мы привели лакея изъ ресторана и двухъ людей съ улицы, которые за два рубля соглашаются быть понятыми. Когда протоколъ былъ законченъ, то помощникъ пристава началъ меня разспрашивать о молодомъ австрійско-польскомъ приватъ-доцентѣ. Я ничего не зналъ и ничего не могъ сообщить о немъ. Помощникъ пристава не захотѣлъ этому вѣрить. Онъ вынулъ паспортъ моей жены и мой, которые были положены вмѣстѣ съ паспортами польской четы. Изъ этого онъ усматривалъ, что начальство тоже считаетъ насъ хорошими знакомыми. Я ничего не могу сказать объ этомъ человѣкѣ, которому полиція разрѣшила нанять въ городѣ болѣе дешевую квартиру, а меня принуждала жить въ дорогой гостиницѣ. Въ виду того, что мы не имѣемъ ничего общаго съ приватъ-доцентомъ, я попросилъ помощника пристава отмѣтить это внѣшнимъ образомъ, отдѣливъ наши паспорта одинъ отъ другого. Но онъ не соглашается этого сдѣлать.......

Снова наступаетъ ночь. Въ это время настоящіе патріоты обыкновенно ходятъ по улицамъ съ портретомъ Царя и поютъ національный гимнъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ ихъ больше не слышно. Намѣстникъ запретилъ это. Патріотическая манифестація производила весьма плачевное впечатлѣніе. Она никогда не превышала численностью больше 50 - 80 мальчишекъ, количество же людей, боявшихся свѣта, становилось среди нихъ все больше и больше. Они хотѣли не только пѣть, но прежде всего грабить нѣмецкіе магазины. Начальство опасалось, что при этомъ пострадаютъ и французскіе магазины. Такимъ образомъ манифестаціи были запрещены. Береженаго и Богъ бережетъ.

Вообще русскій патріотизмъ въ Закавказьѣ является странной вещью. Русскихъ тамъ меньше всего, грузинамъ ни въ коемъ случаѣ нельзя довѣрять, какъ они это ясно доказали во время революціи 1904/5 года. Армяне держатъ себя какъ настоящіе русскіе патріоты, но къ нимъ тоже относятся съ недовѣріемъ. Лучше пусть не будетъ никакихъ манифестацій, чѣмъ такія жалкія, надъ которыми грузины давно смѣются. Въ противномъ случаѣ они устроятъ анти-манифестаціи и русскія власти не успѣютъ оглянуться, какъ имъ снова придется имѣть дѣло съ революціей.

Все магометанское населенiе волнуется и на него нельзя положиться. Кавказъ является „горячимъ поломъ для русскихъ ногъ". Всѣмъ предписана осторожность. Лишь охотѣ на нѣмцевъ никто не препятствуетъ. Какимъ нибудь образомъ долженъ же проявляться патрiотизмъ истинно русскихъ людей. Губернаторъ, преслѣдуя нѣмцевъ, тоже хочетъ показать себя хорошимъ патрiотомъ Онъ полякъ, ненавидитъ нѣмцевъ и ему не трудно сдѣлать угодное русскимъ. Старый, угрюмый, больной намѣстникъ слѣдуетъ давно испытанному средству и умываетъ во всемъ руки. Онъ старъ, боленъ и не можетъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлаетъ губернаторъ, которому онъ поручилъ дѣло о нѣмцахъ. Бѣдный, больной человѣкъ.

Среди ночи мы были разбужены, вскочили, начали прислушиваться. Что случилось. Мы слышали дикiе крики, звонъ сабель и стрѣльбу совсѣмъ близко отъ насъ. Я выбѣжалъ въ коридоръ. Въ маленькомъ саду гостиницы я увидѣлъ массу офицеровъ, которые дико кричали и стрѣляли изъ револьверовъ. Мы думали, что насталъ нашъ послѣднiй часъ. Шумъ продолжался приблизительно полчаса. Затѣмъ мы услыхали тяжелые стоны и наступила тишина....... Русскiе офицеры ужинали, мышь пробѣжала имъ по ногамъ и за ней то они устроили дикую охоту по гостиницѣ и въ саду, которая тогда лишь прекратилась, когда пуля одного изъ стрѣлявшихъ офицеровъ попала въ его товарища. Была ли убита мышь, я не знаю.

Снова наступилъ полдень, снова 45 градусовъ жары, снова мы стали смотрѣть на Николаевскiй мостъ. Снова появился полицейскiй чинъ, на этотъ разъ приставъ собственной персоной, въ высшей степени противный человѣкъ съ проницательными глазами, которые охотно пригвоздили бы насъ къ стѣнѣ. Снова составляется протоколъ, это уже четвертый. Затѣмъ онъ вдругъ спросилъ: „Вы просили о принятiи Васъ въ русское подданство". Я просто не повѣрилъ своимъ ушамъ. „Это должно быть ошибка. Я не собираюсь такъ оскорблять русское государство."

Приставъ вытащилъ листъ бумаги, въ которомъ были завернуты наши паспорта и злобно сказалъ: „Здѣсь такъ написано."

Кромѣ нашихъ паспортовъ я теперь замѣтилъ австрiйскiй пас-

портъ поляка и тогда мнѣ все стало ясно. Этотъ маленькій приватъ-доцентъ съ золотыми очками хотѣлъ принять русское подданство, онъ самъ мнѣ объ этомъ говорилъ. Въ виду того, что наши паспорта неразлучны, рѣшили, что и я хочу того же. Я сказалъ это приставу, онъ же снова сложилъ бумаги вмѣстѣ и занесъ сообщенное ему въ протоколъ.

„Гдѣ же находятся три понятыхъ для подписи протокола," спросилъ онъ меня. Развѣ это меня касается. Я не подготовлялся къ его посѣщенію, это его дѣло. Онъ бѣгаетъ по комнатѣ и ищетъ выхода изъ создавшагося положенія. Я не пытаюсь ему помочь, онъ мнѣ слишкомъ противенъ. Онъ злится, такъ какъ ему придется снова придти и составлять новый протоколъ, а теперь такъ жарко и нѣмцы-собаки вообще доставляютъ теперь всѣмъ столько хлопотъ..... Я спокойно отношусь къ его злобѣ, у меня достаточно времени. Онъ выбѣгаетъ изъ комнаты и появляется вскорѣ снова съ лакеемъ, мальчикомъ-посыльнымъ и горничной. Оба мужчины - грузины и едва говорятъ по русски, не читая протокола они подписываютъ его едва понятными каракулями, какъ имъ приказываетъ приставъ. Русскій законъ требуетъ, чтобы подобный протоколъ былъ подписанъ тремя понятыми мужчинами. Въ данномъ же случаѣ третьимъ понятымъ была горничная, такъ что никоимъ образомъ не мужчина. Ей было приказано написать подъ протоколомъ лишь первую букву своего имени. Кто будетъ смотрѣть подпись и разбирать какого пола понятой..........

Снова наступаетъ вечеръ. Какой то русскій господинъ приходитъ ко мнѣ и держитъ себя въ высшей степени вѣжливо и предупредительно, особенно по отношенію къ моей женѣ, съ которой онъ говоритъ по англійски. Со мной онъ разговариваетъ на французскомъ языкѣ. Постепенно онъ переходитъ исключительно къ разговору съ моей женой, ведетъ его очень любезно и мило и пытается разспросить ее обо мнѣ, но это ему не удается. Мы наизусть знаемъ, что намъ слѣдуетъ говорить и если бы даже насъ разбудили ночью, то мы не ошиблисъ бы. Онъ замѣчаетъ, что отъ моей жены ничего не узнать, снова обращается ко мнѣ и очень интересуется археологіей.

„Послушайте, господинъ профессоръ", такъ называетъ онъ меня,

думая, что это произведетъ на меня впечатлѣніе, „У меня есть другъ, который слыветъ страстнымъ археологомъ. Онъ особенно интересуется хетитами. Не доставите ли Вы ему удовольствіе, не посѣтите ли Вы его."

„Очень охотно, но, къ сожалѣнію, я долженъ Вамъ замѣтить что мнѣ нельзя выходить изъ гостиницы."

„Мой другъ офицеръ Генеральнаго Штаба, онъ адъютантъ намѣстника, онъ уже выхлопоталъ Вамъ разрѣшеніе посѣтить его. Если хотите, то мы сейчасъ поѣдемъ къ нему."

Я одѣлся, чтобы отправиться въ городъ. Наша комната раздѣлена портьерой на двѣ части. Въ передней половинѣ мы проводимъ день, а въ задней находится наша спальня.

Я пошелъ за лѣтнимъ плащемъ въ спальню и моя жена шопотомъ спросила меня, не должна ли она уничтожить бумаги. У меня было рекомендательное письмо турецкаго посла въ Берлинѣ къ турецкимъ таможеннымъ и полицейскимъ властямъ. Кромѣ того, у меня были всевозможныя другія турецкія рекомендательныя письма изъ Константинополя въ турецкую провинцію. Я попросилъ жену не уничтожать этихъ бумагъ. Когда турки придутъ въ Тифлисъ, какъ я все еще надѣялся, то эти рекомендаціи могутъ сослужить намъ хорошую службу. Если русскія власти предпримутъ противъ меня что-нибудь болѣе серьезное, то эти бумаги не сыграютъ никакой роли. Главное заключается въ томъ, чтобы сохранить спокойствіе духа.

Любезный господинъ осторожно кашлянулъ рядомъ съ нами. Я вышелъ къ нему и послѣдовалъ за нимъ. Моя жена была очень блѣдной, но держала себя спокойно.

Мы прошли не черезъ гостиницу, а черезъ дворъ, чтобы лишній разъ не обращать на себя вниманія, какъ мнѣ объяснилъ мой любезный спутникъ. На улицѣ онъ подозвалъ извозчика и мы сѣли въ экипажъ. Я не могъ различать, куда мы ѣдемъ, такъ какъ на улицѣ темно.

Мы въѣхали во дворъ и любезный господинъ ввелъ меня въ кабинетъ. Такія помѣщенія я встрѣчалъ въ полиціи. Возможно, что служебный кабинетъ адъютанта выглядитъ точно также. Я не знаю этого.

Мы сѣли и начали мирно бесѣдовать. Въ комнату вошелъ

высокій, пожилой, не особенно стройный, господинъ. На адъютанта онъ совсѣмъ не былъ похожъ. Мой любезный спутникъ представилъ меня, какъ знакомаго профессора, который работаетъ по вопросу о хетитахъ и желаетъ произвести раскопки въ округѣ Вана. Это же самое записано обо мнѣ во всѣхъ четырехъ протоколахъ.

Пожилой господинъ тоже очень любезенъ, предлагаетъ мнѣ папиросы и сразу же выказываетъ живѣйшій интересъ къ хетитамъ.

О, я могу ему быть полезнымъ. Я вовсе не такъ глупо лгу, какъ это полагаютъ русскіе, я не говорю въ протоколахъ только всей правды, вотъ и все. Я дѣйствительно интересуюсь хетитами и серьезно хотѣлъ во время моего путешествія по Анатоліи поискать также ихъ слѣды. Лѣтомъ 1914 года въ Берлинѣ появилось полное сочиненіе по этому вопросу профессора Эдуарда МЕЙЕРА подъ названіемъ: „Царство и культура хетитовъ" и издатель этого произведенія по моей просьбѣ уже въ началѣ мая далъ мнѣ съ собой въ Константинополь первые листы этого произведенія, такъ что я имѣлъ достаточно времени для основательнаго ихъ изученія.

О, нѣтъ, такъ легко меня нельзя поймать.

Черезъ нѣкоторое время мои разсказы надоѣли пожилому господину. Онъ очень вѣжливо поблагодарилъ меня за мои объясненія и увѣрялъ, что онъ многому научился, чему я охотно повѣрилъ, и мы распрощались.

Мой любезный спутникъ снова отвезъ меня въ гостиницу.

Съ тѣхъ поръ я больше ни одного изъ нихъ не видѣлъ. Когда я снова счастливо добрался до моей жены, которая за это время сильно волновалась и была рада моему возвращенію, то, желая подбодрить ее, я сдѣлалъ до нѣкоторой степени дерзкое заявленіе: „Ты увидишь, если вообще кто-нибудь изъ нѣмцевъ выѣдетъ изъ Россіи, то это будемъ мы."

Моя жена приняла мое заявленіе, какъ не совсѣмъ удачную попытку утѣшить ее. Но это было еще больше того, какъ это выяснилось позднѣе.

С Б Ы С К Ъ.

45 градусовъ жары. Нашъ видъ изъ гостиницы сталъ не такъ монотоненъ, какъ прежде. Русская кавалерія внесла нѣкоторое оживленіе въ него. По ту сторону Мадатовскаго острова находится большая площадь, которая еще недѣлю тому назадъ была покрыта мусоромъ и всевозможными отбросами. Когда мы однажды днемъ смотрѣли въ окно, то увидѣли, что мусоръ этотъ собирали и бросали въ Куру. Это продолжалось два дня. На освободившемся мѣстѣ вбили въ землю два длинныхъ ряда коновязей. Эта работа продолжалась тоже два дня и у насъ было достаточно времени догадываться, что, собственно говоря, тамъ происходитъ.

На пятый день эта загадка разрѣшилась. Къ коновязямъ привязали сотни реквизированныхъ лошадей, около которыхъ были заняты кавалеристы. Лошадки эти имѣли очень жалкій видъ, среди нихъ были крестьянскія лошади. Ихъ взяли у нѣмецкихъ колонистовъ, безъ уплаты денегъ, безъ выдачи квитанцій. Нѣкоторыя лошади имѣли хорошо откормленный видъ, ихъ легко можно было различить въ бинокль. Ихъ отобрали у нѣмецкихъ пивоваровъ на Кавказѣ, безъ уплаты денегъ, безъ выдачи квитанцій. Въ теченіе восьми дней стояли онѣ привязанными къ коновязямъ подъ палящимъ солнцемъ, два раза давали имъ сѣно, наиболѣе истощеннымъ изъ нихъ давали также овесъ, каждые же два дня ихъ водили на Куру къ свиньямъ и дѣтямъ, искавшимъ прохлады въ водѣ.

Наступалъ конецъ лѣта и начались грозы. Все было покрыто облакомъ желтой пыли. Пыль эта ударялась въ окна, какъ градъ. Это продолжалось цѣлыми днями. Лошади стояли привязанныя къ коновязямъ и совершенно не были защищены отъ этой ужасной погоды. Въ большинствѣ случаевъ такая пыль предвѣщала землетрясенія, которыя часто бываютъ осенью въ Тифлисѣ.

Въ полевой бинокль мы совершенно ясно видѣли, какъ плохо приходилось лошадкамъ, многія изъ нихъ кашляли. Если бы я могъ дать совѣтъ русскимъ кавалеристамъ, то давно уже приказалъ бы устроить палатки для лошадей. Хотя кавказскія

лошади и очень выносливы, но и на нихъ дѣйствуетъ эта погода. Онѣ все больше худѣютъ, онѣ никогда не будутъ пригодны для фронта.

Наконецъ начали строить палатки для лошадей. На это дѣло ушло восемь дней. Я аккуратно ихъ считалъ и точно помню. Палатки готовы.

Изъ Баку надвигается ужасная гроза, два дня гремитъ громъ, но она все не можетъ разразиться. Продолжалась эта тропическая гроза въ теченіе цѣлаго дня. Крыши палатокъ всѣ порваны, остались лишь лохмотья. Лошади промокли до костей.

Послѣ грозы снова установилась жаркая погода и поднялась пыль. Никто, однако, не воспользовался этой погодой, чтобы снова привести въ порядокъ палатки. Лохмотья матеріи продолжаютъ спокойно болтаться на деревянныхъ столбахъ. Лошади снова совсѣмъ не защищены отъ всякой непогоды. Ни у кого нѣтъ достаточно энергіи снова отдать приказаніе. Все остается по старому, пока однажды утромъ лошадей куда-то уводятъ. Бѣдныя лошадки........

По вечерамъ меня кое-кто навѣщаетъ; армяне, которые раньше знали меня или вниманіе которыхъ обращали на меня изъ Берлина. Они увѣряютъ меня, что сдѣлаютъ все возможное для освобожденія меня.

Однажды вечеромъ ко мнѣ зашли два перса и принялись увѣрять, что знали меня еще въ Хоѣ, Кальмасѣ и Урміи, гдѣ я долго жилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Они хотятъ помочь мнѣ бѣжать въ Персію съ подложными паспортами. Оттуда я могу отправиться въ Турцію, въ Ванъ или къ Персидскому заливу. Но гдѣ взять средства для такого безконечнаго путешествія. Кромѣ того, я не говорю по персидски и меня задержатъ на границѣ. Теперь слишкомъ поздно, теперь за границей тщательно наблюдают

Персы хотятъ, по крайней мѣрѣ, переправить черезъ границу въ Персію мою жену. Въ Маку живетъ мой старый другъ курдъ, князь МАКУ, тамъ она будетъ находиться въ безопасности. Ее можно также устроить въ Тавризѣ. Персы хотятъ одѣть мою жену персіанкой, тогда съ ней не заговоритъ ни одинъ русскій, такъ

какъ это не разрѣшается...... Это предложеніе слѣдуетъ обсудить.

Моя жена не хочетъ ничего и слышать о томъ, чтобы разстаться со мной. Это вполнѣ понятно. Она будетъ находиться въ Персіи и не будетъ знать, что дѣлается со мной въ Россіи, а это будетъ очень тяжело для нея.

Къ намъ снова приходитъ приставъ и снова другой. Это кажется возведено здѣсь въ правило. Если бы къ намъ посылали всегда одного и того же, то я могъ бы съ успѣхомъ попытаться подкупить его, но подкупить пятерыхъ, шестерыхъ, на это, конечно, не хватитъ моихъ средствъ.

Приставъ этотъ производитъ человѣческое впечатлѣніе и кажется нѣсколько смущеннымъ. Дѣло оказывается въ слѣдующемъ: онъ долженъ мнѣ сдѣлать важное сообщеніе, но можетъ къ этому приступить лишь тогда, когда у него въ рукахъ будутъ мои паспорта. Въ полиціи не имѣютъ никакого понятія о томъ, куда попали мои паспорта и его послали ко мнѣ спросить, не знаю ли я, гдѣ они находятся. Я долженъ сказать полиціи, гдѣ находятся мои паспорта, которые у меня отобрала полиція.

Я посмотрѣлъ нѣкоторое время на пристава и спросилъ его затѣмъ, не можетъ ли онъ мнѣ сказать, пріятно ли будетъ для меня важное сообщеніе или нѣтъ. Если оно непріятно для меня, то мнѣ нѣтъ никакого расчета помогать полиціи въ поискахъ нашихъ паспортовъ, пусть она тогда ихъ по возможности дольше ищетъ.

Приставъ улыбнулся, онъ понялъ меня. Я могу рискнуть двумя рублями, если это пріятное извѣстіе, но прежде чѣмъ я дамъ два рубля, я долженъ услышать это пріятное извѣстіе и имѣть въ рукахъ паспорта. Приставъ это вполнѣ понялъ. Никто не покупаетъ съ закрытыми глазами. Онъ клянется всѣми святыми, что это хорошее извѣстіе.

Я спросилъ его, могу ли я быть увѣренъ, что дойду невредимымъ до полиціи и вернусь такимъ же образомъ сюда.

Онъ обѣщалъ мнѣ это. Я пошелъ съ нимъ, такъ какъ до-

гадался постепенно, куда могли попасть наши паспорта. Мои догадки оказались правильными. Въ полиціи полѣнились отдѣлить мой паспортъ отъ паспорта поляка въ золотыхъ очкахъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ наши паспорта при бумагѣ, согласно которой мнѣ было предложено принять русское подданство. Я не захотѣлъ этого и тогда паспорта вынули изъ моихъ бумагъ и присоединили ихъ къ бумагамъ поляка. Тамъ ихъ и нашли.

Приставъ взялъ паспорта, вернулся со мной въ гостиницу и сообщилъ мнѣ, что паспорта должны быть вручены мнѣ, и я снова могу ходить свободно по Тифлису и, вѣроятно, скоро мнѣ разрѣшатъ выѣхать за границу.

Мы были несказанно рады этому. Вмѣсто двухъ рублей приставъ получилъ пять.

Приставъ сіялъ отъ удовольствія и уговаривалъ меня не доставлять ему дальнѣйшихъ непріятностей и не пытаться бѣжать. Онъ отвѣчаетъ за то, чтобы я не покинулъ Тифлиса, пока мнѣ этого не разрѣшатъ.

Я успокоилъ его и далъ ему честное слово, что не покину Тифлиса. Онъ повѣрилъ мнѣ, потому что я былъ образованнымъ нѣмцемъ, а таковые не лгутъ.

Все это произошло въ субботу 12-го сентября. Мы снова уложили наши вещи и надѣялись, что намъ не придется долго ждать разрѣшенія о выѣздѣ. Боже, какъ мы были рады и счастливы. Мы снова пошли въ ресторанъ. Имѣя паспорта въ карманѣ, мы опять до нѣкоторой степени были свободны.

Въ ресторанѣ за однимъ столомъ сидѣли кавалерійскіе офицеры, они не обращали на насъ вниманія. Мы постарались сѣсть подальше отъ нихъ.

Вскорѣ къ намъ присоединилась старая госпожа РИХТЕРЪ и пожелала намъ счастья. Что съ нами могло еще случиться, когда намъ вернули наши паспорта. Молодая госпожа РИХТЕРЪ тоже подсѣла къ намъ, она радовалась за насъ. Наше освобожденіе было и для нея маленькимъ лучемъ надежды.

Молодые русскіе офицеры громко смѣялись и шумѣли. Мы прислушались къ ихъ разговору и съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Это было нѣчто невозможное и если бы мы не слыха-

ли этого собственными ушами, то не повѣрили бы этому. Они разсказывали другъ другу о томъ, какъ они обманываютъ свое начальство, при чемъ говорилось все это въ шутливомъ тонѣ. Имъ было поручено закупить на Кавказѣ лошадей и откормить ихъ для фронта. Они не покупали лошадей, а просто брали сколько имъ ихъ было нужно у нѣмецкихъ колонистовъ, а также вообще у нѣмцевъ. Лошадей они не кормили, заставляли ихъ голодать и клали деньги за это себѣ въ карманъ. Когда лошади ослабѣвали настолько, что едва держались на ногахъ, то ихъ отдавали прежнимъ хозяевамъ обратно, говоря, что онѣ никуда не годятся. Глупымъ нѣмцамъ не оставалось ничего другого дѣлать, какъ снова по возможности откармливать лошадей. Когда лошади приходили въ надлежащій видъ, то офицеры снова отбирали ихъ и такъ далѣе...... Бѣдная Россія........

Мы пошли въ городъ, ничто не напоминало о войнѣ, только во внутреннемъ городѣ было тише обыкновеннаго. Замѣтно было, что воспрещена продажа водки, лишь большія гостиницы имѣли на это разрѣшеніе.

Въ большихъ ресторанахъ съ наступленіемъ вечера царила обычная жизнь, публика сидѣла и бранила нѣмцевъ. Мы поспѣшили вернуться въ гостиницу.

Въ это время въ Тифлисѣ производила сенсацію выступавшая въ циркѣ французская предсказательница. Можно себѣ представить, каковы были эти предсказанія. Я не рѣшился пойти послушать ее, хотя и имѣлъ паспортъ. Мнѣ было слишкомъ противно.

Въ понедѣльникъ утромъ I4-го мы пили кофе въ нашей комнатѣ. Понедѣльникъ былъ для насъ самымъ несчастливымъ днемъ. Понедѣльники всегда почти приносили непріятности нѣмцамъ. Я думаю это происходило отъ того, что послѣ отдыха полиція съ новыми силами принималась за охоту на нѣмцевъ. Теперь же мнѣ кажется, что это было также отраженіемъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, такъ какъ я узналъ, что большинство извѣстій о побѣдахъ узнавалось по понедѣльникамъ.

Моя жена хотѣла пошутить и сказала: "Мнѣ хотѣлось бы знать, что случится въ этотъ понедѣльникъ."

Въ это время открылась дверь и въ комнату вошелъ приставъ съ тремя солдатами и двумя городовыми.

Обыскъ.

Ахъ, какой я оселъ. Мнѣ слѣдовало уничтожить мои турецкія рекомендательныя письма. Кромѣ того, я съ первыхъ же дней началъ вести дневникъ о переживаемыхъ событіяхъ и моихъ наблюденіяхъ. Все это лежало на письменномъ столѣ въ спальнѣ, написано это было на отдѣльныхъ листкахъ на пишущей машинѣ, такъ что легко могло быть разобрано всякимъ знающимъ нѣмецкій языкъ. На столѣ лежала цѣлая пачка такихъ листковъ, а нѣкоторые лежали еще подъ большимъ бюваромъ на письменномъ столѣ. Что дѣлать.

Мы попросили у пристава разрѣшенія уйти на нѣсколько минутъ за занавѣску въ нашу спальню, чтобы окончательно привести въ порядокъ свой туалетъ.

Онъ разрѣшилъ намъ это и мы скрылись за занавѣской, которая наполовину осталась открытой, чтобы полиція чего либо не заподозрила.

Письменный столъ стоялъ у окна. Окно, выходившее въ садъ при гостиницѣ, было открыто. Одно движеніе и пачка бумагъ съ письменнаго стола полетѣла въ кусты въ садъ. Ахъ, если бы она только такъ не шуршала. Я хотѣлъ уже просунуть руку подъ бюваръ, но, къ счастью, замѣтилъ, что одинъ изъ городовыхъ осторожно заглядываетъ къ намъ.

Я сразу оставилъ свое намѣреніе. Ничего нельзя было больше сдѣлать. Турецкія письма тоже остались лежать въ ящикѣ стола. Будь, что будетъ.

Мы медленно одѣвались, чтобы придти немного въ себя и успокоить нервы.

Послѣ этого мы совершенно открыли занавѣску и предложили полиціи приступить къ исполненію своихъ обязанностей.

Солдаты сейчасъ же открыли всѣ шкафы и ящики, а городовые принялись рыться въ нихъ. Они вынимали каждый предметъ, тщательно ощупывали его, смотрѣли на свѣтъ, поворачивали во

всѣ стороны и только тогда откладывали его.

Ящики письменнаго стола тоже были открыты и въ глубинѣ одного изъ нихъ лежали турецкія письма, передняя же часть ящика была занята коробками съ папиросами, съ гильзами и табакомъ. Одинъ изъ городовыхъ хотѣлъ вынуть содержимое этого ящика, но не сдѣлалъ этого, когда увидѣлъ, что между коробками съ папиросами лежало много русскихъ мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ. Онъ что-то сказалъ приставу, послѣдній кивнулъ головой. Городовой занялся чѣмъ то другимъ и я съ нѣкоторымъ успокоеніемъ увидѣлъ, что приставъ сѣлъ за письменный столъ и разложилъ свой протоколъ на большомъ бюварѣ. Если намъ повезетъ, то онъ не посмотритъ больше подъ бюваромъ.

Городовые съ помощью солдатъ перерыли всю комнату. Приставъ слѣдилъ за ними, сидя за столомъ. Мы тоже наблюдали за ними. Городовые нашли, что трубочка съ зубной пастой похожа на бомбу. Мы объяснили приставу для чего служитъ содержимое трубки. Одинъ изъ солдатъ принесъ шкатулку, которая показалась ему подозрительной. Онъ открылъ ее передъ приставомъ. Эта вещь тоже не представила ничего опаснаго, въ ней лежали булавки и иголки и онъ укололъ палецъ...... Такимъ образомъ обыскъ продолжался отъ 8 до 10 часовъ. Пока не нашли еще ничего подозрительнаго.

Приставъ наконецъ поднялся, чтобы самому приступить къ осмотру ящика въ письменномъ столѣ. Онъ сдѣлалъ это самъ, потому что въ немъ лежали деньги. Вслѣдствіе этого, никто, кромѣ него, не имѣлъ права прикасаться къ этому ящику. Онъ вынулъ мѣдныя и серебряныя монеты изъ ящика и разложилъ ихъ на письменномъ столѣ, пересчиталъ ихъ и отмѣтилъ общую сумму въ протоколѣ, послѣ того, какъ я удостовѣрился, что подсчетъ былъ сдѣланъ вѣрно. Эта педантичность производитъ на всякаго, кто до нѣкоторой степени знакомъ съ условіями русской жизни, удивительно комичное впечатлѣніе.

Теперь наступилъ самый ужасный моментъ обыска. Приставъ вынулъ коробки съ папиросами изъ ящика, осмотрѣлъ ихъ и поставилъ ихъ туда обратно. Моя жена подавала ему коробки, за что онъ вѣжливо поблагодарилъ ее. Она подала ему запис-

ную книжку, въ разсмотрѣніе которой онъ на нѣкоторое время углубился. Моя жена стояла спиной къ комнатѣ, такъ что городовые и солдаты, которые все еще искали чего-нибудь опаснаго и осматривали матрацы, не могли наблюдать за ней. Она быстро схватила пачку турецкихъ писемъ и положила ихъ подъ коробки съ папиросами, которыя уже были осмотрѣны. Приставъ положилъ записную книжку на столъ къ протоколу, а моя жена подала ему вторую записную книжку, которую онъ перелисталъ. Онъ нашелъ еще третью книжку. Всѣ три книжки онъ пріобщилъ къ протоколу, какъ результаты обыска. Въ нихъ не было ничего подозрительнаго. Мы были довольны.

Онъ сдѣлалъ пакетъ изъ книжекъ и запечаталъ ихъ, закончилъ протоколъ и всталъ.

„Я могу вамъ сообщить, что, кромѣ трехъ записныхъ книжекъ, я ничего не нашелъ подозрительнаго. Приготовьтесь."

Я позволилъ себѣ спросить, къ чему я долженъ былъ приготовиться.

„Вы должны пойти вмѣстѣ со мной въ полицію."

„Зачѣмъ".

Онъ пожалъ плечами.

Я простился съ моей женой. Мы не предполагали въ эту минуту ничего плохого. Мы считали, что это посѣщеніе было лишь бюрократической формальностью, ничѣмъ больше. Намъ до сихъ поръ везло. У насъ не нашли ничего подозрительнаго.

Солдаты и городовые окружили меня и мы вышли изъ комнаты. Они хотѣли идти черезъ садъ, откуда они пришли. Мнѣ же этого не хотѣлось, такъ какъ тогда они нашли бы бумаги, которыя я выбросилъ изъ окна.

Я повернулъ въ другую сторону ко двору и сказалъ, что это ближайшій путь на улицу.

Со мной согласились и такимъ образомъ бумаги, находившіяся въ саду, были спасены. Моя жена собрала ихъ и сразу же сожгла.

Я предполагалъ, что мы идемъ въ полицію, тамъ кто-нибудь знающій нѣмецкій языкъ просмотритъ записныя книжки, а затѣмъ

меня отпустятъ и быть можетъ сразу же разрѣшатъ уѣхать.

Случилось же все иначе.

А Р Е С Т Ъ.

Впереди шелъ приставъ, а сзади я, подъ конвоемъ солдатъ и городовыхъ. Такимъ образомъ мы пришли въ полицейскій участокъ, который былъ мнѣ хорошо знакомъ. Меня провели въ комнату, въ которой сидѣлъ писецъ и составлялъ формулярные списки. Передъ дверью остались для наблюденія за мной солдаты и городовые. Я могъ видѣть въ окно, какъ они проходили.

Было около одиннадцати часовъ. Писецъ не обращалъ на меня сначала вниманія, затѣмъ вдругъ вскочилъ и подалъ мнѣ стулъ.

Мнѣ стало не по себѣ. Русская грубость въ такія минуты для меня пріятнѣе русской вѣжливости. Она стала для меня подозрительной.

Пробило двѣнадцать часовъ, часъ. Никто не обращалъ на меня вниманія. Я ждалъ, сидѣлъ и ждалъ.

Въ половинѣ второго появился приставъ, производившій обыскъ, и спросилъ меня, не предпочту ли я поѣхать въ полицейское управленіе на извозчикѣ. Конечно я предпочелъ ѣхать, чѣмъ идти пѣшкомъ черезъ весь городъ.

Позвали извозчика. Два солдата сѣли со мной въ экипажъ и мы поѣхали.

Я захотѣлъ закурить папиросу и попросилъ дать мнѣ огня. Мнѣ дали огня и взяли моихъ папиросъ. Такимъ образомъ всѣ трое съ закуренными папиросами мы ѣхали черезъ Эриванскую площадь въ полицейское управленіе. Солдаты помогли мнѣ выйти изъ экипажа; видя такое вѣжливое обращеніе, я начиналъ все больше безпокоиться.

Меня привели въ канцелярію, гдѣ сидѣлъ приставъ и перелистывалъ письма. За сосѣднимъ столомъ сидѣлъ писецъ. У

окна сидѣла барышня за пишущей машиной.

Мнѣ указали на свободный стулъ, на который я и опустился.

Молчаніе. Приставъ продолжалъ читать. Писецъ писалъ. Барышня стучала на машинкѣ.

Я замѣтилъ, что среди писемъ, которыя читалъ приставъ, находился также пакетъ съ моими записными книжками. Я присмотрѣлся внимательнѣе и увидѣлъ, что письма эти были на нѣмецкомъ языкѣ.

Пробило три часа. Приставъ читалъ, писецъ писалъ, барышня стучала на машинкѣ.

„Разрѣшите мнѣ пожалуйста попросить принести что-нибудь поѣсть. Я голоденъ," спросилъ я.

На одну минуту всѣ оторвались отъ своей работы, а затѣмъ снова приставъ принялся читать, писецъ писать, а барышня стучать на машинѣ.

Приставъ позвалъ меня къ своему столу и, показывая мнѣ нѣмецкое метрическое свидѣтельство, спросилъ: „Можете вы это прочесть."

Метрическое свидѣтельство было очень неразборчиво написано, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ его не прочиталъ. Я началъ читать его и предложилъ приставу папиросу, чтобы самому имѣть возможность закурить.

Мы закурили и приставъ взялъ мои записныя книжки. Онъ перелисталъ ихъ немного, но, мнѣ показалось, что онъ не очень серьезно относился къ этому. Вдругъ онъ остановился съ изумленіемъ. Эту записную книжку я получилъ однажды послѣ одного продолжительнаго посѣщенія заводовъ Круппа. На кожанномъ переплетѣ записной книжки золотыми буквами стояло названіе фирмы „фабрики смерти", какъ ее называютъ русскіе, рядомъ съ именемъ германскаго императора, такъ сильно ненавидимаго въ Россіи.

Приставъ пристально посмотрѣлъ на меня, отложилъ записную книжку въ сторону, такъ что не было больше видно золотыхъ буквъ и сказалъ мнѣ на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ: „я ничего не нашелъ."

Я съ облегченіемъ подумалъ: „Слава Богу, онъ беретъ."

Приставъ продиктовалъ барышнѣ, пишущей на машинѣ, протоколъ о содержаніи моихъ записныхъ книжекъ.

Когда онъ это закончилъ, то я его спросилъ: „Теперь я, вѣроятно, могу идти."

„Вы должны подождать полицеймейстера, я долженъ васъ ему представить. Онъ сейчасъ у обѣдни, но, я надѣюсь, скоро вернется."

Приставъ мнѣ показался симпатичнымъ человѣкомъ, доступнымъ человѣкомъ.

„Скажите пожалуйста, Ваше Высокородіе, могу я послать моей женѣ извѣстіе о себѣ. Вы можете себѣ представить, какъ она безпокоится."

„Это запрещено" отвѣтилъ приставъ и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и сказалъ: „Полицеймейстеръ все еще не пришелъ."

Я прикинулся дуракомъ и сказалъ: „Я вѣдь могу завтра придти."

„Мы должны васъ здѣсь задержать."

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, но я не моргнулъ глазомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я сказалъ: „Я могу быть можетъ просить васъ передать письмо моей женѣ."

„Пишите", отвѣтилъ онъ мнѣ дѣланнымъ строгимъ голосомъ, потому что писецъ и барышня, очевидно, не понимавшіе нѣмецкаго языка, удивленно посматривали другъ на друга.

Я написалъ моей женѣ, чтобы она не безпокоилась, и, хотя я долженъ пока остаться здѣсь, но со мной ничего дурного не случится, такъ какъ я нахожусь на попеченіи симпатичнаго пристава, который великолѣпно говоритъ по нѣмецки. Онъ самъ къ ней зайдетъ и успокоитъ ее, она можетъ отнестись къ нему съ довѣріемъ.

Приставъ прочелъ письмо и положилъ его себѣ въ карманъ. Я думаю, что онъ понялъ письмо такъ же, какъ его пойметъ моя жена. Я вѣдь не могъ прямо написать: „Слава Богу, онъ беретъ."

Мы снова просидѣли некоторое время молча.

Приставъ поднялся и сказалъ мнѣ: "Такъ какъ полицеймейстеръ не пріѣзжаетъ, то я долженъ васъ сдать въ сыскное отдѣленіе."

О, ужасъ, онъ не могъ мнѣ сказать ничего болѣе непріятнаго.

Когда мы вышли изъ комнаты, то я спросилъ его: "Скажите, такъ должно быть."

Онъ сдѣлалъ злое лицо и повелъ меня по всевозможнымъ лѣстницамъ и коридорамъ въ сыскное отдѣленіе.

Онъ привелъ меня въ душную комнату, гдѣ находились жандармы. Приставъ вытянулся, отрапортовалъ, повернулся, не взглянувъ на меня, и вышелъ.

Здѣсь говорили лишь по русски. Я прикинулся ничего не понимающимъ. Меня просто взяли за руку и подвели къ измѣрительнымъ аппаратамъ. Меня измѣрили по всѣмъ правиламъ, какъ обыкновеннаго преступника.

Во время этого занятія въ комнату снова вбѣжалъ приставъ сказалъ что-то жандармамъ, взялъ меня за руку и вывелъ изъ комнаты.

Онъ быстро шелъ со мной по коридорамъ и лѣстницамъ и, когда мы снова попали въ помѣщеніе обыкновенной полиціи, онъ посмотрѣлъ на меня улыбаясь и сказалъ: "Вамъ везетъ. Полицеймейстеръ только что вернулся." Затѣмъ, указывая на сыскное отдѣленіе, замѣчаетъ: "кто попадетъ въ когти этихъ собакъ, тотъ не легко отъ нихъ освободится."

Что я ему могъ на это сказать. Я молчалъ и мнѣ казалось что я только что съ трудомъ освободился изъ львиной пасти.

Приставъ провелъ меня въ пріемную полицеймейстера, но послѣдній уже снова ушелъ. Помощникъ же полицеймейстера, какъ его называютъ по русски, находился въ полиціи.

Приставъ привелъ меня къ помощнику полицеймейстера.

Онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ документами и бумагами, среди которыхъ находились мои запечатанныя записныя книжки, и не поднималъ головы отъ работы.

Приставъ стоялъ на вытяжку. Помощникъ полицеймейстера перелистывалъ какой-то протоколъ.

Вскорѣ онъ обратился къ приставу и сказалъ: "Я долженъ заявить, что не нашелъ ничего предосудительнаго. Ему нечего бояться, его ни въ чемъ не обвиняютъ. Мы получили лишь приказаніе арестовать также всѣхъ нѣмцевъ въ возрастѣ отъ 15 - 50 лѣтъ."

Небольшая пауза.

Я: "Меня тоже вышлютъ. А что же будетъ съ моей женой."

Помощникъ полицеймейстера прикинулся глухимъ.

Приставъ: "Куда я долженъ отвести арестованнаго, Ваше Высокоблагородіе."

"Въ тюрьму".

Приставъ: "Вашем Высокоблагородіе, у арестованнаго не нашли ничего предосудительнаго, онъ образованный человѣкъ, есть еще мѣсто въ "арестномъ д о м ѣ ". Не могу ли я его помѣстить туда."

Помощникъ полицеймейстера, которому, видимо, все это надоѣло, отвѣтилъ: "Ладно."

Я: "Разрѣшите спросить, Ваше Высокоблагородіе, куда меня вышлютъ."

Помощникъ полицеймейстера со злостью закричалъ: "Пошелъ."

Мы вышли.

На улицѣ я спросилъ моего пристава: "Не можемъ ли мы взять извозчика."

Онъ согласился на это.

Когда мы сѣли въ экипажъ, то я снова обратился къ нему: "Я ужасно голоденъ. Нельзя ли намъ сначала гдѣ-нибудь поѣсть."

Приставъ на это согласился.

Я: "Лучше всего насъ покормятъ въ гостиницѣ Лондонъ. Поѣдемъ туда."

Онъ засмѣялся, онъ понялъ меня. Мнѣ хотѣлось поѣхать туда, чтобы еще разъ поговорить съ моей женой.

Мы поѣхали въ гостиницу Лондонъ, гдѣ я сразу же заказалъ для насъ кабинетъ, чтобы насъ не видѣлъ никто изъ постороннихъ. Мы сразу же отправились туда, а швейцаръ пошелъ позвать мою жену.

Къ намъ пришла моя жена, а также старая и молодая РИХТЕРЪ. Приставъ не имѣлъ больше служебнаго вида, онъ казался

самымъ любезнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Онъ сообщилъ намъ, что окончилъ нѣмецкое коммерческое училище въ Петроградѣ, что по призванію онъ былъ инженеромъ и имѣлъ много друзей среди нѣмцевъ, но что изъ-за „глупостей" ему пришлось перейти въ полицію. Въ настоящее время, благодаря знанію языковъ, онъ находится въ Тифлисѣ въ качествѣ переводчика по всѣмъ дѣламъ нѣмцевъ. Онъ слишкомъ образованъ, чтобы вѣрить тому вздору, который пишется въ русскихъ газетахъ о нѣмцахъ и надѣется, что по моемъ возвращеніи снова въ Германію, я разскажу, что и среди русскихъ полицейскихъ есть порядочные люди.

Онъ заказалъ для насъ для всѣхъ изысканный обѣдъ, конечно, на мой счетъ. Прежде всего онъ заказалъ побольше выпивки.

Сначала мы ѣдимъ богатѣйшую закуску съ водкой, водкой и водкой, которую теперь, за исключеніемъ первоклассныхъ гостиницъ трудно достать.

Вниманіе: пить приставъ могъ, я положительно съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

Послѣ закуски онъ заказалъ намъ всѣмъ икру. Мы не препятствовали ему, такъ какъ этого едва хватило ему одному.

Послѣ икры подали большую стерлядь и бѣлое вино. За стерлядью слѣдовало жаркое, обильно запиваемое краснымъ виномъ. Послѣ жаркого подали индѣйку, это любимое кавказское кушанье, и къ ней изрядное количество шампанскаго. За этимъ послѣдовало кофе со всевозможными ликерами, потомъ снова водка и вино и опять водка.

Я даже въ Россіи не видѣлъ, чтобы такъ много ѣли и пили.

Мой приставъ становился все веселѣе. Выяснилось, что начальникъ „арестнаго дома его старый другъ, которому онъ меня особенно отрекомендуетъ. Онъ меня тамъ по возможности хорошо устроитъ и я тамъ встрѣчу очень много нѣмцевъ. Дѣло обстояло вовсе не такъ плохо, какъ казалось. Моей женѣ нечего безпокоиться, онъ можетъ каждый день меня навѣщать и, какъ только приставъ узнаетъ о днѣ нашей высылки, то онъ меня увѣдомитъ. Что же касается моей жены, если она пожелаетъ ѣхать со мной, то я долженъ лишь подать прошеніе губернатору, такъ какъ законъ разрѣшаетъ всякому женатому преступнику, ссылаемому въ Си-

бирь, брать съ собой жену или выписать ее потомъ къ себѣ. Чего же мы могли еще желать. Затѣмъ приставъ принялся насъ увѣрять, что все не такъ плохо, послѣ же войны я долженъ буду ему написать и, вѣроятно, смогу что-нибудь сдѣлать для него, такъ какъ продолжать служить въ полиціи ему совсѣмъ не улыбается.

Приставъ былъ такъ пьянъ, что принялся флиртовать съ дамами и я могъ на минуту покинуть кабинетъ, такъ какъ прислуживавшій намъ лакей мнѣ всячески давалъ понять, что меня ожидаетъ нѣчто важное.

У швейцара для меня лежало письмо изъ Берлина, привезенное сюда однимъ изъ русскихъ, выпущенныхъ изъ Германіи. Письмо было объемистое, между прочимъ тамъ стояло: съ русскими въ Берлинѣ обращались насколько было возможно вѣжливо, а потому, вѣроятно, и съ нами хорошо обходятся. Если это не такъ, то мнѣ совѣтовали прибѣгнуть къ покровительству ближайшаго американскаго консульства, гдѣ все должны сдѣлать для меня....... Въ данную минуту, когда меня арестовали и собирались выслать, эти слова звучали насмѣшкой.

Гораздо цѣннѣе письма для меня были вырѣзки изъ германскихъ газетъ и длинная статья Конрада ГАУСМАНА въ газетѣ „Мартъ" относительно перваго періода войны и плановъ для второго періода, который начинался.

Я не могъ дольше оставаться внизу, я долженъ былъ вернуться въ кабинетъ.

Бравый приставъ былъ пьянъ до невмѣняемости. Когда онъ меня увидалъ, то подтянулся, сдѣлалъ служебное лицо и заявилъ, что теперь крайній срокъ для отправленія меня „въ арестный домъ."

„Не будетъ ли благоразумнѣе, господинъ капитанъ, если вы немного отдохнете."

Онъ колебался.

„Арестный домъ, вѣдь, не убѣжитъ. Поспите немного, а затѣмъ отвезите меня. Я даю вамъ честное слово, что ни шагу не сдѣлаю изъ гостиницы."

Сначала онъ не соглашался, а затѣмъ уступилъ моей прось-

бѣ. Сдѣлалъ онъ это во-первыхъ потому, что воспомнилъ о жареномъ гусѣ, ожидавшемъ его дома. Уже стемнѣло и было какъ разъ время приступить къ уничтоженiю гуся. Если онъ сначала отвезетъ меня въ „арестный домъ", то гусь будетъ уже не тотъ, такъ какъ жена ожидаетъ его какъ разъ въ это время. Онъ совсѣмъ забылъ позвонить ей по телефону.

Онъ собрался идти домой, полагая, что до полуночи еще достаточно времени, чтобы отвезти меня. Начальникъ же „арестнаго дома" его другъ и закроетъ на это глаза.

Послѣ ухода пристава, мы перешли въ нашу комнату, я разсказалъ, что со мной случилось, что предстоитъ въ будущемъ и какъ должна себя держать въ это время моя жена. Послѣ этого я прочелъ вслухъ статью изъ газеты „Мартъ". Значитъ въ дѣйствительности все такъ было въ Германiи. Такъ хорошо, такъ удивительно хорошо. Я усумнился на одну минуту. Не научилась же германская печать такъ же лгать, какъ русская. Но сомнѣнiе мое продолжалось лишь всего одну минуту. Нѣтъ, этого не могло случиться въ Германiи, тамъ исключается всякая возможност этого. Кромѣ того, я вѣдь лично зналъ Конрада Гаусманна. Онъ не лжетъ. Я тутъ же замѣтилъ съ какой истинно швабской осторожностью все было написано.

Въ письмѣ, полученномъ изъ Берлина, я нашелъ неразборчивую приписку слѣдующаго содержанiя: „Намъ повезло съ нашими земледѣльческими машинами. Вамъ, конечно, будетъ интересно узнать, что наши молотилки оказались въ дѣйствiи превосходными". Я снова задумался на одну минуту. Ни авторъ письма, ни я не имѣли ничего общаго съ земледѣльческими машинами. Ахъ, вотъ что, теперь я понимаю. Подъ словомъ „молотилки" подразумѣвалось германское войско. Мой другъ облекъ все это въ такую форму для того, чтобы лицо, передававшее письмо, не имѣло непрiятностей, если бы эта приписка попала въ руки русскихъ властей...... Теперь я понялъ, что онъ мнѣ хотѣлъ сообщить. Молотилки дѣйствовали превосходно. Слава и благодарность Тебѣ Господи. Это было самымъ важнымъ. Ахъ, если бы только побѣдить нашихъ враговъ.

Около половины десятаго ко мнѣ въ комнату снова пришелъ

приставъ. Онъ поѣлъ гуся и винный запахъ до нѣкоторой степени улетучился. Ему вдругъ стало страшно за меня.

Когда онъ нашелъ меня въ комнатѣ, то облегченно вздохнулъ и попросилъ подать бутылку вина.

Мы съ женой остались съ нимъ наединѣ и я могъ выяснить, сколько мнѣ стоила его предупредительность въ теченіе дня. Онъ замѣтилъ къ чему я веду рѣчь и энергично отклонилъ мое предложеніе. Онъ совсѣмъ не имѣлъ этого въ виду. Онъ просилъ лишь меня вспомнить о немъ, когда я буду снова въ Германіи, а теперь онъ охотно выпьетъ еще бутылку вина вмѣстѣ съ нами.

Я заказалъ сразу еще двѣ бутылки и, долженъ сознаться, этотъ русскій полицейскій чинъ, который отказался взять деньги, началъ мнѣ импонировать, но не слѣдуетъ переоцѣнивать даже порядочнаго русскаго полицейскаго чина. Я узналъ позднѣе, что на основаніи хорошей репутаціи, созданной снисходительнымъ отношеніемъ ко мнѣ и извѣстной среди германцевъ, онъ порядкомъ эксплоатировалъ оставшихся нѣмецкихъ женщинъ. Онъ продолжалъ слыть порядочнымъ человѣкомъ и другомъ нѣмцевъ и каждая нѣмецкая женщина, которая не знала что ей дѣлать, когда ея мужа выслали, обращалась прежде всего къ нему. Онъ былъ сама любезность, онъ давалъ хорошій совѣтъ, но ему за это хорошо платили. Пользы его совѣтъ, однако, никому не приносилъ.....

Когда были осушены три бутылки, мы распрощались съ моей женой и, взявъ ручной сакъ, поѣхали въ „арестный домъ."

Намъ пришлось ѣхать черезъ Николаевскій мостъ, на который я смотрѣлъ цѣлыми днями, а затѣмъ по ухабистымъ и все болѣе узкимъ дорогамъ въ старый городъ.

Экипажъ остановился передъ неосвѣщеннымъ подъѣздомъ.

Приставъ взялъ мой сакъ въ одну руку, меня другой рукой и повелъ меня по длинному темному коридору. Вдали свѣтилась жалкая керосиновая лампа - наша цѣль. Всевозможныя, не ясно различаемыя мною фигуры шмыгали, какъ будто въ чулкахъ, мимо насъ.

Одна дверь была открыта, около нея стояли два городовыхъ. Въ комнатѣ у потолка горѣла жалкая керосиновая лампа.

„Ну, вотъ мы и пришли", сказалъ приставъ и поставилъ мой чемоданъ.

На желѣзныхъ кроватяхъ и на полу лежали люди, которые смотрѣли на меня съ любопытствомъ, но весьма недоброжелательно.

„Добрый вечеръ, господа. Вотъ я привелъ вамъ еще одного товарища."

Никто не отвѣтилъ ни слова.

„Господинъ профессоръ, устраивайтесь поудобнѣе на той постели, которую я велѣлъ оставить для васъ. Если вамъ что-нибудь понадобится, то телефонируйте мнѣ. Номеръ моего телефона вамъ извѣстенъ." Приставъ пожалъ мнѣ руку и удалился.

„Покойной ночи, господа," сказалъ онъ темнымъ фигурамъ, находившимся вокругъ меня.

Снова никто не отвѣтилъ ни слова.

Мнѣ хотѣлось съ кѣмъ нибудь заговорить, но какъ только я пытался это сдѣлать, то фигура, къ которой я обращался, отворачивалась отъ меня.

Меня избѣгали. Нѣтъ никакого сомнѣнія, эти нѣмцы избѣгали меня. Почему. Я не имѣлъ объ этомъ никакого представленія.

Я сѣлъ на желѣзную кровать, подложилъ подъ голову чемоданъ и легъ, насколько возможно удобнѣе.

Одинъ изъ городовыхъ, стоявшихъ у дверей, вошелъ въ комнату и убавилъ огонь въ керосиновой лампѣ. Послѣ этого онъ сѣлъ на скамейку рядомъ съ другимъ городовымъ. Молчаніе. Темнота.......

СНОВА СРЕДИ НѢМЦЕВЪ.

На другой день утромъ я выяснилъ, почему меня такъ недружелюбно приняли.

Одинъ нѣмецъ изъ Тифлиса, строившій желѣзную дорогу на Кавказѣ и уже въ теченіе четырехъ недѣль сидѣвшій въ „арестномъ домѣ", объяснилъ мнѣ все. Онъ пожалѣлъ меня одинокаго.

Всѣхъ остальныхъ нѣмцевъ сюда приводили обыкновенные городовые, при чемъ съ ними особенно не церемонились. Меня же доставилъ приставъ собственной персоной и къ тому же онъ еще

очень любезно разговаривалъ со мной. Всѣхъ другихъ привели днемъ, меня же доставили около полуночи. Кромѣ того, о моемъ прибытiи всѣ были заранѣе предупреждены и для меня была оставлена желѣзная кровать. Лично меня никто не зналъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ нѣмцы приняли меня за полицейскаго шпiона.

Нѣмецъ изъ Тифлиса сразу замѣтилъ, что ко мнѣ относились несправедливо и объяснилъ мнѣ все.

Вскорѣ и остальные замѣтили, что они ошиблись во мнѣ и стали относиться довѣрчивѣе. Уже около полудня меня отвелъ въ сторону столяръ и предостерегъ меня отъ слишкомъ большой откровенности съ нѣмцемъ изъ Тифлиса. Онъ былъ очень любезенъ со старшимъ полицейскимъ, а это довольно подозрительно, быть можетъ онъ шпiонъ.

Мнѣ и впредь приходилось наблюдать недовѣрiе нѣмцевъ къ каждому новому незнакомому лицу, находившемуся въ хорошихъ отношенiяхъ съ полицiей.

Это было что-то вродѣ болѣзни или психоза, явившагося слѣдствiемъ всего пережитаго.

Помѣщенiе, занимаемое 9-ымъ полицейскимъ участкомъ, выходило на улицу, „арестный домъ" являлся длиннымъ боковымъ флигилемъ восточнаго типа. Зданiе было одноэтажное, внѣшняя стѣна безъ оконъ. Окна были лишь во внутренней стѣнѣ и выходили во дворъ и, какъ вездѣ на Востокѣ, тутъ же проходила деревянная галлерея, тянувшаяся какъ нижнемъ, такъ и въ первомъ этажѣ вокругъ всего двора.

Нижнiй этажъ состоялъ изъ комнатъ, въ которыхъ жили холостые городовые 9-го участка. Въ первомъ этажѣ находились жилыя и пустыя помѣщенiя для вновь поступающихъ городовыхъ и „арестный домъ." Въ этихъ комнатахъ были помѣщены въ началѣ войны первые нѣмецкiе гражданскiе плѣнные. Вскорѣ, однако, эти помѣщенiя понадобились для запасныхъ и ополченцевъ, которые несли караульную службу въ городѣ. Нѣмецкихъ плѣнныхъ вышвырнули изъ перваго этажа и помѣстили ихъ въ маленькой комнатѣ нижняго этажа.

Эта конура, въ которой съ трудомъ могли размѣститься

шесть человѣкъ, должна была, когда меня арестовали, вмѣстить семнадцать человѣкъ.

Въ этой темной и сырой дырѣ должны были проводить дни и ночи семнадцать нѣмцевъ.

Въ первомъ этажѣ находилось пятьдесятъ солдатъ. Въ нижнемъ этажѣ въ одной комнатѣ семнадцать нѣмецкихъ гражданскихъ плѣнныхъ. Кромѣ того, въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ чиновниками 9-го участка жили еще, по крайней мѣрѣ, тридцать городовыхъ. Такимъ образомъ насъ было около ста человѣкъ и для всѣхъ насъ былъ лишь одинъ умывальникъ, изъ котораго только по утрамъ между пятью и семью часами бѣжала тонкая струя воды. Въ остальное время дня водопроводъ былъ закрытъ или вообще не дѣйствовалъ. Для ста человѣкъ въ нижнемъ этажѣ было два настоящихъ персидскихъ клозета, не поддающихся никакому описанію. Въ первомъ же этажѣ было пять европейскихъ клозетовъ, даже водяныхъ, которые тоже, въ лучшемъ случаѣ, дѣйствовали только отъ пяти до семи часовъ утра. Осень 1914 года была въ Тифлисѣ особенно жаркой. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ стояла поистинѣ тропическая температура. Къ этому нужно добавить, что „арестный домъ", какъ и полицейскій участокъ были полны всевозможными насѣкомыми, блохами и клопами, такъ что можно себѣ представить, при какихъ санитарныхъ и гигіеническихъ условіяхъ мы нѣмцы должны были тогда жить.

Что же это были за нѣмцы. Двое изъ нихъ, молодые люди, при чемъ одинъ чахоточный, были привезены сюда изъ Закавказья. Они родились на Кавказѣ, выросли среди татаръ и никогда еще не были въ Германіи. Ихъ отецъ былъ швабъ по происхожденію, занимались они пчеловодствомъ, а теперь ихъ считали преступниками. Третій нѣмецъ дѣйствительно родился въ Германіи, но выросъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ научился приготовленію сыра. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ по сосѣдству съ пчеловодами въ З а к а в к а з ь ѣ и занимался приготовленіемъ сыровъ.

Тутъ же находились четыре семнадцатилѣтнихъ юноши нѣмецкаго происхожденія, которые между собою разговаривали по русски. Русскій языкъ былъ для нихъ значительно легче нѣмецкаго. Всѣ четверо родились въ Тифлисѣ и никогда не были въ Германіи. Одинъ

изъ нихъ вообще совсѣмъ не говорилъ по нѣмецки, случилось же это по слѣдующей причинѣ: отецъ его женился на грузинкѣ. Полгода спустя послѣ рожденія ребенка отецъ умеръ и мать вскорѣ снова вышла замужъ за грузина. Такимъ образомъ мальчикъ никогда не слыхалъ ни одного нѣмецкаго слова.

Кромѣ того, былъ еще уже упоминавшійся тильзитецъ, половину своей жизни проведшій за границей и находившійся въ плѣну у англичанъ въ Южной Африкѣ во время бурской войны. Онъ говорилъ по нѣмецки, по англійски, по французски и по русски, но на всѣхъ языкахъ одинаково плохо, въ общемъ же былъ проворный и веселый малый.

Никто изъ вышеназванныхъ мною лицъ не служилъ на военной службѣ и не былъ военнообязаннымъ.

Среди насъ еще находились два столяра, родомъ изъ Моравіи, которые уже полстолѣтія жили въ Тифлисѣ, гдѣ они устроили небольшую, но доходную фабрику мебели. Старшій изъ нихъ служилъ во 2-мъ пѣхотномъ гвардейскомъ полку въ Берлинѣ, но теперь ему было уже 48 лѣтъ. Младшій, которому было 45 лѣтъ, никогда не служилъ на военной службѣ вслѣдствіе сильнаго порока сердца. Въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ находился одинъ бреславецъ, сдававшій въ Тифлисѣ меблированныя комнаты. Онъ служилъ въ Бреславлѣ, жилъ уже много лѣтъ въ Тифлисѣ и серьезно хворалъ. Онъ страдалъ сильной астмой, ревматизмомъ, у него были больныя почки, больная печень, больное сердце. Въ этомъ человѣкѣ, имѣвшемъ 47 лѣтъ, но выглядѣвшимъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, не было ничего здороваго. Четвертымъ въ этомъ союзѣ былъ зять обоихъ столяровъ, человѣкъ гугенотскаго происхожденія изъ западной Германіи, которому, къ несчастью, не хватало двухъ недѣль до 50 лѣтъ, когда вышелъ приказъ русскаго Верховнаго Главнокомандующаго арестовать также и всѣхъ германцевъ въ возрастѣ отъ 45 до 50 лѣтъ.

Я не могу забыть еще одного берлинца, архитектора по призванію, который принималъ участіе въ постройкѣ Кавказскаго музея въ Тифлисѣ. Онъ лишь изрѣдка былъ съ нами, а затѣмъ его снова выпускали на свободу. Безъ него не могли справиться съ планами для новаго музея, отъ него все время требовали

измѣненія то одного, то другого плана. Онъ заявлялъ, что не можетъ выполнить эту работу здѣсь, а лишь въ своей канцеляріи и не въ одинъ день, а, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести дней. Такимъ образомъ его отпускали домой дня на 4 - 5, гдѣ онъ спокойно занимался своими другими работами и лишь къ концу положеннаго срока, когда полиція хотѣла его снова арестовать, онъ исполнялъ желаемый планъ въ два часа времени. Тогда онъ снова появлялся среди насъ, пока черезъ нѣсколько дней не продѣлывалъ того же. Онъ въ теченіе десяти лѣтъ жилъ въ Россіи, изъ нихъ 5 въ Тифлисѣ, и великолѣпно говорилъ по русски. На военной службѣ онъ не служилъ и считался непригоднымъ для нея.

Къ намъ присоединились еще два нѣмца, владѣльцы кинематографа въ Тифлисѣ. Одному изъ братьевъ всегда удавалось освободить другого на день, на два, сдѣлавъ богатый взносъ въ пользу русскаго Краснаго Креста, который передавался черезъ полицію и большая часть взноса, конечно, прилипала къ рукамъ полицейскихъ. Такъ продолжалось нѣсколько разъ, пока братья не истратили нѣсколько тысячъ рублей и пріостановили дальнѣйшія "пожертвованія въ пользу русскаго Краснаго Креста"; тогда ихъ обоихъ арестовали.

Кромѣ того, мнѣ хочется упомянуть еще объ одномъ 46 лѣтнемъ человѣкѣ, которому на видъ можно было дать много за пятьдесятъ лѣтъ. Это былъ слабый, болѣзненный, меланхоличный человѣкъ, только что перенесшій тяжелое воспаленіе мозга и все еще лѣчившійся отъ его послѣдствій. Его отецъ былъ родомъ венгръ, а мать француженка. Онъ даже не зналъ Вѣны, не только Германіи. Онъ родился въ Тифлисѣ и никогда не выѣзжалъ съ Кавказа. Онъ лучше говорилъ по французски, чѣмъ по нѣмецки. Вдругъ онъ почему то сдѣлался нѣмецкимъ преступникомъ.

Сыроваръ и я были единственными среди этихъ нѣмцевъ, не говорившими свободно по русски. Берлинецъ, тильзитецъ, моравъ, служившій во 2 гвардейскомъ полку, и я были единственными, которымъ можно было поставить въ упрекъ, что мы сознательно чувствовали и думали по нѣмецки.

Русскіе обращались съ нами со всѣми такъ, что вскорѣ всѣ сдѣлались сознательными нѣмцами и настоящими нѣмецкими патріотами. Нѣкоторое сомнѣніе вызывали лишь оба владѣльца кинематографа. Страданія привели къ тому, что всѣ почувствовали себя нѣмцами и не забывали этого и въ самыя тяжелыя минуты........

Мы вставали съ восходомъ солнца, радуясь избавленію отъ клоповъ и блохъ. Мы вставали такъ рано для того, чтобы по возможности побольше воспользоваться умывальникомъ. Въ это время оба пчеловода и сыроваръ заботились о завтракѣ. За опредѣленную сумму денегъ намъ давали кипятокъ и эти трое нѣмцевъ приготовляли для насъ всѣхъ чай. Къ чаю подавался хлѣбъ и сыръ, остававшіеся отъ предыдущаго дня. Все это дѣлалось за нашъ счетъ. Тѣ нѣмцы, которые были раньше арестованы, постепенно устроились по домашнему. Всѣ арестованные позднѣе слѣдовали установленному ими порядку и покупали черезъ городовыхъ или солдатъ два стакана, двѣ тарелки, ножъ, вилку и ложку. Конечно, покупалось все это на свой счетъ.

Послѣ завтрака мы по очереди убирали и подметали комнату, а также помѣщеніе передъ комнатой, которое все время пачкали проходившіе городовые и солдаты. Послѣ уборки мы бесѣдовали. Всѣ очень любили послушать меня, такъ какъ я вѣдь имѣлъ извѣстія изъ Германіи. Всѣ нѣмцы охотно повторяли фразу изъ письма, полученнаго мною: „Вамъ интересно будетъ узнать, что наши молотилки прекрасно работаютъ."

Около 9 часовъ на дворѣ собирались городовые какого-нибудь Тифлисскаго участка для обученія стрѣльбѣ, которой руководилъ штабъ-офицеръ.

Такимъ образомъ мы имѣли возможность пересмотрѣть всю Тифлисскую полицію. Большая часть полицейскихъ имѣла видъ очень противныхъ, очень грубыхъ и простыхъ людей. Каждый городовой выпускалъ изъ своего револьвера двѣ пули. Мы не понимали, чему онъ могъ научиться такимъ образомъ. Если шелъ дождь, то стрѣльба отмѣнялась, потому что, какъ мы смѣялись, русскія пули боялись промокнуть.

Послѣ стрѣльбы штабъ-офицеръ занимался съ городовыми въ

первомъ этажѣ въ теченіе получаса теоретическимъ обученіемъ употребленія оружія.

Послѣ этого дворъ оставался пустымъ до полудня, когда солдаты изъ перваго этажа обѣдали на воздухѣ за нѣсколькими деревянными столами.

Намъ удалось, наконецъ, черезъ солдатъ получить разрѣшеніе гулять на дворѣ. Можно было теперь хоть немного размять уставшіе члены.

Когда солдаты кончали обѣдать, то двое изъ нихъ приносили намъ ужасный обѣдъ, за который каждый изъ насъ платилъ по пятидесяти пфенниговъ.

Послѣ обѣда мы ждали того момента, когда къ намъ допускались посѣтители. Это было отъ 2 - 5 часовъ.

Но и въ этомъ отношеніи снова за насъ пришлось вступиться солдатамъ, чтобы защитить насъ отъ произвола и ненависти полиціи.

Когда, напримѣръ, моя жена пришла въ первый разъ, то полиція ни за что не хотѣла пустить ее ко мнѣ. Моя жена заявила, что она имѣетъ на это право, но это не помогло. Два грубыхъ городовыхъ взяли ее за руки и вывели на улицу. Я не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ меня тоже держали два городовыхъ, когда я хотѣлъ бѣжать на помощь къ моей женѣ.

Въ эту минуту появился тильзитецъ, который никогда не терялся, онъ побѣжалъ въ первый этажъ къ фельдфебелю и разсказалъ ему о случившемся. Разъяренный фельдфебель спустился внизъ съ унтеръ-офицеромъ и двумя солдатами и напустился на городовыхъ. Дѣло дошло до дѣйствительно крупной перебранки, причемъ солдаты не скрывали своего презрѣнія къ полиціи.

Затѣмъ фельдфебель поспѣшилъ къ телефону, позвонилъ въ гостиницу Лондонъ, гдѣ все еще жила моя жена, и попросилъ ее снова пріѣхать. Онъ ей сказалъ, что она имѣетъ право меня навѣщать и онъ ручается за то, что она безпрепятственно попадетъ ко мнѣ.

Онъ послалъ на улицу унтеръ-офицера и двухъ солдатъ, которые должны были ожидать мою жену и проводить ее ко мнѣ, несмотря на злобу городового.

Съ этихъ поръ съ 2 - 5 часовъ на улицѣ всегда стояло нѣсколько солдатъ, чтобы проводить къ намъ посѣтителей. Когда кончалось время пріема посѣтителей, то два солдата всегда провожали мою жену на улицу, такъ какъ на нее полицейскіе особенно точили зубы.

Эти часы отъ 2 - 5 были самыми оживленными. Каждый узнавалъ новости изъ города. Жены и дѣти приходили и приносили извѣстія о томъ, какъ шли дѣла дома. Нѣкоторые потихонько приносили въ первое время новыя газеты, а это было самое главное.

Позднѣе въ этомъ не встрѣчалось надобности, такъ какъ солдаты просто покупали для насъ газеты, хотя это и было запрещено.

Самое тяжелое время наступало послѣ ухода посѣтителей, такъ какъ читать газеты мы могли только вечеромъ, когда становилось темно и оба дежурныхъ городовыхъ были соотвѣтствующимъ образомъ подкуплены.

Тяжело было разставанье съ женами и дѣтьми еще и потому, что мы не знали, увидимся ли мы съ ними завтра.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ насъ приняли участіе солдаты, полиція не могла къ намъ много придираться и мстила намъ тѣмъ, что постоянно заявляла о нашемъ отъѣздѣ рано утромъ на другой день.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы поняли ихъ местъ, но даже когда это случилось, то кто могъ намъ поручиться, что они на этотъ разъ не говорили правду, хотя такъ часто и лгали намъ.

Насъ намѣренно держали въ неизвѣстности о нашей судьбѣ....

Когда темнѣло, то мы какъ заговорщики, собирались всѣ вмѣстѣ. Около двери кто-нибудь стоялъ на стражѣ, чтобы насъ не накрылъ смотритель „арестнаго дома", который большею частью въ это время дѣлалъ обходъ. Столяръ держалъ въ рукахъ самую новую газету, старшій братъ изъ гвардіи прикрывалъ рукой стеариновую свѣчку, чтобы свѣтъ не былъ виденъ извнѣ. Обоихъ городовыхъ мы посылали купить что-нибудь къ ужину, давъ имъ рубль. Они знали, что чѣмъ дольше они будутъ отсутствовать,

тѣмъ больше они получатъ на чай. Столяръ читалъ медленно газету вслухъ. Онъ читалъ по русски, а тильзитецъ переводилъ на нѣмецкій языкъ.

Наступалъ очень интересный моментъ. Губернаторомъ Бельгіи былъ назначенъ баронъ фонъ-деръ-ГОЛЬЦЪ. Германцы чувствовали себя въ Бельгіи, вѣроятно, какъ дома, хотя послѣдніе форты Льежа еще держались. Какими глупыми должны считать своихъ читателей русскія газеты. Бельгія управляется уже германцами, а Льежъ все еще въ рукахъ бельгійцевъ, какъ же это можно сопоставить.

Мы уже познакомились съ русскими газетами, а потому главнымъ образомъ читали между строкъ.

„Антверпенъ находится въ осадномъ положеніи" закричалъ столяръ такъ громко, что его энергичный братъ закрылъ ему ротъ на минуту и чуть не потушилъ свѣчу. „Человѣкъ, я убью тебя, если ты еще разъ такъ закричишь." пригрозилъ бывшій гвардеецъ и только тогда открылъ брату ротъ. Послѣдній забылъ при интересномъ чтеніи, что онъ не читаетъ газету дома какъ свободный человѣкъ, а какъ плѣнный въ „арестномъ домѣ."

Берлинецъ, архитекторъ, который снова у насъ на гастроляхъ, говоритъ: „Мнѣ кажется, что Антверпенъ уже палъ. Пусть меня повѣсятъ, если я не правъ. Инженеры завода Круппа съ 42 сантиметровыми пушками вооружали Антверпенъ, просто вооружали, говорю я вамъ. Мы такъ это дѣлаемъ. Понимаете."

Мы потихонько засмѣялись, „вооружали" это дѣйствительно прекрасное выраженіе......

Городовые приближались. Нашъ сторожъ предупредилъ насъ объ этомъ. Мы потушили стеариновую свѣчу, зажгли керосиновую лампу и принялись „накрывать на столъ." Вечеромъ мы всегда пили чай съ хлѣбомъ и сыромъ, конечно, на свой счетъ.

Въ первомъ этажѣ собрались солдаты. Пришелъ капитанъ. Перекличка, затѣмъ общее пѣніе молитвы о спасеніи Россіи и Царя.

День прошелъ. Каждый идетъ къ своей постели. Огонь въ керосиновой лампѣ уменьшаютъ. Берлинецъ громко говоритъ: „Доберемся еще до матери Бернъ, съ матерью Борнъ мы уже покончили."

Молчаніе. Затѣмъ онъ поясняетъ Берлинскую поговорку: „Мать Борнъ - Бельгія, а мать Бернъ - Россія, Франція, Англія, смотря по

тому, чья наступитъ очередь."

Мы хорошо настроены, мы радуемся, несмотря на блохъ и клоповъ, для которыхъ наступаетъ наилучшая пора.

СРЕДИ РУССКИХЪ СОЛДАТЪ.

Въ „арестный домъ" приводятъ еще двухъ нѣмцевъ. Имъ пришлось совершить длинное путешествіе пѣшкомъ. Они жили вблизи Карса. Оттуда ихъ пѣшкомъ въ сопровожденіи полиціи привели сюда. Нѣтъ возможности вновь прибывшихъ тоже помѣстить въ нашу комнату, въ ней и такъ едва можно двигаться. Мы протестуемъ и ищемъ покровительства у солдатъ.

Вечеромъ къ намъ приходитъ капитанъ и приказываетъ тильзитцу, венгерцу и мнѣ сегодня же перебраться въ верхній этажъ къ солдатамъ. Пятьдесятъ человѣкъ солдатъ помѣщаются въ трехъ комнатахъ. Фельдфебель беретъ насъ всѣхъ троихъ въ свою комнату, гдѣ кромѣ него находятся еще два унтеръ-офицера, ефрейторъ и пять городовыхъ. Насъ здѣсь всего двѣнадцать человѣкъ. Помѣщеніе тѣсновато для насъ, но все же здѣсь лучше, чѣмъ внизу.

Мы трое нѣмцевъ живемъ такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ среди русскихъ солдатъ и благодаря намъ они начинаютъ болѣе довѣрчиво относиться и къ другимъ нѣмцамъ. Скоро мы всѣ становимся друзьями съ ними. Мы образуемъ мирный островокъ среди цѣлаго моря злобы, ненависти и подлости. Съ этимъ моремъ мы соприкасаемся лишь черезъ неизбѣжныхъ городовыхъ, газеты и переживанія женъ и дѣтей, когда они къ намъ приходятъ днемъ и разсказываютъ, какъ съ ними обходятся русскіе.

Нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы мы такъ ненавидѣли, какъ русское правительство. Немногое на землѣ мы научились такъ любить, какъ нашихъ русскихъ солдатъ, которые являются частью русскаго народа.

Солдаты, среди которыхъ намъ пришлось жить, были запасные и ополченцы, такимъ образомъ большею частью пожилые люди. Лишь

по случаю войны они были призваны, до этихъ же поръ они были мирными крестьянами и работниками. Нѣкоторые изъ нихъ были крестьянами изъ Донской области, гдѣ они жили по сосѣдству съ нѣмецкими колонистами и научились ихъ уважать. Это намъ теперь принесло пользу. Другіе были служащими городскихъ предпріятій и тоже часто имѣли дѣло съ нѣмцами, противъ которыхъ они ничего не могли сказать дурного. Почти всѣ они были отцами семействъ и война ихъ поставила въ очень тяжелое матерьяльное положеніе. Многихъ изъ насъ постигла та же участь. Съ городскими жителями они почти не соприкасались. Распространенная здѣсь всюду злоба противъ нѣмцевъ не могла заразить этихъ солдатъ. Для нихъ война была катастрофой, несчастьемъ.

Среди болѣе молодыхъ солдатъ были, конечно, нѣкоторые, которые охотно бы насъ отравили, но они могли лишь втихомолку ворчать и браниться.

Комната старшаго городового находилась между помѣщеніями для солдатъ. Это былъ противный человѣкъ, который охотно бы насъ помучилъ, но противъ фельдфебеля, унтеръ-офицеровъ и всей массы солдатъ, которые стояли за насъ, онъ былъ безсиленъ. Онъ долженъ былъ молчать, такъ какъ боялся солдатъ, которые безъ сомнѣнія побили бы его, если бы онъ что нибудь затѣялъ противъ насъ.

Передъ комнатой, гдѣ мы жили съ фельдфебелемъ, стояли пятьдесятъ ружей. Это были жалкія съ дула заряжающіяся ружья, съ огромными шомполами. Мы рѣшили, на случай необходимой защиты, воспользоваться этимъ оружіемъ. Рядомъ съ моей кроватью находился входъ въ оружейную комнату, изъ которой каждый патруль получалъ патроны. Этотъ входъ состоялъ изъ жалкой деревянной двери. Стоило только сдѣлать шагъ и мы завладѣли бы этой комнатой.

Русское правительство, обращавшееся съ нами, какъ съ преступниками, само давало намъ возможность въ любой моментъ завладѣть русскимъ оружіемъ, чтобы возможно дороже продать свою жизнь.

Большую радость доставлялъ намъ и солдатамъ Миша, въ высшей степени добродушный, умственно и физически отсталый юноша, изъ далекой западной губерніи. Это былъ душа человѣкъ, по отношенію ко всѣмъ услужливый и всегда веселый и любезный. Въ формѣ онъ выглядѣлъ невозможно, она была ему слишкомъ велика. Два такихъ

Миши могли войти въ куртку, брюки и сапоги, которые онъ носилъ. Его дѣтская душа не знала ненависти и вражды. Онъ пріѣхалъ сюда прямо изъ деревни и никогда еще не былъ въ городѣ. Для него мы были такіе же люди, какъ и остальные, только лишь временно посаженные сюда. Почему мы находились здѣсь, этого онъ совершенно не понималъ. Онъ мылъ столы и кухонную посуду, убиралъ коридоры и лѣстницы и у него всегда было дѣло. Трогательно было видѣть, какъ съ нимъ обращались товарищи, не было тѣни насмѣшки или чего-нибудь подобнаго.

Когда я въ первый разъ вышелъ изъ солдатской комнаты, чтобы пойти на свѣжій воздухъ на дворъ, то второпяхъ забылъ взять съ собой портсигаръ. Мнѣ не захотѣлось возвращаться, такъ какъ штабъ-офицеръ велъ какъ разъ городовыхъ наверхъ для теоретическаго обученія употребленію оружія.

Вдругъ въ окнѣ показался Миша, онъ показывалъ мнѣ портсигаръ и кричалъ: „землякъ, ты забылъ папиросы, не принести ли ихъ тебѣ."

Мишу отозвали отъ окна и штабъ-офицеръ выбранилъ его. Я снизу не могъ понять, что собственно произошло.

Когда штабъ-офицеръ съ городовыми ушелъ, то фельдфебель съ Мишей спустились ко мнѣ.

„Послушай, Миша," сказалъ фельдфебель, когда Миша подалъ мнѣ портсигаръ, „и не забудь этого, слышишь, ты не смѣешь говорить „землякъ", Его Высокоблагородіе не хочетъ больше этого слушать, а то онъ тебя посадитъ подъ арестъ."

„Почему я не смѣю говорить землякъ Михаилъ Михайловичъ."

„Ты не смѣешь, Миша, нѣмцы не наши земляки."

Миша подумалъ одну минуту. „Тогда я буду говорить дяденька, Михаилъ Михайловичъ."

„Хорошо говори дяденька, Миша," отвѣтилъ одобрительно фельдфебель и съ тѣхъ поръ Миша называетъ меня и другихъ нѣмцевъ „дяденька". Почему же онъ не смѣетъ говорить „землякъ" и почему такъ разсердились Его Высокоблагородіе, этого его невинная душа не понимаетъ........

Какъ то разъ въ воскресенье утромъ къ намъ въ комнату влетѣлъ старшій городовой съ торжествующимъ видомъ: „Перемышль

палъ." Онъ любовался нашими лицами. Солдатамъ это злорадство старшаго городового совсѣмъ было непріятно, они угрюмо смотрѣли на него.

Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ сказалъ: „Почему бы ему и не пасть. Когда нибудь вѣдь долженъ же онъ пасть. Особеннаго въ этомъ ничего нѣтъ."

Старшій городовой разсвирѣпѣлъ. Весь городъ украшенъ флагами, это такая же большая побѣда, какъ при Львовѣ, и Австріи приходитъ конецъ. Теперь можно приняться и за пруссаковъ.

Онъ ушелъ, чтобы сообщить это извѣстіе другимъ.

Это сообщеніе въ воскресенье удручало насъ въ теченіе цѣлаго дня. Мы избѣгали разговаривать съ солдатами.

На другой день рано утромъ мы замѣтили необычайное оживленіе на дворѣ. Тамъ все больше и больше собиралось народу, татаръ, армянъ, русскихъ; одѣты они были одинъ лучше другого.

Наша молодежъ узнала, что это были за люди. Это были дворники, управляющіе всѣми домами Тифлиса, они стояли всѣ вмѣстѣ и боязливо посматривали вокругъ себя.

Появился кто-то изъ высшаго начальства и принялся бранить собравшихся дворниковъ.

Хорошо знающіе русскій языкъ среди насъ нѣмцевъ начали улыбаться, а затѣмъ бросились на постели, чтобы ихъ смѣхъ не былъ слышенъ.

Перемышль вовсе не былъ взятъ. Дворники, просто по слухамъ, не спрашивая въ Штабѣ, вывѣсили флаги и весь Тифлисъ праздновалъ паденіе непріятельской крѣпости. Штабъ-офицеръ угрожалъ дворникамъ заключеніемъ въ тюрьму, если они еще разъ безъ особаго разрѣшенія Штаба вывѣсятъ флаги. Всѣ эти дворники имѣли ужасно сконфуженный видъ.

Ни одно имя въ Россіи въ это время такъ часто не произносилось, какъ имя германскаго императора. Произносилось оно всегда съ ненавистью и, не рѣдко, съ нѣкоторымъ страхомъ. Все, что русскіе имѣли противъ насъ на сердцѣ, выражалось почти всегда по отношенію одного „Вильгельма."

Въ помѣщеніи передъ нашей солдатской комнатой происходилъ какъ-то урокъ штабъ-офицера съ полицейскими. Онъ особенно сердил-

ся на одного изъ нихъ. Тотъ снова сдѣлалъ ошибку и офицеръ злобно крикнулъ на него: „Ахъ, ты собака, усы носишь, какъ у Вильгельма, а стрѣлять не умѣешь. Я посажу тебя подъ арестъ, если у тебя еще завтра будутъ усы."......

О насъ снова составили протоколъ. Я уже потерялъ счетъ имъ. На сей разъ за это взялся самъ смотритель „арестнаго дома," въ чинѣ капитана. Нашъ товарищъ изъ гвардіи подошелъ къ нему. Капитанъ: „какъ васъ зовутъ."

Нашъ гвардеецъ: „Вильгельмъ К. . . . ."

Капитанъ подпрыгнулъ на мѣстѣ, какъ укушенный тарантуломъ. „Какъ васъ зовутъ". Ему показалось, что онъ ослышался.

Нашъ гвардеецъ: „Вильгельмъ К . . . . ."

Капитанъ все еще не рѣшался записать это ужасное имя. Онъ старался найти какой нибудь выходъ. По русски, какъ извѣстно, къ имени всегда прибавляется отчество и такъ всѣхъ и зовутъ, не упоминая фамиліи, которая въ Россіи играетъ второстепенную роль, поэтому капитанъ спросилъ нашего гвардейца имя его отца. Онъ, вѣроятно, рѣшилъ такъ: я напишу только это имя.

Гвардеецъ быстро отвѣтилъ: „Его тоже зовутъ Вильгельмъ К . . . . ."

Капитанъ покраснѣлъ отъ смущенія, теперь ему приходилось дважды писать это ужасное имя. Къ чему все это.. Онъ исполнилъ свой долгъ, записалъ имя и совершенно серьезно сказалъ гвардейцу: „Опасное имя. Вамъ слѣдовало бы подыскать себѣ другое имя..."

Снова настало время посѣщенія насъ родственниками. Одинъ татаринъ изъ З а к а в к а з ь я совершилъ далекое и тяжелое путешествіе, чтобы навѣстить своихъ арестованныхъ друзей, обоихъ пчеловодовъ и сыровара. Татаринъ съ неподвижнымъ лицомъ внимательно осмотрѣлъ помѣщеніе, людей и особенно внимательно меня, а затѣмъ передалъ мнѣ черезъ пчеловодовъ, что вечеромъ, когда стемнѣетъ, меня кто-то посѣтитъ, желая переговорить со мной о чемъ то серьезномъ. Этотъ нѣкто придетъ черезъ ворота, которыя не закрываются.

Стемнѣло. Я вышелъ на дворъ и прислонился къ дереву, такъ

что сверху меня не такъ то легко разсмотрѣть. Солдаты все равно ничего не скажутъ, а старшему городовому нельзя довѣрять. Тильзитецъ вызвался его занять.

Въ ворота вошелъ темный силуэтъ. Я откашлялся. Человѣкъ подошелъ ко мнѣ къ дереву, гдѣ насъ обоихъ едва можно было различить. Это одинъ грузинскій князь. Я уже много лѣтъ былъ съ нимъ знакомъ. Онъ неважно говорилъ по французски. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: онъ и нѣкоторые его товарищи хотѣли вмѣстѣ со всѣми своими людьми придти на помощь нѣмцамъ. Онъ предполагалъ, что ихъ всего соберется 40,000 человѣкъ. Я долженъ лишь имъ сказать, какъ они это могутъ лучше всего выполнить.

Его посѣщеніе было опасно, какъ для него, такъ и для меня. Желаніе его было значитъ серьезнымъ, такъ я его и понялъ, несмотря на всю наивность предпріятія. Какимъ образомъ они могли невредимыми добраться съ Кавказа въ Польшу. Это было совершенно невозможно. Я долженъ былъ объяснить это ему, какъ мнѣ это не было печально. Я лишь однимъ утѣшилъ его: онъ и его друзья должны подождать, когда сюда придутъ турки, тогда и для нихъ найдется дѣло. Это его нѣсколько утѣшило. Но ни онъ, ни я не понимали, почему все еще медлили турки.. Грузинъ ушелъ. Это былъ весьма характерный случай, который мнѣ еще разъ показалъ, хотя я это и зналъ, что грузины, наилучшее племя Кавказа, изъ вполнѣ обоснованной ненависти къ русскимъ, были на сторонѣ нѣмцевъ. Даже внѣшняя причина къ этому рѣшенію моего знакомаго грузина и его друзей была достаточно характерной. Когда я еще жилъ въ гостиницѣ, то тамъ бывалъ генералъ ясно выраженнаго китайскаго типа. Онъ много и охотно разговаривалъ съ моей женой, которую онъ считалъ американкой, а не нѣмкой. У насъ не было основанія разубѣждать его, потому что его откровенность по отношенію къ моей женѣ была достаточно интересна для меня. Начальство поручило ему мобилизовать кавказскихъ горцевъ противъ нѣмцевъ. Въ обыкновенное время большая часть ихъ были весьма смѣлые и опасные разбойники, доставлявшіе русскому правительству много хлопотъ. Эти разбойничьи шайки русскіе хотѣли отправить въ Польшу противъ германцевъ

и австрійцевъ. Веденіе агитаціи было поручено нашему генералу, слѣдствіемъ ея явилась грузинская анти-агитація.

Генералъ донесъ своему начальству, что 60,000 человѣкъ кавказскихъ горцевъ были готовы для похода. Въ Тифлисъ долженъ пріѣхать какой-то Великій Князь, чтобы отправиться вмѣстѣ съ ними на фронтъ. Это не было секретомъ, объ этомъ писали въ Кавказскихъ газетахъ, но вдругъ объ этомъ замолчали. Случилось это потому, какъ мы узнали изъ разсказа пьянаго офицера, что 60,000 человѣкъ превратились въ 6000, а при отправкѣ на вокзалъ осталась лишь половина, такъ что Великій Князь выѣхалъ изъ Тифлиса всего съ 3000 человѣкъ. Это былъ позоръ, надъ которымъ смѣялись всѣ въ Тифлисѣ, кромѣ русскихъ.

Старшій городовой собралъ насъ какъ-то въ субботу и сообщилъ намъ, что въ понедѣльникъ насъ вышлютъ отсюда, но онъ все еще не знаетъ куда. Фельдфебель разрѣшилъ мнѣ сразу же протелефонировать моей женѣ. Я попросилъ ее сообщить это еще нѣкоторымъ другимъ женамъ, чтобы онѣ сдѣлали покупки для насъ. Путешествіе можетъ быть далекимъ и надвигаются холода. Мы должны позаботиться о теплой одеждѣ и пропитаніи, такъ какъ по дорогѣ врядъ ли можно будетъ что-нибудь достать. Слѣдуетъ также пріобрѣсти подушки и матрацы, такъ какъ ни въ дорогѣ, ни въ Сибири насъ не ожидаетъ бархатъ и шелкъ. Въ воскресенье нельзя ничего купить, а мы, весьма возможно, уѣдемъ рано утромъ въ понедѣльникъ, поэтому для покупокъ остается суббота и то лишь днемъ до 2 часовъ, такъ какъ потомъ жены захотятъ побыть съ нами. Кто знаетъ, на какое время большинство изъ нихъ разстается со своими мужьями и сыновьями.

Въ этомъ отношеніи я устроился лучше другихъ. У меня нѣтъ торговли въ Тифлисѣ. Большинство моихъ коллегъ купцы и должны пока здѣсь оставить своихъ женъ, чтобы ликвидировать или продать торговлю, или какъ-нибудь вести ее до конца войны. Лишь послѣ устройства своихъ дѣлъ жены съ дѣтьми могутъ пріѣхать въ Сибирь. На мое прошеніе о разрѣшеніи моей женѣ поѣхать вмѣстѣ со мной полученъ утвердительный отвѣтъ. Мы съ нем будемъ жить вмѣстѣ. Бѣдныя другія женщины. Послѣ полудня

жены пришли къ намъ съ покупками. На каждыхъ шесть человѣкъ онѣ заготовили корзину съ провизіей - съ чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ и долго сохраняющейся колбасой. Каждый изъ насъ получитъ также одѣяло и матрацъ.

Этотъ день проходитъ въ большомъ волненіи. Многія женщины за эти нѣсколько недѣль безпокойства и хлопотъ стали нервными, не могутъ больше сдерживаться, плачутъ и жалуются на свою судьбу. Солдаты съ большимъ участіемъ смотрятъ на все происходящее. Они такъ мягкосердечны и жалостливы, и увѣряютъ, что тоже скоро заплачутъ и видно, что они не могутъ. Только старшій городовой ходитъ передъ нами въ хорошемъ настроеніи.

Давно уже пробило пять часовъ, жены наши должны были уже давно уйти. Полиція поднимаетъ скандалъ и хочетъ удалить нашихъ женъ. Солдаты просто на просто выгоняютъ полицію изъ „арестнаго дома", они считаютъ насъ своими плѣнными, до которыхъ полиціи нѣтъ никакого дѣла.

Приближается вечеръ и солдаты начинаютъ безпокоиться, что наши жены все еще не ушли. Они вполнѣ понимаютъ нашихъ женъ, но, если придетъ капитанъ и увидитъ ихъ, то будутъ непріятности. Тильзитецъ, одинъ холостякъ и я уговариваемъ нашихъ товарищей. Наши жены уходятъ.

Мы всѣ ложимся спать. Дежурный унтеръ-офицеръ тушитъ въ этотъ вечеръ совсѣмъ керосиновую лампу, чего онъ, собственно говоря, не имѣетъ права дѣлать. Мы вѣдь преступники и насъ необходимо окарауливать; въ комнатѣ даже ночью не должно быть темно. Унтеръ-офицеръ, вѣроятно, думаетъ такъ: теперь они уже не сдѣлаютъ намъ никакихъ непріятностей и не будутъ пытаться бѣжать. Въ темнотѣ, по крайней мѣрѣ, мы не видимъ другъ друга, а это въ сегодняшнюю ночь очень кстати.

На другое утро насъ снова собираетъ старшій городовой и сообщаетъ намъ, что завтра мы никуда не поѣдемъ, онъ ошибся. Какъ онъ злорадствуетъ, онъ отомстилъ намъ за то, что до сихъ поръ не могъ до насъ добраться.......

Мы съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждались, что городовые Тифлискаго полицейскаго участка вообще весьма дурные люди.

Въ концѣ двора находится также помѣщеніе для мелкихъ преступниковъ, этого участка. По внѣшнему виду оно напоминаетъ наполовину разрушенный, но слишкомъ большой свиной хлѣвъ, состоящій изъ двухъ комнатъ съ рѣшетками на окнахъ. Въ одной изъ нихъ находятся, по крайней мѣрѣ, деревянныя нары, хотя они уже наполовину сгнили. Въ другой же видны лишь голыя стѣны и сырой каменный полъ. Двѣ сырыя черныя дыры.

Сюда сажаютъ всѣхъ, кто попадетъ въ немилость къ городовымъ: дѣти, просящія милостыню, женщины, напившіяся пьяными, мужчины, не исполняющіе всѣхъ желаній городового, который ихъ обираетъ. Сюда же п о п а д а е т ъ много совершенно невинныхъ людей, молодыхъ и старыхъ, на которыхъ золъ какой нибудь городовой, большею частью потому, что они недостаточно даютъ ему.

Какъ часто бывало такъ, что солдаты въ первомъ этажѣ пѣли молитву за Царя, въ то время, какъ внизу раздавались вопли избиваемыхъ людей. Чисто русская гармонія.

А какой ужасный видъ имѣютъ арестованные, когда ихъ выпускаютъ. У всѣхъ у нихъ распухшія, съ кровоподтеками лица, всѣ они хромаютъ, между женщинами, дѣтьми, стариками не дѣлаютъ никакого различія, никто не выходитъ изъ этой дыры не имѣя такого вида. Трусы полицейскіе боятся лишь магометанъ. Они знаютъ, что остальные магометане отомстятъ за всякое дурное обращеніе со своимъ единовѣрцемъ.........

Теперь, повидимому, вопросъ о нашей „ссылкѣ" дѣло рѣшеное. Капитанъ собралъ насъ всѣхъ и объявилъ, что намъ разрѣшено ѣхать въ Сибирь на собственный счетъ въ вагонѣ третьяго класса, который пойдетъ до мѣста нашей ссылки. Лица, не желающія ѣхать на собственный счетъ, будутъ отправлены по этапу.

Мы знаемъ, что значитъ быть отправленнымъ по этапу. Намъ пришлось бы вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками побывать во всѣхъ пересыльныхъ тюрьмахъ и арсетныхъ домахъ Россіи. Перспектива была такова, что каждый, хотѣлъ онъ или нѣтъ, могъ или нѣтъ, согласился ѣхать на собственный счетъ. Лишь двое между нами вполнѣ справедливо возмутились этимъ предложеніемъ и отказались его принять. Ихъ сейчасъ же подъ конвоемъ городовыхъ отвели въ тюрьму.

Всѣ же мы остальные письменно обязались нести расходы и должны были каждый внести капитану по десяти рублей.

Послѣ этого капитанъ намъ сообщилъ дополнительно, что мы должны также заплатить за проѣздъ и за пропитаніе отъ Тифлиса до мѣста нашего назначенія, которое не называлось, и обратно нашего конвоя. Число городовыхъ и солдатъ, которые должны были насъ сопровождать, намъ не было сообщено. Ихъ могло быть двое, равно какъ и двадцать. Великое русское государство не стѣснялось обирать большею частью бѣдныхъ людей, лишь потому, что они были нѣмцы. Положеніе становилось все болѣе страннымъ. Мы согласились съ первымъ предложеніемъ, намъ пришлось принять и второе. Каждый изъ заплатилъ еще по десяти рублей за нашъ конвой.

Несмотря на все, мы не узнали, когда и куда мы поѣдемъ. Послѣ того, какъ начальство получило деньги, оно снова стало нѣмымъ по отношенію къ намъ.

Солдаты застѣнчиво посматривали на насъ, они снова стыдились за свое государство. Они сомнѣвались, будемъ ли мы съ ними послѣ этого разговаривать. Они бѣдные малые не были, вѣдь, ни въ чемъ виноваты.

Въ этотъ же день произошло еще слѣдующее. Мы давно уже замѣтили, какъ сильно скучали солдаты безъ музыки, имъ слишкомъ свободно и удобно жилось, не хватало лишь музыки. Мы собрали между собой немного денегъ, чтобы доставить удовольствіе солдатамъ и они испросили разрѣшенія губернатора купить на эти нѣмецкія деньги музыкальные инструменты. Губернаторъ, этотъ гонитель нѣмцевъ, разрѣшилъ имъ, желая поддержать хорошее настроеніе солдатъ, и нѣкоторые изъ нихъ пошли въ городъ, чтобы купить инструменты и обѣщали намъ сдѣлать покупки лишь въ нѣмецкихъ магазинахъ, что они и исполнили.

Какъ разъ, когда капитанъ собралъ съ насъ со всѣхъ деньги, солдаты вернулись изъ города и узнали, конечно, что произошло за время ихъ отсутствія. Что дѣлать. Они сильно смутились, они никогда не приняли бы нашего подарка, если бы предвидѣли все случившееся. Они не могли теперь заниматься музыкой, зная, какъ съ нами поступили.

Тильзитецъ и я разрѣшили ихъ сомнѣнія, прося ихъ играть и

танцевать, такъ какъ это и намъ доставитъ удовольствіе.

Когда акпитанъ ушелъ, у насъ наступило веселье. Солдаты пѣли, играли, танцевали, а мы смотрѣли на нихъ. Вечеромъ дежурный унтеръ-офицеръ собралъ всѣхъ солдатъ и, прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, эти русскіе солдаты прокричали троекратное ура въ честь насъ - нѣмецкихъ военноплѣнныхъ.

Мнѣ припоминается еще случай съ этими же солдатами другого рода:

Съ началомъ войны по всей Россіи была запрещена продажа водки. Исключеніе составляли лишь рестораны перваго разряда. По крайней мѣрѣ, такъ было въ Тифлисѣ. Въ русскихъ газетахъ это рѣшеніе восхвалялось, какъ геройскій и моральный поступокъ, не уступающій наибольшей побѣдѣ надъ нѣмцами. Всякій, знающій хоть немного Россію, склоненъ въ данномъ случаѣ согласиться съ этимъ. Лишь скептики видѣли въ этомъ боязнь выступленій со стороны военныхъ. Въ первые дни пьяные солдаты могли напасть на офицеровъ, прибить ихъ, а нѣкоторыхъ убить и застрѣлить. Это и вызвало запрещеніе продавать спиртные напитки.

Два мѣсяца спустя послѣ начала войны, когда русскій государственный бюджетъ пострадалъ отъ запрещенія продажи водки, правительство снова разрѣшило въ теченіе одного дня продавать водку.

Вечеромъ цѣлый рядъ нашихъ солдатъ вернулся въ ужасномъ видѣ въ „арестный домъ". Они всѣ были совершенно пьяны, шумѣли, кричали и готовы были затѣять ссору. Фельдфебель вышелъ къ нимъ, но настроеніе противъ него было таково, что онъ поспѣшилъ удалиться. Его форма дѣйствовала теперь на солдатъ, какъ кусокъ красной матеріи на быка. Они избили бы его, если бы онъ не ушелъ. Среди пьяныхъ царила такая злоба противъ всего связаннаго съ войной, благодаря которой они бездѣльничали здѣсь и могли быть убиты въ Польшѣ, что съ ними ничего нельзя было сдѣлать. Наконецъ намъ, нѣмцамъ, удалось большинство изъ нихъ настолько успокоить, что можно было уложить ихъ спать. Каждую минуту могъ придти для вечерней переклички капитанъ и, если бы пьяные были на ногахъ, то скандалъ былъ бы неизбѣженъ.

Капитанъ пришелъ и какъ всегда сталъ вызывать солдатъ по именамъ. Многiе солдаты не в ы ш л и и фельдфебель доложилъ, что они больны. Капитану, вѣроятно, было уже извѣстно, что случилось.

Вдругъ изъ помѣщенiя, занимаемаго солдатами, появляется шатающаяся фигура въ формѣ и медленно направляется къ капитану. Было слишкомъ поздно, чтобы отвести солдата въ сторону; онъ вплотную подошелъ къ капитану и сказалъ: „Бейте же меня, Ваше Высокоблагородiе." Капитанъ сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ и обратился къ фельдфебелю. Мы стояли у дверей нашей комнаты и слѣдили за всѣмъ происходившимъ. Капитанъ и фельдфебель поблѣднѣли, солдатъ не успокоился, снова подошелъ къ капитану и громко закричалъ: „Бейте же меня, Ваше Высокоблагородiе". Изъ комнаты вышли еще другiе пьяные солдаты и съ угрожающими жестами стали подходить къ капитану.

Онъ скрылся въ свою канцелярiю и заперъ дверь. Они убили бы его, если бы онъ остался.

На другое утро капитанъ пришелъ раньше обыкновеннаго, собралъ всѣхъ солдатъ, сдѣлалъ имъ внушенiе и приказалъ посадить на пять дней подъ арестъ главнаго буяна.

Всѣ солдаты стали громко выражать свое недовольство и дѣлать угрожающiе жесты, хотя всѣ они были трезвыми.

Капитанъ снова ушелъ въ свою канцелярiю. Унтеръ-офицеръ и фельдфебель стали вести переговоры между солдатами и капитаномъ.

Солдаты заявили: „Онъ долженъ отмѣнить арестъ. Мы не потерпимъ, чтобы одинъ изъ товарищей былъ наказанъ за вчерашнее. Въ противномъ случаѣ..."......

Капитанъ отмѣнилъ наказанiе и ушелъ.

Тильзитецъ, спускаясь по лѣстницѣ, ведущей внизъ и на дворъ, вдругъ остановился и, дьявольски улыбаясь, показалъ на стѣну. На стѣнѣ, какъ и во всѣхъ солдатскихъ помѣщенiяхъ висѣла доска, на которой крупными русскими буквами было написано: „Дисциплина прежде всего."

В Ы С Ы Л К А.

Вотъ уже пошла четвертая недѣля, какъ мы находимся въ „арестномъ домѣ". Мы живемъ въ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ и выносить ихъ дольше нѣтъ никакой возможности. Солдаты объяснили намъ, что всякій русскій каторжникъ имѣетъ право разъ въ мѣсяцъ ходить въ баню. Мы принялись энергично требовать того же.

Въ слѣдующій понедѣльникъ насъ дѣйствительно должны выслать, а потому намъ разрѣшили въ теченіе этой послѣдней недѣли сходить въ баню, конечно, подъ конвоемъ городовыхъ.

Тильзитецъ, одинъ изъ владѣльцевъ кинематографа и я выбрали одну изъ знаменитыхъ бань съ сѣрными ваннами въ магометанскомъ кварталѣ. Во-первыхъ баня эта находится далеко и мы снова въ теченіе часа подышемъ свѣжимъ воздухомъ, а во-вторыхъ, мнѣ потому хотѣлось принять сѣрную ванну, что ихъ всегда содержатъ персы и я узнаю отъ нихъ объ отношеніи персовъ къ этой войнѣ.

Мы отправились въ баню, городовые шли въ отдаленіи, чтобы всякій не могъ различить, кто мы такіе.

Какъ странно было снова идти по улицѣ, находиться среди людей, которые не были товарищами по несчастью. Какъ хорошъ былъ воздухъ, хотѣлось все снять съ себя, такъ плохо пахли наши одежды по сравненію съ этимъ свѣжимъ чуднымъ воздухомъ. Каждый изъ насъ несъ свертокъ съ чистымъ бѣльемъ, но его мы, конечно, одѣли послѣ ванны.

Черезъ одинъ изъ переулковъ мы увидѣли Куру и гостиницу Лондонъ. Уже давно тамъ не бывало больше гостей. Всѣ комнаты были заняты унтеръ-офицерами изъ Галиціи, изъ которыхъ въ теченіе шести недѣль должны были быть сдѣланы офицеры. Все это были грубіяны, пьяницы, отъ которыхъ женщины должны были спасаться въ подвалѣ. Положеніе женщинъ въ гостиницѣ становилось все невыносимѣе.

Мы вошли въ татарскій кварталъ, персы, увидя насъ, собрались въ кучки. Они не рѣшались съ нами разговаривать, боясь городовыхъ, но очень почтительно раскланивались съ нами.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ сѣрнымъ источникамъ, запахло тухлыми яйцами. Источники эти подобно бурнымъ ручьямъ стекали съ горъ въ Куру.

Мы выбрали самую большую и лучшую баню. Передъ зданіемъ стояли скамейки, на которыхъ могли сидѣть городовые, въ ожиданіи насъ. Сначала они не соглашались, но мы имъ дали на чай и они насъ отпустили однихъ въ баню.

Мы заняли наилучшій номеръ, все было сдѣлано изъ мозаики, горячая сѣрная вода текла потоками.

Пришелъ массажистъ, великолѣпно сложенный персъ.

Мы раздѣлись. Мы не подумали о томъ, какъ мы выглядимъ и намъ стало стыдно. Всѣ мы были искусаны клопами и блохами. Видъ у насъ былъ ужасный.

У перса вырвалось тихое восклицаніе сострадания и онъ сразу понялъ, что мы плѣнные.

Персъ особенно внимательно отнесся къ каждому изъ насъ и намъ снова стало стыдно. Мы никогда не думали, что человѣкъ можетъ быть такимъ грязнымъ. Вскорѣ, однако, мы всѣ стали походить на новорожденныхъ овечекъ, завернулись въ простыни и легли отдохнуть. Какое это было наслажденіе.

Къ намъ пришли еще два другихъ перса и мы разговорились съ ними. Вскорѣ весь мужской персоналъ бани, исключительно персы, собрались у нашихъ дверей, прислушивались къ разговору и вставляли слова отъ себя. У нихъ сложилось такое мнѣніе о Россіи.

Россія страна безъ Бога, въ противномъ случаѣ она не стала бы воевать съ Германіей. Для чего же обширная Россія, у которой больше земель, чѣмъ ей нужно, ведетъ войну съ маленькой Германіей. Это можетъ лишь сдѣлать народъ, не имѣющій Бога. За это Богъ ее накажетъ. Персы - наши друзья, ихъ сердцу одинаково близко все то, что случается съ нами. Они совѣтуютъ намъ быть спокойными и терпѣливыми, придетъ скоро время, когда они отомстятъ за насъ. Всѣ магометане возстанутъ и будутъ сражаться съ нами противъ русскихъ........

Мы съ удовольствіемъ одѣли чистое бѣлье и пожалѣли лишь, что у насъ нѣтъ чистаго платья.

Персы проводили насъ до выхода, утѣшали и подбадривали насъ. Они дѣйствительно обращаются съ нами, какъ съ друзьями и товарищами по несчастью.

Мы попрощались съ ними, они также почтительно раскланялись съ нами, какъ со своими священниками. Они смотрятъ на насъ, какъ на мучениковъ своего народа.

Мы снова пошли по улицамъ, но безъ прежняго удовольствія. Теперь мы возвращались въ „арестный домъ", настроеніе у насъ измѣнилось. Мы побыли немного на свободѣ и возвращеніе въ „арестный домъ" было еще тяжелѣе.

Наши жены пришли къ намъ днемъ съ радостными лицами. Вчера 250 человѣкъ нѣмцевъ отправили въ Сибирь подъ конвоемъ 80 солдатъ. Когда ихъ вели по городу, то на улицу высыпало все населеніе Тифлиса, чтобы посмотрѣть на это шествіе. Вдругъ, какъ будто по командѣ, всѣ 250 человѣкъ пошли прусскимъ парадным маршемъ. Такимъ образомъ они прошли по всему городу. У русскихъ мурашки забѣгали по спинѣ, такъ не умѣетъ маршировать даже русская гвардія. Эта демонстрація нѣмецкихъ ногъ на русской мостовой была сенсаціей дня.

Капитанъ вышелъ къ намъ и назначилъ унтеръ-офицера и ефрейтора для сопровожденія насъ вмѣстѣ съ полицейскимъ офицеромъ на Уралъ. Онъ назвалъ ихъ имена и удалился. Онъ зналъ, что всякій охотно поѣхалъ бы съ нами и тѣ изъ солдатъ, которые не поѣдутъ, будутъ сердиться и браниться.

Такъ и случилось. Унтеръ-офицеръ, выбранный капитаномъ, былъ однимъ изъ немногихъ солдатъ, которые не любили насъ. Это особенно возмутило солдатъ и они не хотѣли съ этимъ согласиться. Прежде всего стали просить унтеръ-офицера добровольно уступить свое мѣсто другому. Унтеръ-офицеръ язвительно улыбнулся и заявилъ, что поѣдетъ самъ, такъ какъ это приказаніе Его Высокоблагородія, а „дисциплина прежде всего." Послѣ вечерней переклички группа солдатъ вмѣстѣ съ фельдфебелемъ пошли говорить съ капитаномъ, прося его назначить другого унтеръ-офицера. Капитанъ не согласился, онъ, вѣроятно, нарочно назначилъ именно этого унтеръ-офицера. Солдаты стали протестовать и не хотѣли съ этимъ мириться. Наконецъ капитанъ приказалъ бросить жребій

между назначеннымъ имъ унтеръ-офицеромъ и выбраннымъ нашими друзьями. Действительно: дисциплина прежде всего. Наши друзья согласились на такое разрѣшеніе вопроса. Они постараются такъ устроить, чтобы съ нами поѣхалъ выбранный ими унтеръ-офицеръ, а не другой. Бросили жребій и съ нами, конечно, приходится ѣхать расположенному къ намъ унтеръ-офицеру.

Въ субботу днемъ наши жены пришли къ намъ съ блѣдными разстроенными лицами. Оказывается, что вчера изъ тюрьмы увели 23 нѣмцевъ. Впереди шли 80 преступниковъ, а за ними попарно, привязанные другъ къ другу за руку, нѣмцы, причемъ въ свободной рукѣ каждый несъ чайникъ. Такимъ образомъ они шли черезъ весь городъ на вокзалъ. Среди нѣмцевъ были уважаемыя лица, въ лойяльности которыхъ не могло быть никакого сомнѣнія. Имъ не разрѣшили ничего съ собой взять, ни денегъ, ни теплыхъ вещей. Они должы были ѣхать въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ арестовали на улицѣ или въ ресторанѣ вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками въ Сибирь. Изъ 30 градусовъ жары они должны были попасть въ 20 градусовъ холода. Это было возмутительно...

Наступило воскресенье. Для многихъ изъ насъ въ этотъ день представлялся послѣдній случай спокойно провести нѣсколько часовъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Тѣсно прижавшись другъ къ другу на лѣстницѣ сидитъ кучка людей, мужъ жена и дѣти; на дворѣ и у входа такая же группа. Сюда же пришла вдова, единственный семнадцатилѣтній сынъ которой долженъ завтра уѣхать. Онъ до сихъ поръ давалъ уроки и содержалъ мать. Что теперь будетъ со старой женщиной безъ сына...... Къ намъ пришелъ еще армянинъ нотаріусъ, онъ надѣялся уловить удобный моментъ для совершенія нѣкоторыхъ дѣлъ. Онъ уговаривалъ мужей составить завѣщаніе, сообщить свою послѣднюю волю....
Онъ сдѣлалъ блестящія дѣла.....

Наступилъ вечеръ. Какъ тяжело разставаться, вѣдь можетъ быть никогда больше не придется увидѣться, въ Россіи все возможно.

Насталъ понедѣльникъ. Мы узнали, что выѣдемъ вечеромъ. Мы уложили вещи. Корзины съ съѣстными припасами были готовы еще восемь дней тому назадъ, когда насъ обманулъ старшій го-

родовой. Матрацы мы также свернули по дорожному. Каждый изъ насъ имѣлъ еще небольшой чемоданъ для бѣлья, платья и тому подобнаго. Мы рѣшили взять съ собой лишь самое необходимое, но когда мы принесли весь багажъ на дворъ, то оказалось всего 37 мѣстъ. Но это ничего не значитъ. Мы сами должны были платить за билеты и имѣли право по каждому билету провезти два пуда, 32 кило, безплатно....

Полиція привела еще двухъ нѣмцевъ въ „арестный домъ", они будутъ высланы вслѣдъ за нами. Одинъ изъ нихъ - венгерецъ - попалъ сюда изъ тюрьмы, потому что онъ до сихъ поръ отказывался ѣхать на свой счетъ. Въ концѣ концовъ онъ все же согласился, тюрьма обуздала его. Теперь его привели въ арестный домъ....

Выглядитъ этотъ венгерецъ ужасно, отъ него остались лишь кожа да кости.. Какой онъ грязный, какъ онъ искусанъ вшами. Пребываніе въ тюрьмѣ сильно отразилось на немъ. Онъ разсказалъ намъ о житьѣ въ тюрьмѣ. Арестованные нѣмцы лежали тамъ вмѣстѣ съ другими преступиками на сырыхъ каменныхъ плитахъ. Нѣмцы занимали одну половину камеры, а остальные преступники другую. Между двумя половинами, посерединѣ, стояло ведро — отхожее мѣсто. Въ пять часовъ утра происходила перекличка, офицеръ обыкновенно ругался. Днемъ въ грязной посудѣ подавали невозможную пищу, которую пальцами вылавливали изъ котловъ. Вилокъ и ножей не полагалось. Вечеромъ снова дѣлалась перекличка и слышалась брань. Такъ проходили недѣли. Арестованные ничего не видѣли и не слышали. Ихъ все больше и больше заѣдали вши и они дичали. Имъ удалось, наконецъ, уговорить тюремнаго надзирателя, за пять копеекъ, приносить имъ каждый день изъ тюремной канцеляріи листки отрывного календаря. На обратной сторонѣ листка были напечатаны нѣкоторыя замѣтки и краткое описаніе жизни какого-нибудь русскаго святого. Содержаніе этого листка читалось вслухъ, а затѣмъ каждый еще разъ читалъ для себя, иногда и по нѣсколько разъ. Это было единственнымъ чтеніемъ, единственной духовной пищей......

На дворѣ становилось все оживленнѣе, тамъ собирались

дворники съ домовыми книгами, въ которыхъ они искали нѣмецкія фамиліи. Большинство изъ нихъ не умѣетъ читать и писать, а потому работа эта для нихъ не изъ легкихъ. Кто знаетъ, какое опять можетъ выйти недоразумѣніе. Очевидно русскихъ снова побили въ Польшѣ, быть можетъ нѣмцы уже въ Варшавѣ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется новая охота на нѣмцевъ.

Днемъ пришли нѣкоторые изъ нашихъ женъ, по ихъ лицамъ видно, что случилось что-то особенное. Они хотѣли придти прямо на вокзалъ, не заходя больше въ „арестный домъ." Случилось дѣйствительно нѣчто особенное. Вчера вечеромъ и ночью нѣмецкихъ женщинъ вызвали въ участокъ и составили протоколы. Съ этого начали и съ нами, затѣмъ послѣдовалъ арестъ и высылка. Неужели также поступятъ и съ женщинами. Почему же имъ не разрѣшаютъ теперь же ѣхать съ нами. Это было бы слишкомъ гуманно, это не было бы достаточно по русски.

Моя жена позвонила мнѣ по телефону и сообщила, что она вчера была опрошена полицейскими чинами въ присутствіи госпожи РИХТЕРЪ, о чемъ былъ составленъ протоколъ. Госпожа Рихтеръ замѣтила составлявшему протоколъ полицейскому: „Совершенно безполезно составлять протоколъ, такъ какъ эта дама все равно уѣзжаетъ завтра со своимъ мужемъ въ Сибирь. Къ чему же еще этотъ протоколъ." Полицейскій не придалъ этому значенія и продолжалъ свое дѣло. Быть можетъ моей женѣ совсѣмъ не разрѣшатъ ѣхать со мной. Это было бы чисто по русски. Фельдфебель позвонилъ въ полицейское управленіе, чтобы выяснить этотъ вопросъ..... Слава Богу, нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы моя жена поѣхала со мной.....

Вечеромъ на дворъ пріѣхали извозчики. Мы должны ѣхать на вокзалъ на свой счетъ. Русскіе не желаютъ, чтобы мы, подобно тѣмъ 250 нѣмцамъ, устроили манифестацію противъ Россіи, идя параднымъ маршемъ.

Къ намъ явился наконецъ полицейскій офицеръ, который насъ долженъ сопровождать. Онъ не выглядитъ опаснымъ человѣкомъ, скорѣе застѣнчивымъ и замореннымъ. Онъ очень хорошо говоритъ по нѣмецки.

Нашъ багажъ сложили на подводу и отправили на вокзалъ. Ка-

питанъ еще разъ пересчиталъ насъ, мы попрощались съ солдатами, у нѣкоторыхъ слезы стояли на глазахъ. Затѣмъ мы сѣли по четыре человѣка въ экипажъ.

Полицейскій офицеръ сѣлъ вмѣстѣ со мной и сразу же освѣдомился о томъ, спокойные ли мы люди, или среди насъ есть такіе, которые будутъ доставлять ему непріятности. Я успокоилъ его.

На вокзалѣ и на перронѣ собралась половина населенія Тифлиса, чтобы посмотрѣть на насъ. Подвода съ нашими 87 вещами стояла у бокового входа, черезъ который насъ провели. Насъ было всего 19 человѣкъ. Къ намъ присоединилась еще моя жена и старая казачка, экономка одного нѣмца, бывшаго управляющаго Тифлисскимъ трамваемъ, который ѣхалъ тоже вмѣстѣ съ нами. Такимъ образомъ насъ ѣхало всего 21 человѣкъ. Сопровождали насъ полицейскій офицеръ, унтеръ-офицеръ и ефрейторъ.

Полицейскій офицеръ пошелъ съ двумя изъ насъ къ кассѣ и попросилъ выдать ему 21 билетъ до Вятки на Уралѣ. Теперь только мы узнали, куда насъ отправляютъ. Насъ было всего 24 человѣка вмѣстѣ съ солдатами, за которыхъ мы также заплатили. У кассы произошелъ споръ. Тильзитецъ объяснился съ полицейскимъ офицеромъ и послѣднему пришлось, какъ полагается, взять 24 билета. Деньги за свой и за солдатскіе билеты онъ попросту хотѣлъ взять себѣ. Это онъ могъ сдѣлать, когда ѣздилъ одинъ или съ русскими, насъ же ему не обмануть. Полицейскій офицеръ видимо смущенъ и уступаетъ намъ.

На 24 билета мы имѣли право провезти безплатно 48 пудовъ багажа, который мы хотѣли сдать. Намъ отказали въ этомъ, хотя мы полностью заплатили за всѣ билеты. Когда мы начали протестовать, то пришли желѣзнодорожные жандармы и увели насъ отъ кассы на сосѣдній перронъ.

Туда же солдаты принесли намъ багажъ, нѣкоторымъ изъ насъ удалось помочь имъ въ этомъ дѣлѣ....

Жители Тифлиса окружили насъ со всѣхъ сторонъ, яблоку было негдѣ упасть. Вскорѣ мы увидѣли, что къ намъ пробираются нѣмецкія женщины съ дѣтьми.

Одна русская старушка подняла своего внучка, чтобы онъ могъ

насъ видѣть и сказала: „Видишь, это все нѣмецкіе шпіоны, которыхъ теперь утопятъ въ Балтійскомъ морѣ."

Поѣздъ изъ Тифлиса до Баку, расположеннаго на Каспійскомъ морѣ и извѣстнаго своими нефтяными источниками, съ которымъ мы должны были уѣхать, стоялъ давно готовый къ отходу. Онъ состоялъ изъ большихъ, удобныхъ, широкихъ русскихъ вагоновъ. Намъ же вагонъ еще не былъ прицѣпленъ. Мы стояли на перронѣ въ ожиданіи и присматривали за багажемъ, чтобы его не украли, такъ какъ царившая вокругъ насъ сутолока благопріятствовала этому. Въ то же время мы разговаривали съ женами и дѣтьми, какъ будто бы уѣзжали лишь по дѣламъ. Мы не хотѣли еще больше огорчать женъ, имъ и такъ было достаточнф тяжело.

Наконецъ къ поѣзду прицѣпили какой-то ящикъ, въ которомъ, повидимому, мы должны были ѣхать. Мы положительно не вѣрили своимъ глазамъ, ящикъ этотъ совсѣмъ не походилъ на вагонъ, а скорѣе на старый, шаткій, небольшой ящикъ изъ-подъ сигаръ на четырехъ колесахъ. Жены начали плакать.

Мы, мужчины, покраснѣли отъ душившей насъ злобы. Сыроваръ прыгнулъ въ ящикъ и закричалъ оттуда: „Этотъ вагонъ для насъ совсѣмъ не годится, въ немъ слишкомъ мало мѣста для насъ."

Въ эту минуту снова появились милые жандармы и повели насъ въ вагонъ. Мы были такъ возмущены и обозлены, что не могли спокойно разсуждать, когда же намъ пришла мысль забастовать, то было слишкомъ поздно, обѣ двери ящика были уже закрыты. Намъ пришлось пока примириться съ создавшимся положеніемъ. Нашъ ящикъ былъ старымъ скотскимъ вагономъ, въ которомъ для сидѣнья прибили нѣсколько досокъ. Въ крайнемъ случаѣ, въ немъ могли помѣститься 18 человѣкъ, насъ же было 24 человѣка и 87 мѣстъ багажа.... Мы старались не показывать женамъ, каково было наше настроеніе......

Второй звонокъ. Жены и дѣти стараются приблизиться къ вагону, чтобы еще разъ посмотрѣть на насъ или пожать намъ руку. Мы уступили мѣста у оконъ женатымъ......

Третій звонокъ. Поѣздъ началъ медленно двигаться. Только теперь дѣти ясно поняли серьезность минуты и начали плакать. Вдругъ одна маленькая дѣвочка громко крикнула: „Папа. папа."

Вслѣдъ за ней всѣ дѣти стали кричать: „Папа! папа!" Слышался плачъ и крикъ.......

Слава Богу, что мы все это уже пережили, но никто изъ насъ никогда не забудетъ этихъ отчаянныхъ дѣтскихъ возгласовъ. Бѣдныя дѣти, бѣдныя женщины.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ВЯТКУ.

Замолкли крики и плачъ провожавшихъ насъ женъ и дѣтей и въ нашемъ ящикѣ наступила гробовая тишина. Мы должны были придти въ себя.

Суровая дѣйствительность скоро вывела насъ изъ этого оцѣпенѣнія. Мы были, какъ селедки въ бочкѣ. Казачка, моя жена и больные среди насъ сидѣли, а остальные стояли.

Вскорѣ мы привели до нѣкоторой степени въ порядокъ наши вещи, которыя были повсюду разбросаны. Мы сложили ихъ въ передней части вагона, зато другая половина осталась свободной. Оба солдата закрыли заднюю дверь и заявили намъ, что они помѣстятся на площадкѣ, чтобы не отнимать у насъ лишняго мѣста.

Полицейскій офицеръ вскорѣ тоже ушелъ, заперевъ за собой переднюю дверь. Онъ заказалъ себѣ черезъ кондуктора купе второго класса и провелъ ночь со всѣми удобствами. Трое людей, которые должны были окарауливать насъ - преступниковъ — удалились.

Наша молодежь, а ихъ всего было четверо, растянулась между скамейками на грязномъ полу. Пчеловоды и сыроваръ забрались на багажъ и старались тамъ устроиться на ночь. Остальные по очереди сидѣли и стояли.

Нашъ ящикъ, прицѣпленный въ концѣ поѣзда, бросало изъ стороны въ сторону. На наше счастье русскій пассажирскій поѣздъ идетъ не скорѣе нашего товарнаго, а то мы черезъ часъ сошли бы всѣ съ ума.

Мы стояли, сидѣли и смотрѣли другъ на друга......

Постепенно въ нашихъ головахъ созрѣлъ планъ освобожденія. Мы рѣшили такъ: на какой-нибудь большой станціи, въ крайнемъ

случаѣ въ Баку, вагонныя двери откроютъ, мы выйдемъ тогда всѣ изъ вагона, захвативъ съ собой вещи, и откажемся вновь садиться въ него. Пусть русскія власти дѣлаютъ что хотятъ, пусть насъ сажаютъ въ тюрьму, мы ни за что не сядемъ обратно въ этотъ вагонъ. Для болѣе успѣшнаго выполненія нашего плана мы распредѣлили роли....

Мы находились въ полной темнотѣ, луна не свѣтила, освѣщенія не было никакого. У нѣкоторыхъ въ чемоданахъ лежали свѣчи, но было слишкомъ затруднительно найти нужные чемоданы среди этой массы багажа.

Начало свѣтать, солдаты возвратились къ намъ, такъ какъ на площадкѣ стало слишкомъ холодно. Вскорѣ появился и полицейскій офицеръ. Мы не обращали на него никакого вниманія....

Со вчерашняго дня мы ничего не ѣли и сильно проголодались. Солдаты предложили принести намъ на слѣдующей станціи кипятку, который можно было достать на каждомъ русскомъ вокзалѣ. Чайники у насъ съ собой, конечно, были взяты.

Мы остановились на какой-то маленькой станціи, солдаты принесли кипятку. Мы вытащили первую попавшуюся корзину съ провизіей, не было возможности разбирать кому она принадлежала. Моя жена и казачка нарѣзали хлѣба и колбасы, завтракъ былъ готовъ. Мы угостили солдатъ, но не предложили ничего полицейскому офицеру.

День выдался пасмурный, мѣстность, по которой мы проѣзжали, была необыкновенной.

Куда ни взглянешь, всюду видна болотистая степь, грозная, такая же сѣрожелтая, какъ нагруженные товарами верблюды, которыхъ персъ велъ въ Баку. Настоящая пустыня. . . . .

Нашъ берлинецъ, который хорошо зналъ эту мѣстность, шепнулъ намъ, что скоро будетъ большая станція, на которой мы можемъ попытаться устроить забастовку.

Воздухъ въ нашемъ сигарномъ ящикѣ сталъ ужасный, можно было положительно задохнуться, хотя всѣ маленькія окна открыты.

„Откроемъ на слѣдующей станціи немного двери, чтобы основательно провѣтрить вагонъ" предложилъ берлинецъ.

Солдаты согласились съ нимъ.

Мы подъѣхали къ станціи, солдаты услужливо открыли двери, мы стали выходить изъ вагона. Они думали, что мы хотимъ подышать свѣжимъ воздухомъ и пропустили насъ. Полицейскій офицеръ тоже уже вышелъ на свѣжій воздухъ. Прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ замѣтить, мы вытащили изъ вагона весь нашъ багажъ.

Всѣ были поражены. Мы же заявили, что за уплоченныя нами деньги мы требуемъ дать намъ приличный вагонъ и больше въ этотъ ящикъ не сядемъ. Пусть съ нами дѣлаютъ, что хотятъ, пусть сажаютъ въ тюрьму мы не измѣнимъ своего рѣшенія.

Солдаты улыбаются, они въ душѣ согласны съ нами. Полицейскій офицеръ совсѣмъ растерялся.

„Идите къ начальнику станціи и сообщите ему что слѣдуетъ" закричали мы. Онъ убѣжалъ отъ насъ.

Пришелъ начальникъ станціи и началъ ругаться, тоже дѣлали и подошедшіе къ намъ жандармы. Ничто не помогало, мы показали свои билеты и требовали дать намъ приличный вагонъ. Къ намъ стала подходить публика и разспрашивать о томъ, что случилось. Нѣкоторые изъ публики стояли за то, чтобы насъ безъ всякихъ церемоніи убить, другіе въ душѣ соглашались съ нами и уходили.

Намъ угрожали, насъ просили, мы стояли на своемъ. Я не въ первый разъ убѣдился, что въ Россіи настойчивость часто приводитъ къ цѣли.

Намъ дѣйствительно дали другой вагонъ, который, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, выглядѣлъ помѣстительнымъ и походилъ на обыкновенный вагонъ третьяго класса.

Мы наскоро втащили свой багажъ и сѣли сами въ вагонъ. Каждый изъ насъ могъ, наконецъ, сѣсть. Этотъ вагонъ былъ тоже не достаточно помѣстителенъ для насъ, но все же мы чувствовали себя почти что въ раю.

Мѣстность, по которой проходилъ поѣздъ, становилась все фантастичнѣе. Я много путешествовалъ, моя жена еще больше меня, но мы никогда не видѣли ничего подобнаго. Мы проѣзжали по мѣстности, богатой нефтяными источниками, всюду виднѣлись песчаные холмы, нигдѣ ни деревца, ни кустика, ни птицы, ни собаки, вообще никакого животнаго. Изрѣдка виднѣлись лишь одинокіе всадники. Лошадямъ здѣсь приходится очень тяжело, въ особенности когда они поднимаются въ гору.

Почти вплоть до вечера мы ѣхали по такой песчаной мѣстности, но постепенно она стала плодороднѣе. Вскорѣ мы очутились уже по другую сторону Кавказа. Русскіе уже давно предполагали построить желѣзную дорогу между Владикавказомъ и Тифлисомъ, для болѣе прямого сообщенія, но въ Россіи медленно работаютъ, намъ не придется увидѣть этой дороги. Всякій желающій проѣхать изъ Тифлиса въ Россію долженъ, подобно намъ, обогнуть весь Кавказъ. x/

Мы попали, наконецъ, въ Донскую область съ ея обширными полями, засѣянными злаками. Это родина большинства изъ нашихъ друзей солдатъ.

Мы остановились въ Армавирѣ. Солдаты не могли дольше оставаться въ вагонѣ, они вышли на станцію. Ихъ встрѣтили ихъ жены и дѣти. Они привели ихъ къ намъ и познакомили съ нами. Къ намъ въ вагонъ пришли также три молодыя женщины, жена нашего фельдфебеля изъ „арестнаго дома" и ея родственницы. Фельдфебель телеграфировалъ домой, что мы будемъ проѣзжать и вотъ женщины пришли привѣтствовать насъ и принесли намъ фруктовъ и рыбы. Какъ это намъ было пріятно, какъ тронуло насъ.....

Въ пять часовъ утра мы прибыли въ Ростовъ на Дону. Намъ приказали забрать съ собой весь багажъ и выйти изъ вагона. Мы только что немного устроились, а тутъ опять приходится перетаскиваться съ багажемъ.

Въ то время, какъ другіе занялись багажемъ, я, моя жена и тильзитецъ пошли въ буфетъ второго класса, чтобы немного освѣжиться и по возможности помыться, такъ какъ выглядѣли мы ужасно.

Мы помылись, позавтракали и закурили. Какъ пріятно было снова посидѣть въ большомъ помѣщеніи, гдѣ мы не наталкивались при каждомъ движеніи на сосѣда.

Куда же дѣлись другіе.

Вскорѣ къ намъ подошелъ полицейскій офицеръ. У него былъ растерянный и взволнованный видъ, онъ боялся, что мы уже убѣжали. Товарищи наши находились въ коридорѣ на вокзалѣ подъ охраной жандармовъ. Никто изъ нихъ не смѣлъ уйти оттуда. Полицейскій офицеръ просилъ и насъ присоединиться къ нимъ, пока

---

x/Смотри карту центральной Россіи, приложенную въ концѣ книги.

жандармы не замѣтили еще нашего отсутствія. Жандармовъ полицейскій офицеръ все время называлъ „собаками".

Мы тоже попали въ коридоръ. Товарищи наши сидѣли на своихъ сундукахъ и чемоданахъ. Вокругъ насъ все время ходили четыре жандарма.

Всѣ четверо были высокіе, красивые люди, но съ лживымъ и грубымъ выраженіемъ лица. Одинъ изъ нихъ подозвалъ къ себѣ нашего полицейскаго офицера и сталъ бранить его за слишкомъ хорошее обращеніе съ нами. Полицейскій офицеръ не рѣшился что-либо возразить, онъ стоялъ и молчалъ. Затѣмъ жандармъ кивнулъ головой и полицейскій офицеръ снова отошелъ къ намъ. Я попытался разспросить его и прошелся съ нимъ нѣсколько разъ, но сзади насъ все время ходилъ жандармъ и подслушивалъ нашъ разговоръ. Мы стали говорить по нѣмецки, чтобы онъ насъ не понималъ.

Вскорѣ онъ снова подозвалъ къ себѣ офицера и спросилъ его, о чемъ мы говорили и, почему онъ со мной не говоритъ по русски.

Офицеръ объяснилъ ему и снова удалился.

Мы находились какъ разъ въ коридорѣ, по которому проходили всѣ, направлявшіеся къ поѣзду.

Пассажиры останавливались и смотрѣли на насъ съ удивленіемъ, настроеніе ихъ становилось все болѣе враждебнымъ. Для окарауливанія насъ прислали еще двухъ жандармовъ.

Возбужденная толпа ругалась и плевала въ насъ. Жандармы ругали насъ. „Васъ всѣхъ слѣдовало бы убить." сказалъ одинъ - „Васъ надо сначала выпороть, а потомъ повѣсить, это было бы самое правильное" ласково замѣтилъ другой. „Съ вами слишкомъ церемонятся, васъ просто надо утопить, какъ котятъ, вмѣсто того, чтобы перевозить васъ куда то." - „Ахъ вы собаки, пусть душа ваша сгніетъ въ аду." - „Мы слишкомъ добры. Съ вами слѣдовало бы обращаться такъ, какъ вы обращаетесь съ русскими. Убить васъ надо и въ навозъ выкинуть."

Все это продолжалось цѣлый день, такъ какъ въ этомъ коридорѣ насъ продержали съ ранняго утра и до вечера, не разрѣшая ни выйти, ни поѣсть.

Вечеромъ мы должны были въ теченіе получаса идти со своимъ багажемъ по всевозможнымъ путямъ и мимо разныхъ поѣздовъ, пока мы не нашли, наконецъ, предназначеннаго для насъ вагона. Жандармы, ругаясь и проклиная насъ, все время шли вмѣстѣ съ нами.

Мы снова сѣли въ вагонъ и поѣздъ сразу же двинулся. Слава Богу.

Новый вагонъ былъ меньше прежняго, и мы снова не могли сидѣть всѣ одновременно, а лишь по очереди. Этотъ вагонъ предназначался для зимы, двойныя окна въ немъ были закрыты и открыть ихъ было невозможно. Дверь тоже закрыли, такъ что дышать было совершенно нечѣмъ.

Въ пути къ нашему вагону прицѣпили особый вагонъ для жандармскаго полковника , онъ ѣхалъ, какъ князь. На нашемъ же положеніи это обстоятельство скверно отразилось, такъ какъ нашъ полицейскій офицеръ не хотѣлъ больше ничего для насъ дѣлать.

Онъ обѣщалъ намъ при первой возможности разрѣшить пойти на станціи въ буфетъ, чтобы поѣсть чего-нибудь горячаго.

Мы подъѣхали къ какой то большой станціи между Ростовомъ и Москвой. Нашъ полицейскій офицеръ рѣшился послѣдовать за жандармскимъ полковникомъ въ буфетъ. Вслѣдъ за ними отправилась наша обозленная казачка.

Полицейскій офицеръ доложилъ жандармскому полковнику, что везетъ плѣнныхъ и попросилъ разрѣшенія отпустить насъ въ буфетъ, такъ какъ мы со времени выѣзда изъ Тифлиса не ѣли ничего горячаго.

У полковника глаза вылѣзли на лобъ отъ злобы и онъ закричалъ: „Что ты еще придумалъ. Эти собаки, вѣроятно, тебя подкупили, чтобы ты просилъ за нихъ. Пусть они сдохнутъ."

Въ эту минуту къ полковнику подошла наша казачка, разсказывавшая намъ потомъ эту сцену, и ядовито замѣтила: „Я должна сознаться, что вы очень воспитанный господинъ, Ваше Высокоблагородіе. Я удивляюсь только, какъ вы можете произносить такое слово. Стыдно быть русской, когда слышишь подобныя вещи, Ваше Высокоблагородіе."

Жандармскій полковникъ растерялся и не нашелся, что отвѣтить

У полицейскаго офицера сердце совершенно упало въ штаны.

„Не стыдно вамъ, Ваше Высокоблагородіе, не разрѣшить невиннымъ людямъ съѣсть тарелку супа" не унималась наша казачка.

Въ буфете наступила мертвая тишина, всѣ слышали слова казачки. Полковникъ чувствовалъ себя неловко и обратился, наконецъ, къ полицейскому офицеру со словами: „Разрѣши этимъ собакамъ приходить сюда по трое и съѣсть по тарелкѣ супа." Благодаря нашей храброй казачки, намъ въ первый разъ удалось поѣсть горячаго.....

Мы отправились дальше, погода становилась все холоднѣе, показался уже первый снѣгъ. Вскорѣ совсѣмъ перестали топить нашъ вагонъ и мы дрожали отъ холода. Затѣмъ въ теченіе получаса принялись усиленно его топить, такъ что мы вспотѣли. Положеніе наше было ужасное.

Въ Москвѣ лежалъ глубокій снѣгъ. Мы должны были со своимъ багажемъ перебираться на другой вокзалъ.

Холодно ужасно. Мы пріѣхали изъ Тифлиса и очень чувствительны къ холоду. Кромѣ того, мы всѣ истощены и ослабѣли.

Солдаты привели, наконецъ, подводу, на которую мы сложили свой багажъ.

Сами мы, какъ несчастные преступники, должны были идти черезъ Москву по снѣгу вслѣдъ за нагруженной подводой. Мы походили на каторжанъ или бѣдныхъ переселенцевъ въ Америку.

Мы попали, наконецъ, на Сибирскій вокзалъ. Слава Богу, тамъ было пусто, почти не было людей и, что поражало больше всего, не было жандармовъ.

Мы сѣли въ буфетѣ, разбившисѣ на небольшія группы, чтобы не обращать на себя вниманія. Мы стали хитрыми и стараемся себя держать, какъ обыкновенные путешественники. Обманъ нашъ удался, никому не было до насъ никакого дѣла.

На вокзалѣ мы увидѣли первыхъ русскихъ раненыхъ солдатъ и офицеровъ. Солдаты просили у насъ милостыню. Офицеры пили чай и не придавали этому никакого значенія. Бѣдные малые. Наши солдаты стали разговаривать со своими товарищами съ фронта. Бѣдные люди. Какъ ужасно они выглядѣли: голодные, оборванные, нѣкоторые совсѣмъ искалѣчены...... Имъ приходилось просить милостыню, просить у насъ нѣмцевъ.

Мы объяснили полицейскому офицеру, что моя жена добровольно сопровождаетъ меня въ ссылку, а потому должна пользоваться полной свободой дѣйствій. Нашъ поѣздъ уходилъ лишь вечеромъ и моя жена могла закупить для насъ все необходимое.

Съ нашимъ полицейскимъ офицеромъ можно было лишь тогда разговаривать, когда нѣтъ по близости жандармовъ. Онъ понималъ, что за хорошее обращеніе съ нами, онъ получитъ хорошее вознагражденіе.

Мы составили списокъ необходимыхъ вещей, главнымъ образомъ шарфовъ и галошъ и моя жена отправилась въ городъ. Ефрейторъ поѣхалъ вмѣстѣ съ ней, а также нашъ берлинецъ. Нашъ офицеръ не сразу согласился на это, но долженъ же былъ ѣхать кто-нибудь, говорившій по русски и по нѣмецки.

Они вернулись съ покупками черезъ три часа и много разсказали намъ. Ефрейтора больше всего поразилъ лифтъ, котораго онъ до сихъ поръ никогда не видалъ. Жена и берлинецъ сообщили намъ о разоренныхъ нѣмецкихъ магазинахъ. Почти въ каждомъ домѣ въ Москвѣ были устроены лазареты, на улицахъ большею частью попадались раненые солдаты и калѣки. Вообще Москва произвела на нихъ впечатлѣніе одного большого лазарета... Изъ Москвы мы поѣхали въ Вологду, гдѣ уже стояли 20-ти градусные морозы, это, вѣроятно, сибирскіе морозы. Мы пересѣли въ другой поѣздъ.

Въ Вологдѣ мы увидѣли длинный поѣздъ съ австрійскими военноплѣнными. Мы надѣялись встрѣтить соотечественниковъ и пытались заговорить съ солдатами, но они всѣ оказались чехами. Они совсѣмъ не выглядѣли такими довольными, какими они описываются въ русскихъ газетахъ. Они дрожали и посинѣли отъ холода. У нихъ отобрали шинели и на нихъ остались лишь лѣтнія формы. Святая Россія, обѣщающая всѣмъ славянскимъ братьямъ земной рай, повидимому, забыла всѣ свои благія обѣщанія, какъ только забрала въ плѣнъ этихъ братьевъ..... Намъ это было только пріятно.

Въ Вологдѣ въ наше распоряженіе предоставили полтора вагона и мы снова могли лечь отдохнуть. Мы себя почувствовали по княжески.

Каждый устроился по возможности удобнѣе. Полицейскій офицеръ далъ оберъ-кондуктору на чай изъ нашего кармана, чтобы онъ насъ оставилъ однихъ.

Въ три часа ночи насъ разбудили. Намъ приказали очистить вагонъ и вмѣстѣ съ багажемъ размѣститься всѣмъ въ половинѣ вагона. Такъ тѣсно намъ не было даже въ сигарномъ ящикѣ, въ которомъ мы ѣхали отъ Тифлиса до Баку. Ужасъ. Почему. никто не зналъ этого. Покинутый нами вагонъ остался пустымъ. Надъ нами просто издѣвались. Нѣтъ, два жандарма пожелали его занять. Двое цѣлый вагонъ.

Сонъ у насъ совсѣмъ пропалъ. На улицѣ бушевала снѣжная вьюга. Поминутно поѣздъ останавливался вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ...... Такъ продолжалось два дня и двѣ ночи. Двое изъ нашихъ больныхъ стали походить на тѣни. Мы боялись, что они умрутъ у насъ на рукахъ. А мы остальные. Всѣ мы были въ отчаяніи...... Мы не стали бы сопротивляться и сочли бы за спасеніе, если бы пришелъ отрядъ солдатъ и разстрѣлялъ насъ.

СРЕДИ СНѢГОВЪ И ЛЬДОВЪ.

Мы добрались, наконецъ, до мѣста своего назначенія, уѣзднаго города Вятской губерніи. Мы должны были пріѣхать туда въ четыре часа утра, но, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, прибыли лишь въ 10 часовъ.

Снова мы вытащили изъ вагона свой багажъ, надѣясь, что теперь уже въ послѣдній разъ. Холодъ стоялъ ужасный, съ Урала дулъ вѣтеръ и положительно пронизывалъ насъ; было 20 градусовъ холода по Реомюру.

До уѣзднаго города отъ станціи было добрыхъ полчаса ходьбы. Намъ подали три телѣги, на которыя мы сложили свой багажъ.

Телѣги двинулись, мы послѣдовали за ними по колѣно въ снѣгу. Мы походили на бродягъ. Въ теченіе десяти дней и десяти ночей мы не снимали съ себя платья и ни разу не имѣли возможности помыться.

Уѣздный городъ, имѣвшій приблизительно 4000 жителей, лежалъ,

какъ замерзшій. На улицахъ, которыя вездѣ въ Россіи необыкновенно широки, не видно было почти ни души. Люди, попавшіеся намъ навстрѣчу, были похожи на блуждающіе мѣшки, такъ они укутались отъ холода.

Мы остановились передъ уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ. Нашъ полицейскій офицеръ вошелъ туда вмѣстѣ съ двумя солдатами. Мы же должны были стоять на улицѣ и мерзнуть.

Исправникъ, конечно, еще не пришелъ въ канцелярію. Два жандарма ввели насъ въ управленіе.

За столомъ сидѣлъ человѣкъ, который совершенно не походилъ ни на русскаго, ни на полицейскаго. Это былъ нѣмецкій гражданскій плѣнный, которому полиція поручила вѣдать дѣлами военноплѣнныхъ, потому что не была способна къ этому или была слишкомъ лѣнива.

О каждомъ изъ насъ снова составили основательный протоколъ. Составлялъ протоколъ нѣмецъ и это было гораздо пріятнѣе.

Завтра мы должны были получить паспорта, выдаваемые плѣннымъ, а сегодня насъ хотѣли помѣстить въ общей квартирѣ, чтобы затѣмъ отправить въ деревни. Въ деревни!

Мы начали было ворчать и протестовать, но нашъ товарищъ, сидѣвшій за столомъ, далъ намъ понять, чтобы мы пока подчинились.

На улицѣ насъ ожидали нѣмцы, высланные до насъ; они уже освоились здѣсь и хотѣли помочь намъ.

Ко мнѣ подошелъ инженеръ-баварецъ, съ которымъ мы вмѣстѣ жили въ гостиницѣ Лондонъ въ Тифлисѣ въ самомъ началѣ войны. Кто могъ предполагать, что мы снова увидимся.

Съ моей женой заговорила его жена, молодая вѣнка. Они стали просить насъ пойти съ ними.

Мы не имѣли на это разрѣшенія, мы должны были поселиться въ общей квартирѣ.

„Пойдемте пока къ намъ" сказалъ баварецъ. „Не надо обращать вниманія на полицію; если ей что-нибудь понадобится, то она явится сама."

Мы пошли съ ними, такъ какъ сильно промерзли и хотѣли согрѣться.

У нась зубы стучали оть холода, когда мы шли по глубокому снѣгу. Онъ былъ совсѣмъ твердый и видно было, что онъ не скоро здѣсь исчезнетъ.

Какіе здѣсь смѣшные дома, всѣ почти одноэтажные, съ частыми маленькими окнами.

Домъ, въ которомъ жилъ инженеръ со своей женой, лежалъ на горѣ, почти за городомъ, въ концѣ главной улицы.

Какъ намъ пріятно было снова сидѣть въ комнатѣ, а не въ купе, и не съ 20 человѣками вмѣстѣ, а лишь съ двумя. Мы увидѣли накрытый столъ съ тарелками, ножами, вилками, чашками. Какая роскошь.

Мы расположились поудобнѣе и стали понемногу оттаивать, пока хозяйка ставила самоваръ.

Мы поѣли и я хотѣлъ идти искать себѣ комнату, чтобы не стѣснять долѣе своихъ друзей.

Инженеръ отговорилъ меня, увѣряя, что комнаты я такъ скоро не найду, а до тѣхъ поръ мы должны остаться у нихъ.

„Вообще комната намъ не понадобится" замѣтилъ я, „такъ какъ насъ сошлютъ въ деревню."

„Нѣтъ" сказалъ инженеръ. „Вамъ уже 45 лѣтъ и вы имѣете право остаться здѣсь, такъ приказалъ губернаторъ. Мы протелеграфируемъ ему, такъ какъ исправникъ - собака, онъ нарочно сошлетъ васъ въ деревню, чтобы вымогать съ васъ деньги за возвращеніе сюда. Такъ онъ поступилъ со мной и съ другими."

Моя жена сильно кашляетъ и вообще страшно утомлена. Она вскорѣ легла.

Около 3 часовъ дня я пошелъ вмѣстѣ съ баварцемъ въ единственную гостиницу города, чтобы повидаться съ другими нѣмцами. Кормятъ въ гостиницѣ скверно и дорого, но многіе нѣмцы ѣдятъ здѣсь. Нѣкоторые, которые пріѣхали вмѣстѣ съ женами, готовятъ дома.

Мы дали телеграмму губернатору. По дорогѣ на почту мы встрѣтили исправника, „бульдога", какъ его называли нѣмцы за его наружность. Онъ раскланялся съ нами вполнѣ вѣжливо. Я удивился, а мой другъ пояснилъ мнѣ, что исправникъ разбогатѣлъ, благодаря нѣмцамъ. Какъ же ему не быть вѣжливымъ.

Въ деревнѣ жили богатые нѣмцы изъ Лодзи и ея окрестностей, они сняли у исправника дачу. Ежемѣсячно они платили 100 рублей за человѣка, чтобы жить тамъ спокойно вмѣстѣ. Кромѣ того, исправникъ имѣлъ большой домъ, который онъ сдавалъ зажиточнымъ нѣмцамъ. Тамъ они могли спокойно жить, пока они хорошо платили. Онъ ненавидѣлъ лишь нѣмцевъ въ возрастѣ свыше 45 лѣтъ, такъ какъ губернаторъ все равно разрѣшилъ имъ остаться здѣсь и исправнику не за что было вымогать у нихъ деньги. Онъ не любилъ также нѣмцевъ, которые ничего не имѣли; онъ отправлялъ ихъ въ деревни, гдѣ они могли умереть съ голоду. Нѣмцы, которые находили здѣсь работу, отдавали ему половину своего заработка, какъ будто въ пользу Краснаго Креста. Деньги эти, конечно, попадали въ его карманъ. Если война будетъ долго продолжаться, то исправникъ сдѣлается очень богатымъ человѣкомъ..... Выйдя изъ зданія почты, мы прошлись немного и отправились затѣмъ „на засѣданіе генеральнаго штаба."

Каждый вечеръ нѣсколько человѣкъ нѣмцевъ собирались у одного товарища, въ распоряженіи котораго имѣлись двѣ комнаты и большая карта. Сначала здѣсь читались новѣйшія русскія газеты и телеграммы, затѣмъ, съ помощью карты, выяснялось настоящее положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій и намѣчался дальнѣйшій планъ кампаніи.

Всѣ волновались и кричали, видно было, какъ всѣ были озлоблены и старались заглушить внутреннія переживанія грубостью, шумомъ и споромъ. Положеніе наше дѣйствительно было отчаянное. Мы были совершенно отрѣзаны отъ великаго движенія, которое захватило и объединило всю Германію. Мы не переживали того, что занимало сейчасъ всѣ сердца въ Германіи. Забытые мы жили среди снѣговъ и льдовъ. Мы были далеки отъ всѣхъ великихъ событій, отъ этого великаго момента, который здѣсь совершенно не чувствовался, этого уже было достаточно, чтобы потерять разсудокъ.

Первые три дня прошли въ непрестанной борьбѣ между мѣстной полиціей и нами. Мы боролись за разрѣшеніе остаться здѣсь, а не ѣхать дальше въ деревни, гдѣ все было еще хуже, грязнѣе и бѣднѣе.

Черезъ два дня я получилъ отъ губернатора телеграфное

разрѣшеніе остаться здѣсь вмѣстѣ съ моей женой. Другіе телеграфировали одновременно со мной, но все еще не могли получить разрѣшенія.

Всѣ, кто имѣлъ деньги, пытались дѣйствовать подкупомъ. Существовали разные, давно испытанные нашими товарищами, способы подкупа. Самый простой состоялъ въ томъ, чтобы поговорить съ „бульдогомъ" наединѣ и войти съ нимъ въ соглашеніе. Но это былъ самый дорогой способъ, который не могъ себѣ позволить никто изъ нашей партіи. Второй способъ заключался въ томъ, чтобы наняться куда-нибудь работникомъ. Конечно, дѣлалось это лишь для виду, такъ какъ въ дѣйствительности работы зимой нельзя было найти. Отыскивался обыкновенно хозяинъ, который за извѣстную мѣсячную плату выдавалъ искавшему работы нѣмцу нужное свидѣтельство. Половину для виду установленнаго заработка нѣмецъ долженъ былъ сдавать въ полицію въ пользу Краснаго Креста. Больше всего наживались на этомъ чисто русскіе хозяева. Милостивѣе всего къ нѣмцамъ относились хозяева соціалъ-демократы, они питали даже къ намъ втайнѣ симпатію, какъ къ виновникамъ войны, безъ которой не могла бы возникнуть революція.

Всѣ помогали мнѣ и моей женѣ искать квартиру, но сдѣлать это было очень трудно, или цѣна была невозможная, или комната слишкомъ маленькая и испачканная клопами.

Десять ночей мы ночевали у инженера баварца, прежде чѣмъ нашли себѣ квартиру. Далеко за городомъ стояла крестьянская изба, хозяинъ которой хотѣлъ уѣхать, мы могли снять это помѣщеніе. Въ избѣ этой было три комнатки, вѣрнѣе дыры. Комнатки были такъ низки, что изъ окна можно было смотрѣть лишь сидя на полу. Въ деревнѣ не было другой квартиры и намъ пришлось снять эту избу.

Когда хозяинъ выѣхалъ, мы снова осмотрѣли избу. Нѣтъ, жить въ ней было невозможно, такая въ ней была гибель всевозможныхъ насѣкомыхъ, клоповъ, вшей и блохъ. Насъ положительно тошнило при видѣ всего этого. Мы заплатили двадцать рублей „неустойки" крестьянину и снова принялись за поиски квартиры.

Къ намъ явилась вдова попадья. Старая женщина вынесла долгую борьбу между благочестіемъ и жадностью, прежде чѣмъ рѣшилась пустить къ себѣ на квартиру нѣмца, одного изъ этихъ невѣрующихъ собакъ, которые хотятъ уничтожить православную церковь. Жадность все же побѣдила надъ благочестіемъ. Попадья запросила съ насъ 30 рублей въ мѣсяцъ за двѣ комнаты. Русскій, вѣроятно, заплатилъ бы за это же помѣщеніе 5 рублей. Цѣна была очень высокая, но мы не могли дольше стѣснять нашихъ друзей и сняли двѣ комнаты.

Наша столовая была для тамошнихъ условій необыкновенно велика, въ ней стоялъ громадный столъ и даже два мягкихъ стула. Комната эта была рѣдкостью и для осмотра ея нѣмцы устроили настоящее паломничество.

Спальня же наша была очень узкая и тѣсная комната.

Домъ попадьи лежалъ въ сторонѣ отъ города, какъ разъ на берегу замерзшей Вятки и былъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ. Мы были довольны устроиться снова, какъ-будто въ собственной квартирѣ и чувствовать, что живешь опять для себя.... Какое это было наслажденіе...... Мы были очень рады, хотя за это наслажденіе должны были платиться постоянными тяжелыми головными болями и постоянной борьбой съ клопами.

Всѣ эти домики были совершенно похожи одинъ на другой; состояли они изъ четырехъ маленькихъ комнатъ, которыя были расположены вокругъ главнаго центра всего дома, огромной русской печки. Безчисленныя окна, которыя были и въ нашихъ комнатахъ, съ началомъ зимы, т. е. въ сентябрѣ, обыкновенно замазывались герметически закрытыми до мая мѣсяца. Больше полугода свѣжій воздухъ не имѣлъ свободнаго доступа въ домъ. Стѣны въ комнатахъ не доходили до потолка, оставляя промежутокъ, чтобы тепло отъ большой печи распространялось по всей квартирѣ равномѣрно. Слѣдствіемъ этого являлось то, что приходилось наслаждаться всѣми запахами дома. Когда наша попадья варила щи, отъ которыхъ исходила ужасная вонь, то мы должны были хоть носомъ да почувствовать эти щи. Мы постоянно страдали отъ мучительныхъ головныхъ болей, отъ которыхъ можно было спастись лишь на улицѣ, значитъ на 20 - 30 градусномъ

морозѣ. Только русскіе и клопы могли долго выдерживать въ этихъ домахъ.

Мы продолжали такъ жить среди снѣговъ и льдовъ и ждать. Ждать конца войны, конца нашихъ средствъ и возможности все же уѣхать отсюда въ Германію.

Мы были почти единственными, которые не потеряли еще этой надежды. Русскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ изданъ приказъ, согласно которому губернаторы имѣли право выдавать заграничный паспортъ германцамъ въ возрастѣ свыше 45 лѣтъ, если они были внѣ всякаго подозрѣнія. Ни одинъ губернаторъ не сдѣлалъ этого, конечно. Каждый изъ нихъ опредѣленно зналъ, что этотъ приказъ долженъ былъ лишь выставить министерство гуманнымъ въ глазахъ Германіи. Горе было бы тому, кто иначе понялъ бы приказъ. Каждый губернаторъ руководствовался лишь пунктомъ: „если они внѣ всякаго подозрѣнія". Кто же въ Россіи „внѣ всякаго подозрѣнія." Такихъ людей нѣтъ.

Этотъ приказъ, правда, давалъ возможность губернатору, если у него на то имѣлись важныя причины, помочь нѣмцу, прикинуться дуракомъ и выдать заграничный паспортъ. Я зналъ уже объ этомъ приказѣ въ Тифлисѣ и намѣтилъ свой планъ. Вліятельные Тифлисскіе друзья армяне з н а л и мой планъ и обѣщали по возможности способствовать его выполненію. Главной задачей было попасть въ „нужную" губернію и къ „нужному" губернатору, на котораго можно было оказать давленіе. Я же попалъ какъ разъ не въ ту губернію и не могъ имѣть никакого вліянія на Вятскаго губернатора. Кромѣ того, онъ слылъ за одного изъ недоступныхъ людей. Я долженъ былъ значитъ сдѣлать все возможное, чтобы уѣхать изъ этой губерніи и попасть въ „нужную". Какъ я могъ это сдѣлать. Такія вещи не дѣлаются быстро, слѣдовало терпѣливо ожидать благопріятнаго случая.

Пока же намъ приходилось сидѣть среди снѣговъ и льдовъ и ждать..... Дни и ночи казались свинцовыми и безконечными. Какъ скоро обыкновенно проходитъ время, здѣсь же оно невыносимо тянулось, дни казались недѣлями......

Мы какъ то вышли погулять при 25 градусахъ мороза, у жены и у меня началась такая ужасная головная боль, что не было возможности оставаться дома. Снѣгу выпало очень много, но крестьяне все еще прiѣзжали въ городъ на телѣгахъ. Мнѣ объяснили, что дороги, ведущiя изъ деревень въ городъ, такъ испорчены глубокими ямами, что выпавшiй снѣгъ еще не достаточно закрылъ ихъ. Если бы крестьяне попробовали теперь поѣхать на саняхъ, то при первой же большой ямѣ сани эти разлетѣлись бы на нѣсколько частей. Телѣги съ четырьмя небольшими колесами оказывались эластичнѣе и выдерживали скверную дорогу..... Мнѣ хотѣлось бы знать, сколько снѣгу должно еще выпасть, чтобы можно было ѣздить на саняхъ.

Мою жену вызвали въ полицiю и выдали ей такой же паспортъ, какъ и всѣмъ плѣннымъ. Другимъ женщинамъ до сихъ поръ такихъ паспортовъ не выдавали, такъ какъ онѣ не прiѣзжали вмѣстѣ со своими ближними, а послѣ нихъ. Моя же жена прiѣхала съ нами, плѣнными, и получила голубую книжечку, согласно которой каждому русскому запрещалось ей давать, безъ разрѣшенiя полицiи, квартиру, пищу или работу. Подъ угрозой быть застрѣленной, моей женѣ запретили подходить къ мосту черезъ Вятку и входить на него, а также покидать городъ безъ особаго разрѣшенiя полицiи. Всѣ наши возраженiя ничего не помогли. Она должна была взять этотъ паспортъ, подписать квитанцiю и уплатить 2 копейки. Исправникъ получалъ эти книжки даромъ, а приказывалъ ихъ оплачивать. За каждую книжку онъ получалъ двѣ копейки; номеръ моей книжки былъ 1985, такимъ образомъ исправникъ 1985 разъ взялъ по двѣ копейки.

Моя жена предполагала поѣхать въ Вятку къ губернатору, а теперь этого нельзя было сдѣлать. Губернаторъ считался гуманнымъ человѣкомъ, который не желалъ зла нѣмцамъ. Путешествiе теперь приходилось отложить, такъ какъ въ качествѣ плѣнной жена не имѣла права выѣхать изъ города.......

Суббота. На площади у церкви и недалеко отъ вокзала сегодня базаръ. Съ помощью нѣкоторыхъ нѣмцевъ, говорящихъ по русски, мы закупаемъ все необходимое у крестьянъ, которые для продажи прiѣзжаютъ каждую субботу въ уѣздный городъ. Все вре-

мя идетъ снѣгъ и поэтому трудно отличить, что продается, все покрыто снѣгомъ - яйца, куры, телята и вообще все другое. Крестьяне стараются очистить все немного отъ снѣга, чтобы можно было различать предметы. Мы долго торгуемся и споримъ съ продавцами и постепенно закупаемъ запасъ яицъ, мяса и дичи на цѣлую недѣлю.

Время приближалось къ полуночи; наши товарищи, которые играли съ нами въ карты, такъ какъ другого занятія нѣтъ, ушли домой и мы ложились спать, старательно обыскавъ всѣ стѣны, подушки и простыни охотясь на клоповъ.

Вдругъ мы услышали стукъ въ ворота. Стучалъ, вѣроятно, русскій, такъ какъ нѣмцы стучатъ въ окно, русскіе же это дѣлаютъ лишь въ случаѣ пожара. Стукъ все продолжался, но мы не обращали вниманія. Пусть попадья сама открываетъ, если это пришелъ русскій.

Наконецъ, старая прислуга Аграфена слѣзла съ печки, подошла къ двери, но не открыла ее. Между ней и стучавшимъ завязался длинный разговоръ, который становился все громче, такъ какъ Аграфена плохо слышала.

Я прислушался и мнѣ показалось, что кто-то бранился по нѣмецки. Я накинулъ на себя плохо пахнущій бараній тулупъ, за который я заплатилъ тридцать рублей, такъ какъ въ сѣняхъ было очень холодно.

Аграфена, увидѣвъ меня, стала храбрѣе и открыла дверь, передъ которой стоялъ совершенно занесенный снѣгомъ русскій, а сзади него другой человѣкъ, называвшій мою фамилію по нѣмецки.

Я позвалъ жену и мы стали звать къ себѣ въ комнату соотечественника, съ которымъ мы встрѣчались въ Тифлисѣ. Онъ наотрѣзъ отказывался, говоря, что весь покрытъ вшами, и просилъ лишь бросить ему, не подходя близко, что-нибудь изъ старой одежды. Онъ хотѣлъ раздѣться въ клозетѣ, выбросить свою старую одежду на улицу, переодѣться, помыться въ кухнѣ у Аграфены и только тогда придти къ намъ.

„Вы замерзнете въ клозетѣ“ сказалъ я ему.

Онъ зло засмѣялся, такъ какъ привыкъ къ худшему и эта

перспектива его не пугала.

Слава Богу, что у насъ была спиртовка. Моя жена принялась приготовлять котлеты, а я поставилъ самоваръ. Я нашелъ у себя еще немного коньяку, драгоценное сокровище, которое употреблялось лишь при какомъ нибудь заболѣванiи. Я рѣшилъ пожертвовать его гостю. Это былъ одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которыхъ, какъ обыкновенныхъ преступниковъ, вели черезъ весь Тифлисъ.

Моя жена продолжала готовить, я же накрылъ на столъ. Что только пришлось перенести бѣдному человѣку. Какъ онъ добрался до насъ.

Прошло полчаса. Гость нашъ уже отправился на кухню къ Аграфенѣ. Онъ говоритъ по русски и могъ съ ней объясниться.

Я тоже вышелъ на кухню. Мой гость старательно умывался теплой водой, а затѣмъ одѣлъ мою ночную одежду, такъ какъ ничего другого я ему предложить не могъ.

„Что скажетъ ваша жена. Можно ли войти къ вамъ въ такомъ видѣ" безпокоился вновь прибывшiй.

Я взялъ его подъ руку. Онъ страшно стѣснялся. Это былъ образованный молодой человѣкъ.

Я успокоилъ его и сказалъ, что мы рады снова повидаться съ нимъ.

Когда онъ вошелъ въ комнату, то сразу почувствовалъ запахъ жаренаго мяса.

Мы усадили его на одинъ изъ нашихъ парадныхъ стульевъ, который пододвинули къ столу. Онъ хотѣлъ все разсказать, все объяснить, но мы предложили ему сначала поѣсть, для разсказовъ же у насъ еще было достаточно времени впереди.

Онъ принялся за ѣду, уничтожая одну котлету за другой; затѣмъ хлѣбъ и чай съ большимъ количествомъ сахару. Видно было, что онъ сильно изголодался и все не могъ достаточно наѣсться.

„Мнѣ, вѣроятно, нельзя уже больше ѣсть" обратился онъ къ моей женѣ, зная, что она изучала медицину.

Я подалъ ему коньякъ. Онъ просiялъ отъ удовольствiя и выпилъ три рюмки. „Теперь меня не вырветъ" замѣтилъ онъ доволь-

ный. „Я уже началъ опасаться......" Онъ смущенно улыбнулся, видно было, что онъ не зналъ больше, какъ надо себя держать.

Мы закурили.

„Помните тогда въ Тифлисѣ" спросилъ гость.

Мы утвердительно кивнули.

„Эти собаки вели насъ на вокзалѣ привязанными одинъ къ другому. Всѣ знакомые были на улицѣ, чтобы посмотрѣть на насъ. Что я могъ дѣлать. Умолять ихъ. Я смѣялся и весело кивалъ имъ головой, неправда-ли..... Послѣдняя ночь, проведенная въ Тифлисѣ, была ужасной. Насъ перевели въ другую тюрьму и посадили въ одно помѣщенiе съ преступниками, которыхъ должны были сослать вмѣстѣ съ нами. Въ этомъ тѣсномъ помѣщенiи мы, какъ селедки въ бочкѣ, должны были лежать вмѣстѣ съ преступниками на сыромъ каменномъ полу. Никто не могъ повернуться, такъ было тѣсно. Мы должны были лежать на боку, подложивъ подъ голову руку, такъ какъ больше мѣста каждому изъ насъ не полагалось....... А эти преступники. Какъ отъ нихъ воняло и что они только выдѣлывали. По дорогѣ на вокзалъ эти преступники, 80 человѣкъ, шли въ кандалахъ впереди насъ. Какую пыль они поднимали.... Моя жена, вѣроятно, разсказывала вамъ это.... Она была на вокзалѣ.... Ваша жена тоже. Я все отлично помню. Женщины хотѣли мнѣ дать денегъ и теплыя вещи, но этого не разрѣшили..... Въ Баку насъ снова помѣстили въ тюрьму, которая была еще грязнѣе и сырѣе, чѣмъ въ Тифлисѣ. Тамъ мы провели три дня, пока туда не доставили преступниковъ со всей губернiи. Затѣмъ насъ привязали другъ къ другу и повели на вокзалъ. Мы поѣхали въ Ростовъ, гдѣ насъ опять посадили въ тюрьму. Шелъ сильный дождь, несмотря на это насъ заставили до нага раздѣться на тюремномъ дворѣ. Наши вещи тщательно осмотрѣли. Нѣкоторые зашили себѣ въ одежду нѣсколько рублей, когда ихъ находили, то надзиратель просто клалъ ихъ себѣ въ карманъ, если же онъ не находилъ денегъ, то ругалъ насъ чисто русскими ругательствами. Этого себѣ никто не можетъ представить.... Изъ Ростова насъ отправили въ Москву. Погода была очень скверная и мы дрожали отъ

холода. На насъ была лишь лѣтняя одежда. Наконецъ, мы попали въ центральную тюрьму, которая была полна нѣмцевъ. Одинъ разъ ко мнѣ зашелъ товарищъ и передалъ мнѣ потихоньку денегъ. Здѣсь мы пробыли десять дней...." Вдругъ онъ, нашъ гость, вскочилъ, исчезъ на нѣкоторое время, а затѣмъ вернулся съ грязнымъ листкомъ, который онъ мнѣ протянулъ. „Посмотрите, мы должны были платить за ночлегъ въ тюрьмѣ. Десять копеекъ за ночь съ человѣка" сказалъ онъ.

„У васъ не было денегъ, какъ же вы могли платить" спросилъ я.

„Правительство взяло съ нашихъ семействъ по 30 рублей за каждаго изъ насъ для уплаты за нашъ проѣздъ. Развѣ вы этого не знали" спросилъ онъ меня.

Я дѣйствительно не зналъ этого, но находилъ, что это было вполнѣ по русски.

Гость снова принялся разсказывать: „Знаете ли вы, чѣмъ насъ кормили. Какъ мы голодали. По дорогѣ намъ почти ничего не давали ѣсть; въ тюрьмахъ же мы получали обыкновенную пищу преступниковъ. Я лично наполовину русскій, но и мой желудокъ не выдержалъ этой пищи. Я попросилъ давать мнѣ за 25 копеекъ такъ называемую дворянскую пищу....."

Я сдѣлалъ удивленное лицо и гость мнѣ пояснилъ: „Это названіе ведется съ тѣхъ временъ, когда въ тюрьмы за политическія преступленія сажали большею частью дворянъ. Имъ разрѣшали въ этапныхъ тюрьмахъ питаться за свой счетъ, т. е. изъ тюремной кухни имъ давали нѣсколько иную пищу, чѣмъ обыкновенно — это и называлось дворянской пищей. Въ Москвѣ же она была нисколько не лучше обыкновенной пищи...... Изъ Москвы мы отправились черезъ Вологду и Вятку. Куда, я не зналъ. Въ Вяткѣ насъ высадили изъ вагона и мы должны были идти дальше пѣшкомъ. Вечеромъ мы пришли въ Орловъ, гдѣ насъ снова помѣстили въ тюрьму. Въ теченіе трехъ дней мы почти что ничего не ѣли. Двое изъ нашихъ товарищей заболѣли дорогой и умерли....

„Кто же именно" спросилъ я.

Мой собесѣдникъ не могъ сообщить мнѣ ихъ фамилій.

„Жандармы злобствовали, такъ какъ насъ стало на два номера меньше, чѣмъ числилось въ ихъ бумагахъ. Намъ пришлось сдѣлать большую остановку, пока полицейскія власти дали нашимъ жандармамъ свидѣтельство о смерти двоихъ изъ нашихъ товарищей. Дольше мы останавливаться не могли, такъ какъ опять попали бы въ тюрьму."

„А эти двое умершихъ были нѣмцы" спросилъ я.

„Конечно" отвѣтилъ мой гость и продолжалъ: „Въ Орловѣ, въ тюрьмѣ, голодные мы легли на полъ. Голодъ насъ мучилъ. Ночлегъ у насъ былъ даровой - тюрьма. Больше же до насъ никому не было никакого дѣла. Намъ запрещали просить милостыню, но что мы должны были дѣлать, когда были голодны и не имѣли даже ни ножа, ни веревки, чтобы покончить съ собой. Мы просили милостыню и намъ подавали иногда кусокъ хлѣба и яйцо. Все это мы дѣлили между собой."...

Онъ на минуту замолчалъ.

„Мы испытали все же и большую радость. Подумайте только, одинъ разъ утромъ мы проснулись въ тюрьмѣ, разбуженные пѣніемъ. Что же мы услышали. Стражу на Рейнѣ. Кто же пѣлъ. Германцы, только что приведенные въ тюрьму. Мы стали имъ подпѣвать, но какъ слѣдуетъ, увѣряю васъ...... Всѣ мы въ эту минуту забыли и голодъ"...

Онъ снова замолчалъ на нѣкоторое время.

„Однажды утромъ меня вызвали на тюремный дворъ, тамъ меня встрѣтилъ конный жандармъ и приказалъ идти съ нимъ. Жандармъ проводилъ меня въ полицію, гдѣ мнѣ сообщили приказаніе губернатора жить въ городѣ К. Вятской губерніи, о чемъ просила моя мать.... Все это было прекрасно, но какъ мнѣ туда добраться, когда у меня не было денегъ. Полиція заявила мнѣ, что это ее не касается. Это легко говорить, конечно. Исправникъ предложилъ мнѣ идти пѣшкомъ. Отъ Орлова до К. было 80 верстъ, къ тому же 25 градусовъ морозу. Какъ же я выдержу такое путешествіе, я предпочелъ пока остаться въ Орловѣ. Исправникъ же заявилъ мнѣ, что я не смѣю здѣсь оставаться, такъ какъ губернаторъ назначилъ мнѣ другой городъ и я сегодня же долженъ покинуть Орловъ, въ противномъ

случаѣ меня сошлютъ. Что дѣлать. У меня оставалось еще мое золотое обручальное кольцо, на которое уже давно поглядывалъ жандармъ. Я заложилъ у него кольцо за нѣсколько рублей, которые дали мнѣ возможность нанять сани и ѣхать сюда. Когда же я прибылъ въ городъ К., то всѣ дома были закрыты и нигдѣ не было видно свѣта. Наконецъ я увидѣлъ свѣтъ въ вашемъ домѣ и вотъ попалъ къ вамъ."

Закончивъ свой разсказъ мой гость посмотрѣлъ на часы и съ безпокойствомъ спросилъ: „Не лучше ли будетъ, если я сейчасъ же явлюсь въ полицію. Мнѣ въ Орловѣ приказали сейчасъ же это сдѣлать."

Было уже два часа ночи и мы уговорили его отложить это дѣло до утра.

„Будетъ ли это дѣйствительно правильно" переспросилъ онъ.

Намъ удалось его убѣдить, онъ согласился и началъ зѣвать, чего не могъ скрыть. Мы хотѣли уступить ему нашу постель, но онъ заявилъ, что пойдетъ скорѣе снова на улицу, чѣмъ приметъ наше предложеніе. Онъ попросилъ лишь разрѣшенія лечь спать въ столовой на полу.

Въ пять часовъ утра онъ уже снова былъ на ногахъ, такъ какъ привыкъ такъ рано вставать въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Онъ началъ безпокоиться и рѣшилъ непремѣнно сейчасъ же идти въ полицію, боясь, что его накажутъ, снова посадятъ въ тюрьму или еще куда-нибудь сошлютъ.

Никакіе доводы съ моей стороны не помогли, я долженъ былъ съ нимъ пойти въ полицію.

Я замѣтилъ теперь, что онъ сильно измѣнился, сталъ молчаливымъ и пугливымъ. Все это было не такъ замѣтно сразу, когда у него было желаніе высказаться. Въ Тифлисѣ онъ былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ людей, который всегда шутилъ. Я уже давно зналъ его, еще со времени моихъ прежнихъ поѣздокъ въ Тифлисъ.

Вдругъ онъ взялъ меня за руку и шепнулъ мнѣ наухо: „Они всѣ умрутъ съ голоду въ Орловѣ, всѣ."

У насъ у обоихъ потекли слезы изъ глазъ.

СРЕДИ РУССКИХЪ НОВОБРАНЦЕВЪ.

Съ вокзала раздавалось пѣніе, это пѣли новобранцы. Мы нѣмцы гуляли по главной улицѣ, русскіе предпочитали сидѣть по домамъ. Мимо насъ прошелъ отрядъ въ 150 человѣкъ новобранцевъ въ сопровожденіи полицейскихъ. Выглядѣли они довольно оборванными, по нашимъ понятіямъ, конечно.....

Когда мы возвращались домой, то опять встрѣтили отрядъ. Намъ навстрѣчу, по узкому деревянному тротуару, шли шесть человѣкъ. Они близко подошли другъ къ другу и, повидимому, рѣшили не пропускать насъ. Избѣжать съ ними встрѣчи было уже слишкомъ поздно. Моя жена пошла впередъ, я же, держа палку въ рукахъ, составлялъ тыловое прикрытіе. Моя жена не выказала боязни и новобранцы невольно пропустили ее, я послѣдовалъ за ней, но сразу же обернулся, такъ какъ на меня хотѣли напасть сзади. Я размахнулся палкой, новобранцы быстро спрыгнули съ тротуара на дорогу въ снѣгъ. Когда мы уже отошли на далекое разстояніе, то намъ вслѣдъ полетѣли камни, которые намъ, однако, вреда не принесли.....

Каждый день въ городъ прибывали съ пѣніемъ новые отряды новобранцевъ.... Мы стали выходить теперь группами лишь по вечерамъ, когда темнѣло. Новобранцы выходили на улицу днемъ, вечеромъ же сидѣли по домамъ. Эти здоровые люди боялись холода.

Наши жены могли выходить на улицу лишь въ сопровожденіи мужчинъ. Новобранцы были храбрыми, когда встрѣчали однѣхъ женщинъ, видя же ихъ съ мужчинами они смирялись и, въ крайнемъ случаѣ, бросали въ насъ издали камни и ругались. Это намъ не приносило вреда.....

Сегодня, наконецъ, выдался свѣтлый, солнечный день. Всѣ повыходили изъ домовъ, чтобы погулять. Гулять же возможно было только на главной улицѣ, гдѣ снѣгъ сметали съ тротуара.

Даже мѣстные жители вышли погулять, конечно, также и новобранцы. Мы ходили небольшими группами. По нашему адресу слышались злобныя замѣчанія и нѣкоторые полицейскіе начали подстрекать новобранцевъ противъ насъ. Невдалекѣ передъ нами шелъ

мало знакомый намъ нѣмецъ - полякъ со своей женой, которые недавно были сосланы сюда; оба они были слабые люди. Навстрѣчу имъ шла довольно большая группа новобранцевъ. Рядомъ съ ними по дорогѣ на лошади ѣхалъ жандармъ. Онъ началъ подстрекать новобранцевъ противъ нѣмцевъ и говорилъ такъ громко, что мы даже могли разобрать его слова: „Какъ вамъ это нравится. Развѣ вы не видите всѣхъ этихъ нѣмцевъ, нашихъ враговъ, которые убиваютъ у себя дома нашихъ. Не хочется ли и вамъ дать имъ тумака на память. Гдѣ же ваша храбрость братцы.". Новобранцы обступили польскую чету и принялись ихъ бить. Мѣстные жители всѣ разбѣжались. Мы поспѣшили на помощь. Часть новобранцевъ, при видѣ насъ, бросилась бѣжать. Трехъ наиболѣе храбрыхъ мы поймали, окружили ихъ и повели въ полицейское управленіе. Всякое оскорбленіе нѣмцевъ строжайше было запрещено недавнимъ приказомъ губернатора. Вятскій губернаторъ вовсе не былъ гонителемъ нѣмцевъ. Мы хотѣли добиться исполненія приказа, чтобы у новобранцевъ прошло желаніе къ дальнѣйшимъ нападеніямъ. Въ полицейскомъ управленіи сидѣлъ исправникъ и его племянникъ, къ нимъ мы и привели трехъ новобранцевъ. Исправникъ и его племянникъ, видимо, были очень смущены. Они не хотѣли портить отношеній съ новобранцами, а также и съ нами, чтобы продолжать вымогать отъ насъ деньги. Они предложили составить протоколъ. Хорошо. Мы потребовали самаго строгаго наказанія троихъ новобранцевъ, которые напали на двухъ беззащитныхъ нѣмцевъ. У поляка изъ раны на головѣ шла кровъ, а у его жены совершенно опухло лицо, такъ ее били по щекамъ. Въ полицейскомъ управленіи сильно заволновались. Новобранцы воспользовались благопріятнымъ моментомъ и убѣжали; полиція имъ не препятствовала.

Мы не хотѣли уступать въ этотъ разъ, такъ какъ не могли бы тогда больше быть спокойными. Тильзитецъ и берлинецъ были свидѣтелями нападенія и запомнили лица новобранцевъ. Они пошли въ казармы и вернулись скоро съ виновными. Исправникъ старался вывернуться; вся эта исторія ему не нравилась. Архитекторъ, довѣренный нашего маленькаго нѣмецкаго благотворительнаго комитета, заявилъ, что сейчасъ же пошлетъ телеграмму гу-

бернатору и вышелъ изъ полицейскаго управленія. Мы послѣдовали за нимъ. Пусть полиція дѣлаетъ что хочетъ; мы знали имена виновныхъ и рѣшили обратиться къ справедливому губернатору. Черезъ два дня въ городъ прибыла сотня казаковъ изъ Вятки, чтобы возстановить порядокъ. Мы побѣдили, новобранцы теперь не предпримутъ ничего серьезнаго противъ насъ.

Въ домѣ нашего берлинца, который великолѣпно говоритъ по русски, помѣстили казака. Казакъ увидѣлъ на стѣнѣ карту и сказалъ: „Покажи-ка мнѣ, какъ велика Россія."

Берлинецъ показалъ ему Россію на картѣ.

„А гдѣ находится Франція и Англія и какъ онѣ велики" спросилъ казакъ.

Берлинецъ показалъ ему Францію и Англію.

„А гдѣ находится Германія" продолжалъ казакъ.

Берлинецъ прикрылъ Германію пальцемъ.

Казакъ постоялъ нѣкоторое время молча въ раздумьи и закричалъ: „Почему же эта маленькая Германія насъ всѣхъ бьетъ".

На это нашъ берлинецъ ему ничего не отвѣтилъ. Пусть казакъ самъ поищетъ отвѣтъ на это.....

Въ городѣ собралось много новобранцевъ, ихъ было всего нѣсколько тысячъ. Сюда же пріѣхали еще и запасные изъ Сибири. Вновь прибывшихъ помѣстили въ казармахъ близъ вокзала. Городъ сталъ походить на лагерь Валленштейна....

Вскорѣ къ намъ въ К. прибыли еще шестьдесятъ германскихъ матросовъ. Ихъ сняли лѣтомъ съ торговыхъ судовъ на Черномъ морѣ и только теперь, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, они пріѣхали сюда. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ихъ таскали по тюрьмамъ. У нихъ отняли деньги и дали взамѣнъ ихъ квитанціи, за которыя имъ никто не давалъ ѣсть. Теперь они должны были идти 150 верстъ при 20 градусномъ морозѣ въ деревни, имѣя лишь синіе лѣтніе кителя. Всѣ шестьдесятъ они пошли прямо къ исправнику и заявили ему: „У насъ отобрали деньги, за квитанціи намъ ничего не даютъ. Мы не привыкли просить милостыню, а потому даемъ слово германскихъ матросовъ: если черезъ полчаса насъ не накормятъ и не подадутъ для насъ для всѣхъ саней, чтобы ѣхать въ деревни, то мы

подожжемъ городъ со всѣхъ четырехъ сторонъ."

Матросовъ накормили, подали имъ сани и исправникъ сдѣлалъ все, чтобы они остались довольны. Шестьдесятъ человѣкъ безъ оружія остались господами положенія и добились своего въ уѣздномъ городѣ съ 4000 жителей, тысячами новобранцевъ и запасныхъ сотней казаковъ и массой полиціи и жандармовъ. Всѣ поняли, что шестьдесятъ человѣкъ приведутъ свою угрозу въ исполненіе. Это былъ наилучшій способъ для обращенія съ русскими властями, когда они опредѣленно знали, что были неправы. Конвой отказался сопровождать этихъ шестьдесятъ человѣкъ, такъ какъ боялся ихъ. Во всемъ городѣ не нашлось никого, кто-бы захотѣлъ сопровождать матросовъ, всѣ ихъ боялись.

Такимъ образомъ, наши шестьдесятъ матросовъ поѣхали въ указанныя имъ деревни безъ конвоя; явились мѣстной полиціи, какъ слѣдуетъ и съ ними стали обращаться тоже, какъ слѣдуетъ.....

Среди нѣмцевъ все сильнѣе распространялся тифъ, все больше становилось нужды. Мы дѣлали все, что могли; нашъ маленькій благотворительный комитетъ тоже работалъ по мѣрѣ силъ. Для самыхъ бѣдныхъ мы сообща готовили. Мы нанимали общія комнаты для нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы они имѣли хоть пристанище. Всякій, кто могъ, бралъ къ себѣ германца или австрійца и кормилъ его. Мы помѣстили у себя австрійскаго крестьянина изъ окрестностей Львова. Ему было пятьдесятъ лѣтъ, когда-то онъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ и сельскимъ старостой. Теперь же онъ сдѣлался нищимъ; дома у него осталось девять человѣкъ маленькихъ дѣтей. Онъ не зналъ, что съ ними сталось.

Неправда-ли, русское правительство дѣйствительно гуманно. Оно не размѣстило насъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ, какъ это дѣлали съ нѣмцами англичане и французы. О, нѣтъ, оно оставило насъ на свободѣ, не давало намъ скверной пищи, какъ это случалось во французскихъ и англійскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ. О, нѣтъ, оно предпочитало намъ ничего не давать, чѣмъ что-либо плохое..... Кромѣ новобранцевъ, которые до сихъ поръ еще не были обмундированы, запасныхъ и казаковъ, въ городъ каждый день еще прибывали русскіе раненые солдаты съ фронта. Въ большихъ городахъ для нихъ не было больше мѣста, всѣ ла-

зареты были переполнены ранеными, теперь приходилось бѣдныхъ раненыхъ посылать въ Сибирь. Тамъ было достаточно мѣста, Сибирь вѣдь въ 25 разъ больше Германіи.....

Нѣкоторые изъ насъ были женаты на русскихъ. Жены ихъ навѣщали раненыхъ и разсказывали потомъ, что онѣ видѣли и слышали. Раненымъ перевязали раны на поляхъ Польши и Галиціи, а затѣмъ отправили ихъ прямо въ Сибирь, нисколько не заботясь больше о нихъ. Прежде чѣмъ попасть въ здѣшній лазаретъ, раненые были три, четыре недѣли въ пути. Раны у нихъ загноились и имъ пришлось ампутировать руки и ноги. На всю жизнь имъ предстояло остаться несчастными калѣками..... Отъ нихъ же мы узнали, что уходъ за ранеными на фронтѣ былъ ужасный. Они разсказывали, какъ они радовались, когда на полѣ сраженія имъ приходилось лежать съ ранеными нѣмцами. У каждаго нѣмца было все необходимое для перевязки и они охотно помогали русскимъ. У нѣмцевъ была водка съ собой и даже деликатесы, такъ они называли „паекъ". Они часто задавали вопросъ, почему маленькая Германія дѣлаетъ все это для своихъ солдатъ, а великая Россія такъ плохо заботится о нихъ. Все это раненые разсказывали всѣмъ посѣщавшимъ ихъ.... Нѣмцы всюду побѣждали, сообщали они, противъ нихъ совершенно нельзя было сражаться.

Русское правительство дѣлало невозможную глупость, отправляя раненыхъ черезъ все огромное гомударство, такъ какъ изъ ихъ разсказовъ положительно всѣ узнавали правду. Противъ этого недѣйствительна была никакая цензура.....

Одинъ старый русскій унтеръ-офицеръ, которому ампутировали руку, посѣщалъ часто жену одного изъ нашихъ товарищей, бывавшую у него въ лазаретѣ. Мы ему давали папиросы, поили чаемъ и кормили. Объ этомъ бѣдномъ старомъ человѣкѣ никто, кромѣ насъ нѣмцевъ, не заботился. Онъ былъ намъ очень благодаренъ за заботы и сталъ вскорѣ смотрѣть на насъ, какъ на хорошихъ товарищей. Онъ становился все болѣе откровеннымъ и разсказалъ намъ однажды слѣдующее: „Десять лѣтъ тому назадъ я участвовалъ въ походѣ противъ Японіи, но никогда не видалъ ни одного японца, все лишь убитыхъ и раненыхъ русскихъ. Японцевъ я увидалъ лишь по окончаніи войны. Въ настоящую войну

я сражался въ Восточной Пруссіи противъ германцевъ, но никогда не видалъ ни одного германца, все лишь убитыхъ и раненыхъ русскихъ. Однажды на позицію выѣхала артиллерія, личный составъ которой состоялъ изъ японцевъ. Я сказалъ объ этомъ остальнымъ товарищамъ и мы убили ихъ всѣхъ, этихъ собакъ японцевъ, нашихъ враговъ."

О, Россія!

Мы снова собрались на засѣданіе. Всѣ были сильно взволнованы. Подъ Варшавой, несомнѣнно, не все было въ порядкѣ, не было никакого сомнѣнія, что германцы отступали. Отступленіе это, однако, не должно было быть бѣгствомъ, такъ какъ германцы основательно попортили дороги и мосты и русскія газеты подняли отчаянный вопль. Замѣтно было также, что это отступленіе явилось неожиданнымъ для русскихъ и они не уясняли себѣ его причины, дѣлая лишь всевозможныя предположенія. Мы утѣшались тѣмъ, что Гинденбургъ устроитъ имъ ловушку.....

Воскресенье. Сегодня какъ-то особенно долго звонили въ колокола, вѣроятно, случилось что-то особенное, лишь бы это не означало только побѣду русскихъ. Я не могъ дольше оставаться въ нашей герметически закрытой комнатѣ и пошелъ по направленію къ церкви. По дорогѣ я встрѣтилъ нашего друга, инженера баварца, который тоже не могъ спокойно усидѣть дома.

На площади передъ Соборомъ толпилось много народу. Мы услышали громкую команду, люди зашевелились и встали длинными рядами, у нѣкоторыхъ даже были винтовки. Это были новобранцы, т. е. теперь они уже были солдатами и были подсудны военному суду. Тутъ же стояли нѣкоторые запасные съ винтовками.

Что же это все значило. Изъ разговоровъ публики мы поняли, что молодымъ солдатамъ должны были вручить два новыхъ знамени.

Мы остановились и стали смотрѣть. Никто изъ новобранцевъ не былъ какъ слѣдуетъ обмундированъ; у одного была военная фуражка, у другого мѣховая шапка; у одного была военная шинель, у другого ее совсѣмъ не было. Погоны на шиняхъ были совершенно разные, такъ что видно было, что солдаты были изъ различныхъ полковъ. Форменныя рубашки были только у нѣко-

торыхъ запасныхъ, у всѣхъ остальныхъ было одѣто крестьянское платье, походныхъ сапогъ вообще ни у кого не было. Выглядѣло все это очень скверно. Одинъ запасный держалъ винтовку на лѣвомъ плечѣ, другой на правомъ, одинъ держалъ ее въ видѣ тросточки, другой въ видѣ удочки. Ужасъ.

Священники вышли изъ церкви со знаменами. Кто-то сказалъ рѣчь, музыка сыграла національный гимнъ, публика пропѣла его, солдаты же все время кричали ура...... Церемонія должна была скоро кончиться, мы покинули площадь и свернули въ какую-то боковую улицу. Мы говорили между собой по нѣмецки, обмѣниваясь впечатлѣніями, какъ вдругъ за нѣсколько шаговъ передъ нами какая-то старушка упала на колѣни и перекрестилась. Мы не обратили на нее сначала никакого вниманія, пока не замѣтили, что всѣ шедшія намъ навстрѣчу люди становились на колѣни и крестились. Что же это такое. Мы вѣдь не были русскими священниками, чтобы намъ оказывали такіе знаки уваженія. Мы оглянулись и поняли въ чемъ дѣло. Какъ разъ позади насъ шли два солдата со знаменами. Одинъ изъ нихъ держалъ знамя, какъ вилы, другой держалъ его въ видѣ зонтика. Мы отошли въ сторону, а то солдаты могли насъ прибить, замѣтивъ, что передъ знаменами идутъ два плѣнныхъ нѣмца.

Мимо насъ прошли новобранцы, принявшіе присягу. На фуражкѣ у каждаго изъ нихъ былъ значекъ, въ формѣ креста, указывавшій на ихъ солдатское званіе, но фуражки эти были не форменныя. Новобранцы плелись съ блѣдными, худыми лицами, сутуловатыми плечами и горбатыми спинами, воинскаго вида они, право, не имѣли..... Они походили на стадо, которое вели на бойню. Никогда еще баварецъ и я не поняли такъ ясно всего ужаса выраженія: пушечное мясо.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Жена одного нѣмца, русская по происхожденію, поѣхала по его настоянію въ Вятку, чтобы просмотрѣть тамъ списокъ плѣнныхъ. Ея мужъ не сообщилъ ей, какой интересъ представлялъ для насъ этотъ вопросъ, предполагая, что такъ будетъ лучше.

Намъ хотѣлось узнать, кто изъ нѣмцевъ попалъ въ „нужную" губернію и есть ли среди нихъ знакомые изъ Тифлиса.

Въ маленькомъ городкѣ „нужной" губерніи жилъ одинъ нашъ хорошій знакомый. Мы послали ему слѣдующую телеграмму: „Твой двоюродный братъ /за этимъ слѣдовало мое имя/ живетъ здѣсь, онъ узналъ, что ты находишься тамъ и проситъ губернатора разрѣшить ему пріѣхать къ тебѣ. Попроси и ты объ этомъ."

Мы совершенно не были родственниками съ нимъ и онъ, вѣроятно, удивился сначала, получивъ такую телеграмму, но потомъ понялъ, что мы имѣли какія-либо основанія, обращаясь къ нему съ подобной просьбой.

Мы не ошиблись въ нашихъ расчетахъ, судя по полученной нами отвѣтной телеграммѣ. Онъ уже телеграфировалъ своему губернатору, а я послалъ Вятскому губернатору. Бывали и раньше случаи, что губернаторы разрѣшали переѣзжать плѣннымъ къ своимъ родственникамъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ разрѣшеніе переѣхать вмѣстѣ съ моей женой на жительство къ моему двоюродному брату въ Х., въ У. губернію.

Товарищи радовались, что мнѣ удалось это дѣло и всѣ они старались помочь выбраться изъ этой мышеловки. Они предполагали, что черезъ меня въ Германіи, наконецъ, узнаютъ, какъ съ нами обращается русское правительство и германское правительство позаботится объ облегченіи нашей участи.

Наступилъ тяжелый часъ прощанья со всѣми товарищами. Какъ много мы вмѣстѣ пережили, а это такъ сближаетъ. Всѣ хотѣли идти насъ провожать на вокзалъ, но посѣщеніе вокзала нѣмцамъ было запрещено. Товарищи рѣшили сначала все же идти на вокзалъ, но потомъ благоразуміе побѣдило.

Никто не провожалъ насъ на вокзалъ, за исключеніемъ двухъ городовыхъ, которые должны были насъ доставить въ новую губернію.

Процедура въ полицейскомъ управленіи въ городѣ Х. такая же, какъ и въ Вяткѣ. Изъ полицейскаго управленія насъ отвели къ нашему „двоюродному брату", у котораго мы остались жить.

Въ этой губерніи было болѣе рѣзкое теченіе противъ нѣмцевъ. Губернаторъ былъ ненавистникомъ нѣмцевъ; каждый исправникъ въ губерніи зналъ объ этомъ и дѣйствовалъ, принимая во вниманіе это обстоятелство. Выходить на улицу при наступленіи темноты было вообще запрещено. Показываться на улицѣ больше чѣмъ тремъ нѣмцамъ вмѣстѣ тоже было нельзя. Разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ наказывался тюремнымъ заключеніемъ. Лицамъ, не знавшимъ русскаго языка, приходилось молчать. Комнаты нѣмцевъ осматривались постоянно полицiей, производились обыски, но, несмотря на все на это, нѣмцы и здѣсь не давали себя въ обиду, ихъ приспособляемость была дѣйствительно поразительна. Средства здѣшнихъ нѣмцевъ были ограниченнѣе, чѣмъ въ Вяткѣ, но и здѣсь были общія кухни и комнаты для самыхъ бѣдныхъ. Моя жена нашла здѣсь много работы по уходу за больными. Мы организовали даже наблюденіе за нѣмцами, которые подъ вліяніемъ тяжелыхъ испытаній могли покончить жизнь самоубійствомъ. Такихъ бѣдныхъ товарищей съ расшатанными нервами мы ни на минуту не оставляли однихъ. Больше всего безпокойства намъ доставлялъ одинъ художникъ съ Кавказа. Онъ былъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которыхъ привязанными вели по Тифлису и, кромѣ того, вмѣстѣ съ 22 другими онъ побывалъ въ семи русскихъ тюрьмахъ. Всѣ эти испытанія разбили его нравственно и физически.

Въ этомъ уѣздномъ городѣ дѣйствительно не имѣлъ права оставаться никто, кромѣ лицъ, имѣвшихъ 45 лѣтъ отроду, или нашедшихъ здѣсь работу; всѣ остальные давно были отправлены въ деревни и должны были тамъ медленно погибать. Подкупомъ здѣсь ничего нельзя было добиться. Кромѣ нѣмцевъ въ возрастѣ 45 лѣтъ здѣсь остались еще нѣкоторые музыканты, которые составили оркестръ и два раза въ недѣлю давали концерты въ русскомъ клубѣ, но и здѣсь половину своего жалкаго заработка они должны были сдавать въ полицію для Русскаго Краснаго Креста.

Я сразу же, конечно, объяснилъ своему двоюродному брату, въ чемъ состояло мое дѣло. Онъ позвалъ къ себѣ людей, пользовавшихся довѣріемъ, и инструктировалъ ихъ. Всѣ они выразили

полное желаніе помочь мнѣ.

Въ первый же день по моемъ пріѣздѣ я послалъ давно уже составленную телеграмму одному вліятельному армянину въ Тифлисъ. Онъ долженъ былъ обработать соотвѣтствующимъ образомъ губернатора. Я же, когда узналъ, что моя телеграмма въ Тифлисѣ получена, телеграфировалъ губернатору, прося его выдать мнѣ заграничный паспортъ, согласно приказа министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ здѣшнемъ полицейскомъ управленіи тоже работалъ нѣмецъ, который сразу же освѣдомился о наличіи моего паспорта, когда узналъ о моемъ намѣреніи. Нѣмецкіе паспорта очень часто пропадали, а потому очень важно было удостовѣриться въ наличіи паспорта. Русское правительство нуждалось въ паспортахъ, чтобы снабжать ими своихъ шпіоновъ, которые такимъ образомъ легче переходили черезъ границу въ Австрію и въ Германію. Исправникъ долженъ былъ сейчасъ же снять точную копію съ моего паспорта, удостовѣривъ ее своею подписью. Эту засвидѣтельствованную копію вмѣстѣ съ прошеніемъ о выдачѣ мнѣ заграничнаго паспорта я отправилъ губернатору. На прошеніе наклеили гербовую марку и приложили еще квитанцію уѣздной кассы о внесеніи мною платы за заграничный паспортъ. Губернатору все было такъ заготовлено, что у него не должно было быть причинъ медлить съ моимъ дѣломъ.

Прошло восемь дней, а отвѣта отъ губернатора все не было. Жена одного нѣмца, русская по происхожденію, снова поѣхала въ губернскій городъ и упросила сразу же выслать заграничный паспортъ, какъ только послѣдуетъ на то приказъ губернатора.....

Мы сдѣлали все, что было въ человѣческихъ силахъ. Мой паспортъ, германскій паспортъ, исчезъ изъ полицейскаго управленія, но на этотъ разъ онъ не попалъ въ руки русскихъ властей, а въ мой карманъ. Мнѣ вѣдь былъ нуженъ германскій паспортъ, чтобы безпрепятственно попасть въ Германію.

Намъ снова пришлось сидѣть и ждать. Товарищи наши съ каждымъ днемъ становились все нетерпѣливѣе.

Два нѣмца изъ деревени пришли къ намъ какъ-то вечеромъ. Они хотѣли сдѣлать покупки для елки. Они явились делегатами отъ двадцати товарищей, жившихъ въ четырехъ деревняхъ. Они хо-

тѣли украсить одну общую елку, хотя денегъ у нихъ было и очень мало, но безъ елки имъ не хотѣлось оставаться. Они находили второстепеннымъ то обстоятельство, раньше или позднѣе они умрутъ съ голоду.

Будемъ мы ли праздновать здѣсь Рождество, или быть можетъ. ...... Тише, объ этомъ нельзя и думать. Невозможно даже это себѣ представить.....

Однажды очень рано утромъ къ намъ пришли два солдата изъ „арестнаго дома" въ Тифлисѣ. Славные малые они сіяли отъ удовольствія. Откуда они только узнали, что мы съ женой находимся здѣсь.

Они снова привезли сюда двухъ нѣмцевъ съ Кавказа, на этотъ разъ на ихъ долю выпала дѣйствительно трудная задача. Съ однимъ изъ нѣмцевъ, бывшимъ датскимъ выборнымъ консуломъ въ Батумѣ, произошелъ припадокъ сумасшествія. Солдаты разсказали намъ, что пока они спали, нѣмецъ схватилъ винтовку и хотѣлъ заколоть кондуктора. Кондукторъ, конечно, закричалъ, они проснулись и имъ удалось предупредить самое худшее. На слѣдующей станціи кондукторъ сдѣлалъ заявленіе. Къ счастью, станція была такой маленькой, что у жандарма не было времени лично составить протоколъ. Поѣздъ долженъ былъ идти дальше и жандармъ могъ лишь сообщить о случившемся по телеграфу на ближайшую большую станцію. До этой станціи оставалось еще часъ времени. Что дѣлать. Солдаты не должны были спать и за этотъ проступокъ должны были быть преданы военному суду. Прощай тогда жена, дѣти и жизнь. Они стали уговаривать кондуктора, имъ въ этомъ помогалъ и нѣмецъ, пришедшій уже въ себя. Деньги въ этомъ дѣлѣ тоже, конечно, сыграли извѣстную роль. Однимъ словомъ, когда на слѣдующей станціи пришли три жандарма, чтобы арестовать солдатъ и нѣмцевъ, то кондукторъ ничего не зналъ о случившемся. Онъ опровергалъ и отрицалъ все, онъ клялся всѣми святыми, что никто и не пытался обидѣть его.... Жандармамъ пришлось удалиться. Когда же солдаты пріѣхали сюда, то поспѣшили отдѣлаться отъ больного и сдали его въ полицейское управленіе. На столѣ у исправника они увидѣли заграничный паспортъ на мое имя. Такимъ образомъ они

узнали, что я нахожусь здѣсь и хотѣли первые принести мнѣ радостную вѣсть.

Неужели правда, что мой заграничный паспортъ полученъ.

Солдаты подтверждали это, я не могъ долѣе сдерживать себя и поцѣловалъ ихъ.

Вскорѣ ко мнѣ пришелъ „двоюродный братъ" съ другими нѣмцами. Они уже знали о полученіи моего паспорта отъ нѣмца, который занимался въ полицейскомъ управленіи. Я долженъ былъ сейчасъ же пойти къ нему.

Оба солдата тоже пошли съ нами въ полицейское управленіе.

Исправника въ управленіи не было, но я далъ на чай и получилъ паспортъ, самый обыкновенный заграничный паспортъ, на которомъ имѣлась лишь замѣтка о томъ, что мнѣ, германскому подданному, находившемуся въ качествѣ плѣннаго въ У. губерніи, разрѣшается выѣхать изъ Россіи черезъ Петроградъ - Раумо. Это же разрѣшеніе распространялось и на мою жену.

Радостные мы отправились ко мнѣ на квартиру, гдѣ моя жена уже занималась укладкой вещей. Ей хотѣлось уѣхать скорѣй, по возможности даже сегодня. Я воспротивился этому. Я хотѣлъ еще записать желанія товарищей, адреса ихъ родныхъ въ Германіи, чтобы увѣдомить ихъ и тому подобное. Мой „двоюродный братъ" отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что моя жена права и мы должны поспѣшить съ отъѣздомъ.

Моя жена продолжала укладываться, а я съ „двоюроднымъ братомъ" отправился на вокзалъ, находившійся довольно далеко отъ города, чтобы узнать расписаніе поѣздовъ.

Дулъ сильный вѣтеръ съ Урала и бушевала снѣжная вьюга. На вокзалѣ мы узнали, что поѣздъ въ Вятку, который долженъ былъ быть здѣсь въ шесть часовъ утра, все еще не приходилъ и, вѣроятно, придетъ только къ вечеру. Поѣздъ же, который обыкновенно проходилъ вечеромъ, врядъ ли придетъ раньше завтрашняго утра.

Мы вернулись въ городъ и обсудили, какое лучше принять рѣшеніе. Всѣ совѣтовали намъ воспользоваться первымъ же поѣздомъ, боясь, что можетъ послѣдовать отмѣна приказа.

Одинъ изъ нашихъ товарищей снова поѣхалъ на вокзалъ, чтобы тамъ узнать о выходѣ поѣзда съ предыдущей станціи и увѣдомить

насъ объ этомъ.

Къ намъ все время приходили нѣмцы, узнавшіе о нашемъ отъѣздѣ. Товарищи соорудили намъ корзину съ провизіей и купили намъ чаю, сахару и колбасы у нашего друга татарина, имѣвшаго магазинъ колоніальныхъ товаровъ. Татаринъ этотъ - магометанскаго вѣроисповѣданія, былъ родомъ изъ Казанской губерніи и ненавидѣлъ русскихъ. Онъ былъ небольшого роста и слабаго тѣлосложенія, что ему, однако, не помѣшало собственноручно вышвырнуть изъ своего магазина четырехъ русскихъ солдатъ, когда они стали говорить о подвигахъ, которые они намѣревались совершить противъ нѣмцевъ.

Наши соотечественники записали мнѣ адреса своихъ родныхъ въ Германіи. Я обѣщалъ повидать ихъ, если благополучно переберусь черезъ границу, или написать имъ.

Насталъ вечеръ, наша комната была полна нѣмцевъ, каждый хотѣлъ намъ сказать что нибудь или дать адресъ.

„Двоюродный братъ" приготовилъ намъ парадный обѣдъ, чтобы мы только завтра принялись за корзину съ провизіей. Кто знаетъ, быть можетъ ей придется служить намъ довольно долго. При снѣжныхъ заносахъ, вмѣсто трехъ дней ѣзды, мы могли проѣхать недѣлю и больше.

Вскорѣ пріѣхалъ нашъ товарищъ съ вокзала и сообщилъ намъ, что поѣздъ прибудетъ черезъ часъ.

Мы распрощались со всѣми, обѣщали писать и сдѣлать все возможное, чтобы германское правительство повліяло на улучшеніе участи нашихъ товарищей.....

На вокзалъ съ нами поѣхалъ только „двоюродный братъ" и товарищъ, предупредившій насъ о прибытіи поѣзда. Нѣмцамъ здѣсь тоже не разрѣшали бывать на вокзалѣ, но они оба были такъ похожи на русскихъ въ своихъ бараньихъ тулупахъ и мѣховыхъ шапкахъ, кромѣ того, они великолѣпно говорятъ по русски и никто не могъ принять ихъ за нѣмцевъ. Они захотѣли непремѣнно поѣхать съ нами на вокзалъ, чтобы взять билетъ и усадить насъ въ купе перваго класса, гдѣ контроль не такой строгій и ѣхать вообще спокойнѣе.

На вокзалѣ мы увидѣли массу солдатъ, только что подошелъ

воинскій поѣздъ, везущій новое пушечное мясо въ Польшу. Въ суматохѣ никто не обращалъ на насъ вниманія.

„Двоюродный братъ" взялъ билеты, все разспросилъ и отвелъ насъ въ сторону. Онъ совѣтовалъ намъ ѣхать въ воинскомъ поѣздѣ къ которому былъ прицѣпленъ вагонъ для посторонней публики. Воинскій поѣздъ шелъ такъ же скоро, какъ и пассажирскій и если насъ начали бы искать, то, конечно, не въ воинскомъ поѣздѣ.

Мы послѣдовали, конечно, совѣту „двоюроднаго брата", который лучше насъ зналъ русскіе порядки.

Товарищи проводили насъ къ вагону, прицѣпленному къ воинскому поѣзду, задобрили соотвѣтствующимъ образомъ кондуктора и онъ отвелъ намъ маленькое купе перваго класса.

Мы поняли, что теперь намъ слѣдовало быть дерзкими и ничего не бояться.

Мы стояли въ коридорѣ передъ нашимъ купе и разговаривали, вѣрнѣе наши товарищи громко говорили съ нами по русски, хотя мы ихъ довольно плохо понимали. Для насъ было весьма важно, чтобы другіе пассажиры вагона, а въ особенности наши сосѣди по купе русскій офицеръ со своей дамой, отъ которой сильно пахло духами, считали бы насъ за русскихъ и не относились бы къ намъ съ недовѣріемъ. Наши товарищи продолжали говорить, жестикулировать и смѣяться, чисто по русски, пока поѣздъ не тронулся. Съ платформы доносился плачъ женщинъ и дѣтей, провожавшихъ солдатъ. Мы еще разъ пожали руки товарищамъ и они вышли изъ вагона.

Мы закрыли дверь и остались одни. Издали все еще доносился плачъ женщинъ и дѣтей.

Мы осмотрѣлись и увидѣли, что дѣйствительно находимся въ удобномъ купе перваго класса. Мы давно уже не имѣли такихъ удобствъ и все еще не рѣшались расположиться по дорожному.

Кто-то постучалъ въ дверь. Я открылъ дверь, прикидываясь соннымъ и молчаливымъ.

Передъ купе стоялъ главный кондукторъ, проводникъ и офицеръ, контролирующій билеты, я подалъ имъ ихъ, сильно зѣвая. Ахъ только бы они не спросили паспорта.

Какимъ образомъ имъ можетъ придти мысль, что въ воинскомъ

поѣздѣ ѣдутъ германцы. Этого имъ не могло придти въ голову. Главный кондукторъ и проводникъ приложили руку къ козырьку, офицеръ прошелъ дальше. Я закрылъ дверь и мы снова остались одни.

„А М Е Р И К А Н Ц Ы."

Стало свѣтать, наступило утро, изъ окна вагона мы увидѣли, что проѣзжаемъ по желѣзнодорожному мосту черезъ Вятку, составлявшему гордость всей губерніи. Тутъ же виднѣлся тотъ уѣздный городъ, въ который мы были сосланы сначала и гдѣ мы жили у вдовы попадьи. Весь городъ лежалъ покрытый снѣгомъ, а подъ этимъ снѣгомъ наши товарищи нѣмцы. Они мечтали о родинѣ, теперь приближалось Рождество и тоска по родинѣ становилась особенно сильной.

Поѣздъ шелъ все дальше и дальше, но очень медленно подвигался впередъ. На нѣкоторое время онъ останавливался, чтобы набрать новыя силы для борьбы со снѣгомъ.

Куда ни посмотришь, всюду былъ виденъ снѣгъ.

Мы постепенно привыкли быть лишь пассажирами перваго класса.

Кондукторъ и проводникъ относились къ намъ весьма предупредительно. Больше на насъ никто не обращалъ вниманія.

Проводникъ приноситъ намъ кипятокъ, объ этомъ мы могли его попросить по русски, больше же намъ ничего не было нужно, такъ какъ у насъ все имѣлось въ корзинѣ съ провизіей.

Такимъ образомъ мы ѣхали три дня и три ночи.

Главный кондукторъ своевремнно предупредилъ насъ, что слѣдующая станція будетъ Вологда. Поѣздъ этотъ долженъ былъ идти въ Москву, а потому намъ нужно было выйти изъ него, такъ какъ билеты у насъ были взяты до Петрограда.

Вечеромъ поѣздъ пришелъ въ Вологду. Кондукторъ и проводникъ вынесли наши чемоданы и корзину съ провизіей. Я всегда говорилъ, что въ Россіи можно хорошо путешествовать, если не жалѣть рубля.

Мы остались стоять на платформѣ въ Вологдѣ, видя цѣлый рядъ поѣздовъ и не зная, который изъ нихъ идетъ въ Петроградъ.

Я обратился къ первому попавшемуся хорошо одѣтому господину и по французски спросилъ его, какой поѣздъ идетъ въ Петроградъ. Господинъ этотъ пожалъ плечами, онъ не понималъ французскаго языка или не хотѣлъ его понимать. Я отошелъ отъ моей жены, стоявшей съ багажемъ, въ надеждѣ найти кого-нибудь говорящаго по французски. Ко мнѣ приблизились два жандарма, внимательно посматривая на меня. Мою жену обступила публика и забрасывала ее вопросами, на которые она, конечно, не могла отвѣтить. Положеніе становилось критическимъ.

Я обратился къ пожилой дамѣ въ пенснэ, предполагая, что она учительница и быть можетъ говоритъ по французски. Я не ошибся, дама эта оказалась очень любезной и сразу направилась со мной къ моей женѣ, около которой стояли уже два жандарма и ждали меня.

Любезная дама въ пенснэ попыталась заговорить съ моей женой по французски. Я хотѣлъ вывести жену изъ неловкаго положенія и сказалъ дамѣ: „Моя жена, къ сожалѣнію, не говоритъ по французски, она американка по происхожденію."

Я отлично понималъ, что это не основательная причина для объясненія, почему моя жена не говоритъ по французски, есть много американокъ, говорящихъ по французски.

Любезная дама что-то сообразила и сообщила публикѣ и жандармамъ, что мы американцы.

„Американцы". Они вѣдь тоже ненавидѣли нѣмцевъ и считались союзниками Англіи, Россіи и Франціи.

Жители Вологды хотѣли доказать обоимъ американцамъ, какъ Россія любитъ Америку; они хотѣли показать себя съ лучшей стороны. Даже жандармы стали услужливыми и предупредительными. Каждый хотѣлъ нести наши чемоданы, каждый хотѣлъ намъ оказать услугу.

Всѣ обступили любезную даму и просили сообщить имъ о нашихъ желаніяхъ.

Она спросила меня объ этомъ. Я ей отвѣтилъ, что мы хотимъ ѣхать въ Петроградъ, больше намъ ничего не нужно.

Къ намъ подошелъ еще одинъ жандармъ, узналъ въ чемъ дѣло и взялъ нашу корзину съ провизіей. Четвертый жандармъ привелъ

начальника станціи, чтобы онъ сказалъ, какой самый скорый и лучшій поѣздъ въ Петроградъ.

Онъ переговорилъ съ жандармами, послѣдніе взяли багажъ и жену. Я не могъ пойти вмѣстѣ съ ними, такъ какъ долженъ былъ еще распрощаться съ любезной дамой и поблагодарить ее.

Я видѣлъ лишь, что жандармы съ моей женой и багажемъ перешли черезъ путь и исчезли за какимъ-то поѣздомъ.

Любезная дама все еще не отпускала меня, а я очень безпокоился, когда увидѣлъ, что моя жена исчезла съ жандармами, до сихъ поръ это не предвѣщало ничего хорошаго.

Наконецъ я распрощался съ дамой и пошелъ искать мою жену. Въ темнотѣ всѣ пути мнѣ казались одинаковыми, я сталъ звать, но никто не отвѣчалъ мнѣ. Пріятное приключеніе.
Я вошелъ въ ближайшій поѣздъ и спросилъ, не видалъ ли кто нибудь моей жены. Здѣсь уже всѣ знали, что я американецъ. Два офицера встали и стали помогать мнѣ искать. Ко мнѣ подошелъ какой-то господинъ, заявилъ, что онъ говоритъ по французски, по русски, по англійски и по испански, нѣмецкаго языка онъ не назвалъ и просилъ ему сообщить какъ выглядитъ моя жена. Я описалъ ему мою жену и мы снова принялись за поиски. Главный кондукторъ далъ свистокъ и только тогда я узналъ, что этотъ поѣздъ шелъ въ Москву, а не въ Петроградъ и моя жена не могла быть въ немъ. Я выскочилъ изъ поѣзда, русскіе, стоявшіе на платформѣ, стали мнѣ помогать искать.
Я снова увидѣлъ любезную даму и сообщилъ ей, что потерялъ жену. Она позвала жандарма, онъ засмѣялся, сдѣлалъ сочувственный жестъ по поводу происшедшаго недоразумѣнія и повелъ меня по какимъ-то путямъ все дальше отъ платформы. Я сталъ звать, никто не отвѣчалъ мнѣ.

Жандармъ провелъ меня къ поѣзду, стоявшему еще на запасномъ пути. Здѣсь я нашелъ мою жену, которая очень удобно расположилась въ вагонѣ перваго класса. Передъ ней стояли жандармы, предлагали ей папиросы и старались по возможности поддерживать разговоръ. Моя жена пыталась говорить по русски и жандармы были очень довольны и любезны. Они пропустили меня и мнѣ тоже предложили папиросу.

Начальникъ станціи разрѣшилъ намъ сѣсть въ поѣздъ до подачи его къ вокзалу, чтобы мы могли занять хорошія мѣста. Все купе было предоставлено въ наше распоряженіе.

Когда поѣздъ подали на станцію, то жандармы не пускали никого въ наше купе. „Американцы." Достаточно было одного этого слова, чтобы другіе пассажиры проходили дальше и искали бы себѣ другое мѣсто. Жандармы позвали главнаго кондуктора, сказали, кто мы такіе и просили насъ не безпокоить. Публика, стоявшая на платформѣ, желала знать, хорошо ли мы устроились. Не хватало лишь, чтобы въ честь насъ еще прокричали ура.

Второй звонокъ. Жандармы все еще не уходили отъ насъ, видно было, что они чего то ждали. Я понялъ и далъ имъ нѣсколько рублей. Они поблагодарили и распрощались съ нами. Наконецъ-то мы остались одни. Мы упали на подушки и стали смѣяться, какъ уже въ теченіе мѣсяца не смѣялись. Даже геніальный русскій авторъ „Ревизора" не могъ бы придумать лучшей, болѣе сильной и чисто русской комедіи, чѣмъ та, которую мы только что пережили.

Два дня мы ѣхали въ этомъ поѣздѣ. Снѣжный покровъ становился все тоньше и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлась земля.

Отъ начальника станціи въ Вологдѣ мы узнали, что нашъ поѣздъ придетъ въ Петроградъ около семи часовъ утра. На нашъ вопросъ, какъ оттуда можно попасть въ Стокгольмъ, онъ намъ объяснилъ, что единственный путь былъ черезъ Финляндію и Раумо, а далѣе на шведскомъ пароходѣ. Съ Финляндскаго вокзала въ Петроградѣ ежедневно отходилъ одинъ лишь поѣздъ въ 9 часовъ утра. Если мы своевременно пріѣдемъ въ Петроградъ, то намъ тамъ нечего будетъ задерживаться, съ Николаевскаго вокзала мы можемъ прямо проѣхать на Финляндскій.

Къ сожалѣнію, нашъ поѣздъ пришелъ въ Петроградъ лишь въ десять часовъ и мы должны были провести сутки въ городѣ.

Мы оставили нашъ багажъ на вокзалѣ и отправились въ городъ безъ всякихъ вещей. Къ путешественникамъ вообще всѣ относились съ недовѣріемъ, насъ же за таковыхъ никакъ нельзя было принять.

Недалеко отъ вокзала мы сѣли на извозчика и поѣхали въ

американское посольство, которому была поручена защита нѣмцевъ, тамъ мы не надѣялись получить хорошій совѣтъ. Мы хотѣли также попросить въ посольствѣ, чтобы нашимъ соотечественникамъ, жившимъ на Уралѣ, были посланы деньги, въ которыхъ они въ настоящее время крайне нуждались.

Какъ тепло было въ Петроградѣ. Люди, которыхъ мы встрѣчали, повидимому, дрожали, мы же привыкли къ вѣтрамъ съ Урала и намъ погода казалась весенней. На улицахъ лежало очень мало снѣгу.

Намъ пришлось проѣхать черезъ весь городъ, чтобы попасть въ американское посольство. Мы знали городъ, такъ какъ годъ тому назадъ прожили здѣсь нѣсколько недѣль. Намъ особенно бросилось въ глаза незначительное количество военныхъ, какъ будто въ русской столицѣ вообще не было больше солдатъ. Раненыхъ мы тоже почти не видѣли. Вообще мы не замѣтили никакой разницы между прежнимъ Петербургомъ и теперешнимъ Петроградомъ. Въ гастрономическихъ магазинахъ лишь вмѣсто „франкфуртскихъ сосисокъ" появились „португальскія сосиски."

Нашъ извозчикъ остановился у американскаго посольства, мы вышли и велѣли ему насъ подождать.

Швейцаръ обошелся сначала съ нами не совсѣмъ любезно, онъ почувствовалъ въ насъ германцевъ. Моя жена заговорила съ нимъ по англійски, тогда онъ сталъ привѣтливѣе и впустилъ насъ.

Моя жена продолжала говорить съ прислугой по англійски и потому она была по отношенію къ намъ въ высшей степени предупредительной. Когда же мы заявили, что мы германцы, пріѣхавшіе изъ Сибири и желали бы повидать посла, то отношеніе къ намъ сразу же измѣнилось. Лакеи пошептались и провели насъ въ пріемную.

Въ этой комнатѣ стоялъ столъ, три стула и диванъ. На столѣ лежалъ лишь номеръ „Нью-Іоркскаго Герольда", извѣстной анти-германской американской газеты, инспирируемой изъ Парижа. На первой страницѣ была помѣщена дерзкая каррикатура на германскаго императора. Не наглость ли это, посольство, взявшее на себя защиту германцевъ, показывало послѣднимъ такую вещь.

Я сложилъ газету и положилъ ее на менѣе замѣтное мѣсто.

Насъ заставили подождать, мы вѣдь были германцами. Моя жена начала сердиться.

Наконецъ появился чисто выбритый, элегантный юноша съ недовольнымъ лицомъ. Повидимому мы помѣшали ему бездѣльничать.

Онъ остался стоять, желая возможно скорѣе окончить разговор съ нами.

Онъ не предложилъ даже сѣсть моей женѣ. По отношенію къ американкѣ онъ не посмѣлъ бы себя такъ держать; когда же эта американка стала германкой, то онъ относился къ ней невѣжливо.

Мы сѣли и моя жена предложила сѣсть юношѣ.

Больше всего насъ безпокоило положеніе товарищей, оставшихся на Уралѣ. Мы разсказали юношѣ объ ихъ нуждахъ. Юноша намъ заявилъ, что деньги туда посланы.

„Какъ".

„Почтой."

Я язвительно засмѣялся. Неужели онъ не зналъ, что деньги, посланныя такимъ путемъ, не выдавались.

Моя жена спросила его: „Почему же вы не воспользовались другимъ путемъ для пересылки денегъ."

Юноша, продолжая держать себя непривѣтливо, отвѣтилъ: „У насъ нѣтъ другого пути."

Былъ очень простой другой путь. Американскій посолъ могъ напримѣръ посадить этого юношу въ купе перваго класса и отправить его съ деньгами на Уралъ. Для американца это путешествіе было совсѣмъ безопаснымъ и интереснымъ, и посольство тогда дѣйствительно узнало бы нѣчто опредѣленное о „покровительствуемыхъ" ими, но этого, вѣроятно, не желали.

Юноша: „Мы какъ разъ получили письма изъ вашей губерніи, изъ которыхъ видно, что нѣмцамъ тамъ хорошо живется." Онъ даже не моргнулъ глазомъ, говоря это.

Я: „Позвольте предложить вамъ еще только одинъ вопросъ. Вы знаете, конечно, что мы принуждены переночевать въ Петрогр дѣ, можемъ мы это сдѣлать спокойно или отъ насъ могутъ потребовать паспорта и снова задержать."

Юноша: „Если вы хотите только переночевать здѣсь, то вы можете это сдѣлать въ любой гостиницѣ, для этого не требуется предъявленія паспортовъ."

„А отбираютъ ли деньги на границѣ" спросилъ я.

„Насколько намъ извѣстно, каждый человѣкъ можетъ взять с собой 250 рублей" отвѣтилъ онъ.

Если бы мы послѣдовали совѣту этого юноши, то, вѣроятно, сидѣли бы теперь опять въ Сибири. Кромѣ того, при переѣздѣ черезъ границу, каждому пассажиру разрѣшалось имѣть 50, а не 250 рублей. Все что было сверхъ указанной суммы конфисковалось или, проще говоря, отбиралось, при чемъ квитанцій никакихъ не выдавали.

Такимъ неосновательнымъ было американское посольство въ Петроградѣ, которому официально и до сихъ поръ поручена защита нѣмцевъ въ Россіи.

Мы поѣхали сначала въ тѣ гостиницы, гдѣ мы раньше останавливались. Нигдѣ насъ не принимали, даже на одну ночь, какъ только изъ паспорта видѣли, что мы германцы.

Наконецъ мы поѣхали въ одну гостиницу, въ которой мы никогда раньше не останавливались. Одинъ изъ управляющихъ гостиницы былъ швейцаромъ, онъ провелъ насъ въ свою частную контору и объяснилъ намъ, что содержателемъ гостиницы запрещено пускать на ночь нѣмцевъ безъ предъявленія ихъ паспортовъ въ полицію. Если бы онъ разрѣшилъ намъ ночевать, то долженъ былъ бы вечеромъ представить наши паспорта въ полицію и тогда бы мы ни въ коемъ случаѣ не уѣхали бы завтра. При удачѣ намъ пришлось бы въ Петроградѣ пробыть три, четыре недѣли, пока мы не получили бы паспорта обратно. Такъ случилось недавно съ одной дамой. Такое долгое пребываніе въ городѣ стоило очень дорого и для многихъ нѣмцевъ было положительно невозможнымъ. Вѣроятнѣе же всего, въ виду того что мы были сосланы въ Сибирь, меня снова арестовали бы и сослали бы въ другую Сибирскую губернію или посадили бы въ Петропавловскую крѣпость.

Пріятныя перспективы.

„Мы переночуемъ тогда на Финляндскомъ вокзалѣ" сказалъ я.

Швейцарецъ мнѣ объяснилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, такъ какъ на вокзалѣ имѣлись особенно любезные жандармскіе вахмистры, которые понимали нѣмецкій языкъ и, если имъ кто-нибудь казался подозрительнымъ, то они арестовывали его.

Затѣмъ управляющій спросилъ, нѣтъ ли у насъ знакомыхъ среди русскихъ. Въ гостиницѣ онъ не могъ разрѣшить намъ переночевать, частное же лицо могло рискнуть пустить насъ переночевать у себя на квартирѣ.

Я вспомнилъ одного русскаго пріятеля. Въ прошломъ году мы нѣсколько недѣль жили въ его имѣніи близъ Москвы. Тогда онъ былъ искреннимъ другомъ нѣмцевъ, какихъ тогда не мало было среди придворныхъ. Я думалъ, что онъ не захочетъ имѣть непріятностей съ полиціей, но быть можетъ дастъ намъ совѣтъ, укажетъ намъ какой-нибудь выходъ.

Я сказалъ объ этомъ управляющему и онъ предоставилъ въ наше распоряженіе комнату, которую мы должны были непремѣнно покинуть вечеромъ.

Мы согласились на это, такъ какъ могли, наконецъ, принять ванну и переговорить съ нашимъ русскимъ другомъ по телефону.

Мы заплатили за комнату сорокъ марокъ и велѣли доставить нашъ багажъ съ вокзала.

Мы приняли ванну, а затѣмъ заказали обильный завтракъ съ хорошимъ виномъ. Кто знаетъ, придется ли намъ еще разъ такъ хорошо позавтракать.

Я вызвалъ по телефону моего друга. Слава Богу, онъ оказался дома. Онъ не повѣрилъ своимъ ушамъ, когда услыхалъ мое имя. Онъ просто не хотѣлъ вѣрить, а когда говорилъ, то, вѣроятно, поблѣднѣлъ, такъ какъ голосъ его сильно измѣнился. Затѣмъ наступила пауза, страхъ лишилъ его голоса, а быть можетъ онъ сѣлъ прежде чѣмъ продолжать разговоръ. Я не могъ объяснить ему по телефону положенія вещей, предполагая, что онъ самъ догадается. Снова наступила пауза, послѣ которой онъ сказалъ, что скоро пріѣдетъ къ намъ.

Было два часа дня. Мы позавтракали и прилегли отдохнуть.

Пробило три, четыре часа, нашъ другъ все не приходилъ, а мы могли здѣсь оставаться еще только одинъ часъ.

Я всталъ съ прекрасной кровати, на которой можно было бы великолѣпно проспать ночь. Мы уже въ теченіе мѣсяцевъ были лищены такой роскоши. Мы рѣшили оставить здѣсь нашъ багажъ и до утра пробродить по ресторанамъ; если же это намъ не удастся, то насъ снова арестуютъ. . . . Я думалъ, что у насъ не хватитъ нервовъ выдержать вторичную ссылку или что-либо подобное. . . . Прежде всего намъ слѣдовало купить оружіе, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, покончить съ собой.

Моя жена тоже встала и мы стали укладывать мыло и губки.

Кто-то громко постучался къ намъ. Пришелъ нашъ другъ и извинился, что заставилъ себя долго ждать. Годъ тому назадъ мы провели вмѣстѣ съ нимъ веселую ночь въ Петроградскомъ „Акваріумѣ" и выпили на ты. Онъ продолжалъ мнѣ говорить ты, что я счелъ за хорошій признакъ.

Вскорѣ къ намъ постучался и вошелъ дворникъ и по приказанію нашего друга взялъ чемоданы.

„Извини, подожди минуту. Что ты хочешь сдѣлать" спросилъ я.

Нашъ другъ объяснилъ намъ, что разсказалъ все женѣ, кромѣ того, что къ нему долженъ былъ пріѣхать двоюродный братъ изъ Швеціи, но это не могло помѣшать намъ переночевать у него.

„Извини, а другого совѣта ты намъ дать не можешь" снова спросилъ я.

Нашъ русскій другъ становился все безпокойнѣе и заявилъ намъ: „Тебя арестуютъ, если застанутъ здѣсь. Я уже подготовилъ нашего швейцара, что у меня на ночь остановятся двое американцевъ, которые направляются изъ Персіи въ Стокгольмъ. Прислугу я тоже предупредилъ. Все уже устроено."

„А вдругъ все откроется. Тебѣ будутъ большія непріятности," возразилъ я.

„Авось все обойдется благополучно, торопитесь только," успокоилъ онъ меня.

Я искренно сопротивлялся, такъ какъ не хотѣлъ другихъ людей дѣлать несчастными. Другъ мой подтвердилъ мнѣ исторію о любезныхъ жандармскихъ вахмистрахъ и увѣрилъ меня, что мое дѣло будетъ проиграно, если полиція увидитъ мой паспортъ.

Чемоданы наши вынесли по черной лѣстницѣ, дали извозчику адресъ и онъ повезъ вещи.

Мы спустились внизъ по главной лѣстницѣ. Въ вестибюлѣ нашъ другъ встрѣтилъ своего знакомаго, который не отпускалъ его. Ему пришлось насъ представить, какъ американцевъ. Русскій былъ въ восторгѣ и сталъ настаивать, чтобы мы хоть на полчаса еще остались въ гостиницѣ. Было время пятичасового чая, самаго интереснаго въ Петроградѣ и съ наилучшей музыкой. Весь Петроградъ собирался въ это время сюда и насъ уговорили присутствовать при этомъ.

Мы провели удивительные полчаса. Мы слышали легкую музыку, видѣли красивыхъ женщинъ, элегантныхъ мужчинъ, но очень мало офицеровъ. Всѣ здѣсь флиртовали, смѣялись, шутили. Мы не понимали, видѣли мы все это во снѣ или наяву. Ничто не напоминало о войнѣ, никто не говорилъ о ней. Посерединѣ зала танцевали артисты..... Никто и не думалъ о войнѣ.

Когда мы освободились, то на улицѣ было уже темно. Мы взяли извозчика и поѣхали прокатиться, чтобы перевести духъ и успокоиться немного.

Въ швейцарской новаго дома со всѣми современными удобствами, гдѣ жилъ нашъ другъ, стоялъ уже швейцаръ, старый человѣкъ и, конечно, какъ всякій швейцаръ, полицейскій сыщикъ.

„Это американцы, мои старые друзья", пояснилъ нашъ другъ, „къ сожалѣнію, они завтра рано утромъ должны уже ѣхать въ Стокгольмъ. Я ручаюсь за нихъ и думаю, что нѣтъ необходимости отдавать вамъ паспорта на одну ночь." Швейцаръ пробурчалъ что-то непонятное. Снова наступилъ критическій моментъ. Мальчикъ, прислуживавшій при лифтѣ, сталъ внимательно оглядывать насъ.

„Подымайтесь въ лифтѣ", сказалъ намъ нашъ другъ, „я тоже сейчасъ буду дома."

Мы поднялись наверхъ. Нашъ другъ далъ, вѣроятно, швейцару соотвѣтствующую сумму на чай.

Лакей открылъ намъ дверь и провелъ насъ въ гостиную. Снова наступилъ томительный моментъ; мы отлично понимали, какой опасности подвергался нашъ другъ, но было уже поздно что-

либо измѣнять. Нашъ другъ, найдя насъ однихъ, удивился, что его жена еще не вышла къ намъ.

Гость изъ Швеціи тоже пріѣхалъ, поэтому хозяйка и задержалась. Нашъ другъ привелъ жену и двоюроднаго брата.

Мы не знали, освѣдомленъ ли о насъ двоюродный братъ и попали опять въ неловкое положеніе.

Нашъ другъ разсказалъ все о насъ двоюродному брату, старому, ловкому шведскому дипломату.

Ледъ былъ, наконецъ, сломанъ.

„За обѣдомъ прошу не забывать, что вы американцы, пріѣхавшіе изъ Персіи. Лакей говоритъ по нѣмецки", предупредилъ насъ хозяинъ.

За столомъ я разсказалъ о моемъ американскомъ приключеніи въ Вологдѣ, а затѣмъ мы заговорили о Персіи, о которой я зналъ все же больше лакея.

Обѣдъ прошелъ благополучно и мы перешли въ кабинетъ хозяина дома, гдѣ намъ никто не могъ помѣшать.

Въ честь насъ подали рейнское вино, много рейнскаго вина, очень много рейнскаго вина. Всѣ мы трое оказались любителями этого вина.

Дамы ушли, моя жена хотѣла прилечь.

„Я думаю, что лакей узналъ насъ, онъ вспомнилъ, вѣроятно, что видѣлъ насъ у тебя въ имѣніи прошлымъ лѣтомъ", замѣтилъ я.

Хозяинъ дома успокоилъ меня, увѣряя, что лакей будетъ молчать. Разговоръ нашъ перешелъ на политическія темы. Мой другъ бранилъ германскую дипломатію, считая ее виновницей всего несчастья. „Ваши военачальники должны теперь исправлять ошибки, хотя я опасаюсь, что они тоже долго не выдержатъ. Третьяго дня я получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что мы взяли въ плѣнъ шестьдесятъ тысячъ германцевъ", сказалъ онъ.

Двоюродный братъ изъ Швеціи помолчалъ минуту, затѣмъ громко разсмѣялся и сказалъ: „Все это совершенно неправильно, германцы взяли въ плѣнъ шестьдесятъ тысячъ русскихъ. Ты долженъ былъ бы уже привыкнуть къ тому, что до васъ доходятъ все превратныя свѣдѣнія."

Мой бѣдный другъ былъ совсѣмъ смущенъ, но двоюродный братъ изъ Швецiи былъ уважаемымъ и освѣдомленнымъ человѣкомъ, съ заявленiемъ котораго приходилось считаться.

Я не могъ вести разговора на военныя темы, такъ какъ находился въ гостяхъ у русскаго, но мнѣ хотѣлось узнать, какъ о насъ думаютъ въ Швецiи.

Двоюродный братъ не хотѣлъ сначала объ этомъ говорить, а потомъ замѣтилъ: „Откровенно и между нами говоря, я солгалъ бы, если бы сталъ увѣрять, что мы шведы особенно любили до сихъ поръ германцевъ, теперь же мы ихъ очень уважаемъ."

Мы цѣлую ночь пили вино и разговаривали, стараясь обходить вопросы на скользкiя темы.

Рано утромъ нашъ другъ отвезъ насъ на Финляндскiй вокзалъ, взялъ намъ билеты и посадилъ насъ въ вагонъ второго класса, въ которомъ было много высланныхъ нѣмцевъ, большею частью женщинъ и дѣтей.

„Я думаю, что вамъ и впредь посчастливится," замѣтилъ облегченно нашъ другъ, „поѣздъ переполненъ нѣмцами, высланными изъ Лодзи и Риги. Въ общемъ русской полицiи придется просмотрѣть, по меньшей мѣрѣ, сто паспортовъ, а это для нея слишкомъ много. Она просмотритъ внимательно лишь двадцать паспортовъ, такъ что на вашъ паспортъ не обратитъ особаго вниманiя."

Мы еще разъ пожали другъ другу руки, нашъ другъ ушелъ. Дай Богъ, чтобы ему не пришлось пострадать за свое доброе дѣло.

ПУТЕШЕСТВIЕ ЧЕРЕЗЪ ФИНЛЯНДIЮ.

Вагонъ второго класса, въ которомъ мы ѣхали, былъ не русскiй, а финскiй и, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ старыхъ и негодныхъ. Обставленъ онъ былъ весьма примитивно; для отопленiя вагона служила небольшая печка, которую еще не топили, хотя на улицѣ былъ морозъ. Намъ пришлось познакомиться еще съ одной новостью на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, а именно съ тѣмъ, что всѣ окна были замазаны сѣрой масляной краской, такъ что ничего не было видно.

Обѣ двери вагона были закрыты; единственнымъ зрѣлищемъ, ко-

торое намъ разрѣшала Россія, былъ жандармъ, окарауливавшій насъ.

Мы медленно ѣхали дальше, не зная куда. Лошади съ завязанными глазами чувствуютъ себя, вѣроятно, подобнымъ же образомъ.

Разговоровъ почти что не было слышно, женщины занялись дѣтьми. Нѣкоторые пожилые мужчины, имѣвшіе за пятьдесятъ лѣтъ, тихо разговаривали между собою и внимательно посматривали на меня. Всѣ находились въ удрученномъ состояніи.

Такъ мы ѣхали въ теченіе двухъ часовъ, поѣздъ часто останавливался, но мы не знали причины.

Черезъ нѣкоторое время двери открылись, вошли полицейскіе и носильщики. Полицейскіе отобрали паспорта, а носильщики взяли наши чемоданы. Всѣ мы должны были выйти изъ вагона, женщинъ и дѣтей отвели въ одно помѣщеніе, а мужчинъ съ чемоданами въ другое.

Нашъ багажъ очень тщательно и внимательно осматривали. У одного конфисковали газету, у другого словарь, та же участь постигла мой путеводитель по Россіи. Всѣ вещи изъ чемодановъ вынимались по одной, развертывались, ощупывались и осматривались. Всѣ листки бумаги и визитныя карточки были конфискованы.

Затѣмъ мы встали врядъ и полиція зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы мы стояли на своихъ мѣстахъ. Открылась дверь и одинъ изъ насъ вошелъ въ нее. Предстоялъ личный досмотръ.

Очередь дошла до меня; въ комнатѣ для досмотра было три полицейскихъ чиновника и какой то человѣкъ безъ формы; кромѣ того, стоялъ столъ и стулъ.

Мнѣ приказали подойти къ столу и вынуть все изъ кармановъ. Я положилъ на столъ ножъ, ключи, карандаши, записныя книжки, визитныя карточки съ адресами родственниковъ моихъ сибирскихъ товарищей. Человѣкъ безъ формы снялъ съ меня пальто и внимательно осмотрѣлъ его. Затѣмъ меня заставили снять пиджакъ, жилетку, брюки, затѣмъ сапоги и носки. Подошвы сапогъ и носки тоже были осмотрѣны. Послѣ этого мнѣ снова разрѣшили одѣться и еще разъ ощупали меня, какъ скотину при про-

дажѣ. Содержимое моего кошелька и бумажника тоже выложили на столъ. Мнѣ выдали лишь пятьдесятъ рублей, удержавъ все остальное.

Я попросилъ выдать мнѣ квитанцію, но чиновники сдѣлали видъ, что не поняли меня. Они, конечно, говорили по нѣмецки, по крайней мѣрѣ хоть одинъ изъ нихъ. Я повторилъ мою просьбу по французски. Тогда одинъ изъ чиновниковъ закричалъ мнѣ: „Квитанціи не выдаются. Деньги ты получишь тогда, когда Германія заплатитъ военныя издержки. Пока же деньги останутся у насъ для покрытія военныхъ расходовъ. Заплатить издержки вы будете не въ состояніи, такъ что денегъ ты больше не увидишь."

Я хотѣлъ взять со стола записныя книжки, въ которыхъ, конечно, давно уже не было никакихъ интересныхъ замѣтокъ, и визитныя карточки, но мнѣ не разрѣшили этого.

Я сталъ протестовать. Человѣкъ безъ формы взялъ меня за руку, полицейскій чиновникъ закричалъ: „Пошелъ," и я очутился въ другомъ помѣщеніи.

Съ моей женой поступили такимъ же образомъ въ помѣщеніи для досмотра женщинъ.

Къ счастью, у насъ двоихъ оказалось такимъ образомъ сто рублей, какъ разъ двѣсти марокъ, чтобы доѣхать до Германіи. Всѣ остальныя деньги русскія власти попросту украли у насъ.

У насъ было достаточно времени, чтобы пойти въ буфетъ и поѣсть.

Поѣздъ уходилъ лишь вечеромъ; до отхода мы могли сидѣть въ ресторанѣ или гулять по платформѣ.

Наконецъ насъ снова усадили въ поѣздъ, закрыли двери и поѣздъ двинулся дальше.

„Эти чиновники просто мошенники, разбойники и воры", сказалъ я.

Сначала вокругъ меня наступила тишина, а затѣмъ какой-то господинъ на рейнскомъ діалектѣ предложилъ: „Не будемъ лучше вести подобныхъ разговоровъ."

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ полный господинъ съ кольцами на

пальцахъ и брилліантовыми запонками въ рубашкѣ. Это былъ, вѣроятно, какой-нибудь коммерціи - совѣтникъ. Онъ одобрительно закивалъ головой по поводу словъ, произнесенныхъ его сосѣдомъ.

„Господа, вѣроятно, боятся жандарма", спросилъ я.

„Нужно быть очень осторожными" заявилъ полный господинъ и предложилъ сыграть въ карты. Освѣщеніе въ вагонѣ было весьма скудное, но, при желаніи, все же можно было играть.

Я съ благодарностью отклонилъ это предложеніе, меня сердила эта трусость, мои прежніе товарищи ее не знали. Эти пожилые мужчины только недавно были выселены изъ Риги и Лодзи, они никогда не были сосланы, поэтому они и боялись всего мы же давно уже не знали больше чувства боязни. Чего намъ было еще бояться. Кромѣ висѣлицы мы приблизительно испытали все, что Россія могла предложить своимъ врагамъ.

Лампа совсѣмъ погасла, печку не топили. Стало холодно и темно. Дѣти засыпали въ слезахъ, нѣкоторыя дамы храпѣли. Одна пожилая дама тщетно пыталась разжечь печку, чтобы она обогрѣла вагонъ.

Послѣ двухъ часовъ пути поѣздъ остановился. Мы почувствовали сильный толчекъ, дѣти съ крикомъ проснулись, чемоданы попадали со своихъ мѣстъ. Снова толчекъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, насъ прицѣпили къ другому поѣзду..... Почему, куда, мы конечно не знали.

Обыкновенно отъ Петрограда до Раумо поѣздъ шелъ шестнадцать часовъ, мы же ѣхали шестьдесятъ часовъ. Мы заплатили за билеты вторго класса въ пассажирскомъ поѣздѣ, на самомъ же дѣлѣ вагоны наши прицѣпляли къ товарнымъ поѣздамъ.

Каждый разъ мы чувствовали сильные толчки, вещи наши летѣли въ разныя стороны. Съ нами въ высшей степени любезно обращались и въ теченіе шестидесяти часовъ намъ только одинъ разъ дали обѣдъ въ поѣздѣ; въ остальное же время мы питались тѣмъ, что имѣли съ собой. Особенно плохо приходилось, конечно, дѣтямъ, для которыхъ не было ни теплой воды, ни теплаго молока.

Полный господинъ оказался дѣйствительно коммерціи - совѣтни-

комъ, у него была фабрика въ Лодзи и родственники, двоюродные братья и сестры среди русскихъ. Онъ, видимо, больше боялся за свою фабрику, чѣмъ за Германію. Господинъ изъ Риги испытывалъ то же самое. Оба они боялись за свое имущество, оставшееся въ Россіи, и за своихъ русскихъ родственниковъ. Однимъ словомъ они сильно обрусѣли и, если бы русскіе ихъ не выселили, то ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ бы поѣхать въ Германію. Изъ боязни за свои фабрики и за своихъ двоюродныхъ братьевъ, оставшихся въ Россіи, эти господа, конечно, не заявятъ германскимъ властямъ, что германцамъ скверно живется въ Россіи.

Хорошіе германцы.

Русскаго жандарма въ нашемъ вагонѣ смѣнилъ финскій. На немъ была одѣта та же форма, но человѣкъ онъ былъ совсѣмъ иной и относился къ намъ дружелюбно и предупредительно. Онъ даже самъ принялся растапливать печку, такъ какъ въ вагонѣ было очень холодно и старался помочь женщинамъ. Онъ скромно держался въ углу, не желая у насъ отнимать много мѣста. „Посмотрите, есть и приличные русскіе жандармы", сказалъ мнѣ господинъ изъ Риги.

„Почему же ему не быть приличнымъ, когда это финнъ, который долженъ носить русскую форму", отвѣтилъ я.

На это мой сосѣдъ не могъ мнѣ ничего возразить.

Я предпочелъ бы жить съ нѣмцами на Уралѣ, чѣмъ сидѣть съ этими обрусѣвшими людьми германскаго происхожденія.

Чортъ ихъ возьми.

Моя жена надѣялась, что заставитъ нашихъ сосѣдей перемѣнить мнѣніе о Россіи, разсказавъ имъ о житьѣ нашихъ соотечественниковъ на Уралѣ. Она не смущалась тѣмъ, что сосѣди наши боялись жандарма, она открыто высказала свое мнѣніе по поводу американскаго посольства и американцевъ вообще. Сосѣди наши пребывали въ страхѣ, но не рѣшились попросить ее перестать говорить такія вещи. Бѣдные люди.

Финскій жандармъ, повидимому, понималъ нѣмецкій языкъ, но не показывалъ виду. Поведеніе моей жены понравилось ему го-

раздо больше, чѣмъ трусость обоихъ нѣмцевъ. Мы чувствовали, что его симпатіи на нашей сторонѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ давно остановилъ бы мою жену. Когда мы снова достали нашу корзину съ провизіей, то онъ помогъ моей женѣ и взялъ отъ нея папиросы и кое-что закусить, отъ подобныхъ же предложеній со стороны другихъ пассажировъ онъ отказался.

Наши сосѣди не понимали этого, они слишкомъ долго жили въ Россіи и не знали, что твердость характера всегда больше импонируетъ, чѣмъ трусость и боязливость.

Такимъ образомъ мы ѣхали шестьдесятъ часовъ вмѣсто шестнадцати, при чемъ все время слышался шумъ и чувствовались толчки. Наши нервы, которые не мало уже выдержали, вынесли еще одно тяжелое испытаніе.

Мы дождались все же и окончательной остановки поѣзда. Финскій жандармъ взялъ наши вещи и лично провелъ насъ въ пограничную таможню. Одна сторона здѣсь была русской, а другая шведской. Ахъ, поскорѣе бы намъ перебраться на шведскую сторону.

Скоро намъ туда попасть не удалось. Снова досматривали нашъ багажъ, на этотъ разъ русскіе чиновники совмѣстно со шведскими. Все это время мы должны были оставаться на русской территоріи.

Вскорѣ вышелъ русскій жандармъ съ паспортами и сталъ насъ вызывать по фамиліямъ. Каждый вызванный получалъ свой паспортъ и переходилъ на шведскую сторону, Россія не могла ему больше ничего сдѣлать.

Мнѣ пришлось долго ждать моей очереди. Финскій жандармъ, который все еще старался быть намъ полезнымъ, два раза ходилъ къ своему товарищу, чтобы посмотрѣть наши паспорта, но не нашелъ ихъ.

Число нѣмцевъ, остававшихся на русской сторонѣ, становилось все меньше. Наконецъ-то вызвали и меня. Я получилъ мой паспортъ, который, вѣроятно, подробно не смотрѣли, какъ мнѣ предсказывалъ мой другъ въ Петроградѣ. Финскій жандармъ подалъ мнѣ нашъ багажъ и мы перешли на шведскую сторону. Россія

можетъ намъ...... я не хочу больше ничего говорить.

На шведской сторонѣ, у выхода изъ таможни, былъ устроенъ буфетъ, гдѣ шведскія дамы предлагали высланнымъ чай, кофе и тартинки. Дамы эти были въ высшей степени любезны и обходительны. Неужели еще существуютъ на землѣ мѣста, гдѣ на насъ не смотрятъ, какъ на преступниковъ только потому, что мы нѣмцы.

Мы подкрѣпились немного, но сдѣлали это очень поспѣшно, такъ какъ русская территорія была еще очень близка и разстояніе между нами и Россіей слишкомъ незначительно. Мы отправились на шведскій пароходъ и заняли каюту. Все происходящее намъ казалось сказкой, намъ не вѣрилось, что насъ не считали больше преступниками, а вполнѣ порядочными людьми. Мы находились снова въ странѣ, гдѣ законъ стоялъ на должной высотѣ. Никакія власти не могли насъ произвольно арестовать и наказать. Это могло случиться лишь по суду и за какой нибудь проступокъ.

Мы пришли немного въ себя, помылись и пошли погулять по пароходу. Мы могли теперь по настоящему гулять, какъ свободные люди.

Шведскій пароходъ, на который мы попали, былъ весьма неважный, но намъ онъ показался раемъ. Матросъ спросилъ насъ, не нужно ли намъ дать на ночь болѣе теплыя одѣяла. Мы могли снова имѣть и выражать свои желанія.

Лоцманъ показалъ намъ дорогу въ столовую, гдѣ можно было получить пиво.

Когда мы вошли въ столовую, то въ первую минуту въ ужасѣ отступили назадъ. Рядомъ со шведскимъ капитаномъ сидѣлъ человѣкъ въ русской формѣ. Что дѣлалъ этотъ человѣкъ на шведской территоріи.

Это былъ совершенно пьяный русскій начальникъ порта. Онъ любилъ шведскую территорію, гдѣ было много водки и вообще алкоголя, чего не было больше въ Россіи, поэтому то этотъ благородный русскій начальникъ порта и жилъ на шведскихъ пароходахъ, стоявшихъ въ гавани. Въ этотъ моментъ онъ олицетворялъ для меня оффиціальную Россію со всей ея подлостью и пьянствомъ.

„А, нѣмцы", пробормоталъ онъ по нѣмецки и уставился на насъ.

„Васъ опять хорошо побили", сказалъ я ему.

Онъ былъ такъ пьянъ, что сразу не понялъ меня.

„Мы взяли въ плѣнъ шестьдесятъ тысячъ русскихъ, тебѣ это извѣстно", спросилъ я его.

„Это ничего не значитъ, братецъ. Вы еще больше будете братъ въ плѣнъ, а мы будемъ еще больше посылать, пока наши не задавятъ васъ. Мы васъ шапками закидаемъ. Ваше здоровье."

Онъ пилъ, но я не обращалъ на него вниманія. Шапками забросать - это характерное русское выраженіе, которое существовало уже во время японской войны. Русскіе не заботятся о снаряженіи, о вооруженіи, о боевыхъ припасахъ, о продовольствіи, о командномъ составѣ, а только лишь о шапкахъ. По мнѣнію русскихъ нужно лишь имѣть побольше шапокъ, т. е. солдатъ, и тогда побѣда будетъ на ихъ сторонѣ.

Начальникъ порта съ трудомъ поднялся и, пошатываясь, вышелъ изъ столовой. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Прощай послѣднее реальное явленіе изъ русской жизни, я доволенъ, что ты ушелъ въ такомъ состояніи.

Нашъ пароходъ сильно качало, вѣтеръ завывалъ и волны попадали на палубу. Мы могли наткнуться на мину, захворать морской болѣзнью, но все это насъ не пугало, мы хотѣли лишь подальше уѣхать отъ русскаго берега. Пароходъ нашъ съ трудомъ подвигался впередъ, такъ какъ дулъ встрѣчный вѣтеръ. Мы полтора дня шли до Стокгольма. Около четырехъ часовъ утра мы прибыли въ столицу Швеціи. Мы поѣхали въ наилучшую гостиницу и легли. Намъ хотѣлось, наконецъ, выспаться, не боясь, что намъ можетъ помѣшать полиція или жандармы, разбудить и арестовать насъ.....

Днемъ мы встрѣтились съ нашими сосѣдями по вагону, у одного изъ нихъ въ петлицѣ была ленточка ордена Краснаго Орла четвертой степени. Подумайте какой патріотъ, только что пріѣхалъ въ Стокгольмъ, а уже нацѣпилъ орденъ.

Въ стокгольмѣ мы пробыли лишь до вечера. Русскіе вѣдь

оставили намъ только двѣсти марокъ, которыхъ намъ должно было хватить до Берлина.

Мы сѣли въ скорый поѣздъ, шедшій черезъ Мальме въ Треллеборгъ, откуда мы направились въ Засницъ, гдѣ рядомъ со шведскимъ флагомъ развивался германскій флагъ. Почти что въ теченіе пяти мѣсяцевъ мы не видѣли своего національнаго флага. Какъ много намъ сказалъ германскій флагъ въ этотъ моментъ......

Мы были снова дома, мы были снова въ Германіи!-

------o------

Съ переводомъ вѣрно:

Начальникъ Контръ-Развѣдывательнаго Отдѣленія при Штабѣ Приамурскаго военнаго округа, Подполковникъ

